DT 30 Т35 г. III-IV
А. Терещенко
Быт русского народа
г. С-Петербург
1848 г.

8297/29

БЫТЪ
РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ IV.

ЗАБАВЫ.

I. ИГРЫ. II. ХОРОВОДЫ.

Соч. А. Терещенки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 4 марта 1846 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

I. ИГРЫ ДѢТСКІЯ. II. ИГРЫ ДѢВИЧЕСКІЯ. III. ИГРЫ МУЖЕСКІЯ и IV. ИГРЫ ОБОЕГО ПОЛА.

Вступленіе. I Игры дѣтскія: сорока, лошадка, перегонка, клёцки, пень, теребить носъ, ярка, хлопаніе и хлопушка, куклы, голубъ, горобецъ, волкъ и гуси, сѣрой волкъ, мышка, крыночка, сучка, кліокъ, шнуръ, веревочка, бумажный змѣй, рыба, тюзики, орѣшекъ, терять, ласы, снѣжныя изображенія, волчокъ — **II Игры дѣвическія:** макъ, горѣлки, лычки, сижу посижу, безъ соли соль, жмурки, котики, первенчики, корабль съ мельницей, колечко, камешки, колышки, кумки, коза, огарушекъ, скачка на доскѣ, запуски, четъ и нечетъ, обручъ, бирюльки. **III. Игры мужескія:** мячъ, мячъ объ землю и объ стѣну, летучій мячъ или воланъ, воробьи, пытка, свайка, ножикъ, мушка, чушки, чижъ или чижикъ, кандалы, шаръ или касло, вѣтчинка, бабки, чеканчики или жожки, альчикъ, пыжъ, скрагли, скляпъ, кегли, скопердинъ, пурка, рай, тычка, чекарда, городки, крегли, буй, простѣнокъ, орлянка, кости или зерна, перетягиваніе веревкою, гусекъ, шахматы, шашки, ломка пряниковъ, борьба, кулачный бой. **IV. Игры обоего пола:** ужище, колючки, жгутъ, король (литовскій), бружасъ, медвѣдь, драгунъ, вѣнчикъ, дергачъ, король (малороссійскій), взвѣшиваніе соли, кружокъ, кончики, ланта, столбики, коршунъ, воронъ, рѣдька, веревочка, яша, рекрутскій наборъ, курилка, игра именами, игра въ птицы, воробей, почта, синонимъ, кухня, весь туалатъ, кошки-мышки, пошолъ рубль, охъ болитъ, мостъ мостить, азбу-

ка, молчаніе, къ чему бы употребили меня? — чему уподобить? — прошколить, вотъ моя корзина, нѣмой концертъ, осужденный, птичій охотникъ, перчаткой играть, дорожные, сочинитель, носъ, засѣданіе; хорошъ пригожъ, жениться хочу, или: хороша пригожа, замужъ хочу, сосѣды, продажа холста, костыль, цвѣтъ, качели, катанье съ горъ и на саняхъ, карты.

ИГРЫ.

Не возможно представить въ стройномъ порядкѣ, повсемѣстныя наши забавы: онѣ такъ многочислеены и перемѣнчивы, что трудно собрать ихъ въ одно, подвесть подъ одинъ уровень увеселеній, чтобы вывесть объ нихъ общее заключеніе. — Простой народъ, сохраняя предковъ повѣрья и обычаи, слилъ ихъ съ привычками своими.— Иностранцы весьма превратно изображали наши игры: не зная нашего языка, и мало заботясь о вѣрности изложенія, они включали въ свои дневники, все безъ разбора. — Довольно взглянуть на нѣсколько современныхъ извѣстій иноземцевъ, чтобы убѣдиться о ихъ невѣжественномъ описаніи. Окруживъ себя книгами иностранными, незаслуживающими довѣрія, они выписываютъ изъ нихъ, что имъ вздумается, и говорятъ, какъ бы сами все видѣли. — Забавы нашего народа, отраженіе истиннаго и неподдѣльнаго ихъ веселія, не иначе могутъ быть описаны, какъ съ дѣйствительной картины ихъ жизни. Вступленіе.

Въ теплое время собираются предъ домомъ мущины и женщины, молодые и дѣвушки. Сначала мущины привѣтствуютъ другъ друга, снятіемъ шапки съ головы, а женскій полъ встрѣчаетъ ихъ улыбкою, или вопросомъ о здоровьи; потомъ садятся рядомъ на лавкѣ у

дома. Если бы не достало мѣста для женщинъ, то самые старики встаютъ и просятъ ихъ садиться. Женщины уважаются повсюду, во всѣхъ состояніяхъ. Молодые перешепчиваются между собою, старики усмѣхаются и говорятъ имъ, съ простосердечнымъ хохотомъ, что ихъ подслушали. Тогда начинается разговоръ живѣе, бесѣда откровеннѣе и перестаютъ чуждаться; подступаютъ ближе другъ къ другу, и дѣлаютъ общій кругъ. Является балалайка, и всѣ раздвигаются. Дѣвушки ожидаютъ съ нетерпѣніемъ приглашенія. Вездѣ дѣвушки начинаютъ первыя, и вездѣ онѣ съ своими правами. Молодецъ, который всѣхъ посмѣлѣе, выступаетъ впередъ, и снявъ шапку, проситъ красавицу повеселиться съ нимъ. — Все общество въ праздничныхъ нарядахъ: мущины въ кафтанахъ, съ отворотомъ красной рубашки и въ шапкѣ набекрень. Дѣвушки въ сарафанахъ, съ длинными рукавами бѣлой рубашки и бѣлымъ платкомъ въ рукѣ.—Еще не начинается пляска, а только заохочиваются къ ней. Тутъ мальчики мѣшаютъ всѣмъ: они отвлекаютъ общее вниманіе своею бѣготнею и играми, въ коихъ нерѣдко принимаютъ участіе и взрослые. — Дѣвушки расходятся, образуютъ свой кругъ, и замышляютъ о своихъ забавахъ; женатые отдѣляются отъ нихъ, идутъ въ сторону; одни старые остаются предъ домомъ, и ведутъ разговоры о своихъ занятіяхъ: все расходится, и казалось бы веселію конецъ. Тутъ-то оно начинается: рѣзвые и беззаботные шалуны, затѣваютъ своихъ лошадокъ и запуски; парни сбиваютъ городки, дѣвушки скачутъ на доскахъ. Когда поразвеселятся, тогда затѣваются общія игры, въ которыя не принимаютъ только дѣтей; послѣднія не жалѣютъ объ этомъ, потому что онѣ имѣютъ свои собственныя, имъ однимъ принадлежащія. Но дѣвушки и мущины, кромѣ общихъ забавъ, имѣютъ такъ же свои

отдѣльныя: тогда парни не внѣшиваются въ дѣвическія, а дѣвушки въ мужескія игры.—Полъ и возрастъ отдѣляется другъ отъ друга, а потому проистекаетъ само по себѣ естественное раздѣленіе игръ.

—

1. ИГРЫ ДѢТСКІЯ.

Дѣтскій возрастъ любитъ беззатѣйныя, не хитрыя игры; но въ нихъ скрывается или поученіе или выраженіе ихъ возраста.

Сорока повсемѣстная забава. Ею веселятъ ребенковъ и маленькихъ дѣтей. — Матери или няньки, посадивъ ребенка на свои колѣни, или поставивъ его подлѣ себя, перебираютъ по пальцамъ дитяти и ласкаютъ, чтобы оно не плакало, приговаривая: сорока, ворона, дѣтямъ кашку варила: одному дала, другому дала,—и засчекотавъ подъ мышкой, произносятъ скоро: а третьему не дала. Сорока улетѣла! —Въ Малороссіи говорятъ: сорока, ворона, на припичку сидила, дитямъ кашу варыла; одному дала, другому дала, сёму дала, сёму дала, а сёму не дала,—гай! гай! сорока улитила.—Засчекотавъ ребенка, пробуждаютъ въ немъ смѣхъ и послѣ заставляютъ его повторять тоже самое. — При успѣшномъ повтореніи дитяти, цѣлуютъ его всякой разъ. — Эту забаву продолжаютъ, пока дитя развеселится. Сорока.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорятъ: сорока, ворона, дѣтямъ кашу варила, на порогѣ студила. Тому дала, тому дала, тому шейку урвала, и полетѣла! — Суха суха!... Забавляютъ еще такъ:

Сорока, сорока, кашку варила; на порогъ скакала, гостей смѣкала. Гости на дворъ, кашку на столъ; гости со двора, кашка со стола. Этому дала, этому не

дала; этому досталось, этому не досталось: который малъ, который дрова не таскалъ, который печку не топилъ, который щи не варилъ, который за водой не ходилъ. Шу, полетѣла! и хвостикомъ завертѣла.

Ладушки, ладушки! гдѣ были?—У бабушки? кушали аладушки. Что ѣли? — Кашку. — Что пили? — Бражку. — Кашка слатенька (сладѣнька), бражка пьяненка.— При закачываніи дѣтей поютъ протяжнымъ голосомъ:

Воркуй, воркуй голубчикъ,
Воркуй сизенькой.
Дворомъ летишъ, воркуешь;
Шатромъ летишъ, слушаешь.
А кто въ шатрѣ говоритъ?
Говоритъ въ шатрѣ
Братъ со сестрой,
Родимой со родимой. —
Сестрица моя родимая!
Пойдемъ гулять,
Во зеленой садъ.
Сорвемъ въ саду по цвѣтку,
Совьемъ себѣ по вѣнку.
Понесемъ вѣнки къ батюшкѣ,
Къ родимой матушкѣ.
Сударь ты мой, батюшка,
Сударыня ты моя, матушка
Которой вѣнокъ алѣе?
Которой изъ насъ милѣе? —
Дитя мое милое!
Всѣ вѣнки алые,
Всѣ дѣти милые. —

Иногда забавляютъ дѣтей причитаніями:

У котика, у кота,
Была мачиха;
Она била кота,
Приговаривала;

На всѣ стороны,
Кота оборачивала.
Дайте коту папы,
На заднія лапы. —
Ѣшъ котикъ, — не крошп;
Больше папы не проси. (*).

(*) Въ Польшѣ приговариваютъ дѣтямъ:

Tu tu kokoszka, jagełki warzyła,
W dziobek się sparziła:
Temu dała, temu dała.
Tamtemu łepek urwała,
I het poleciała,
Do rzéczki.

—

Poleciała do paproci
Wygrzebiała troje dzieci:
Pierwsze woła gnać,
Drugie poganiać,
Trzecie siédzi na kamieniu,
Trzyma dudki na ramieniu:

—

Biegla mysz,
Ziadła knysz.
Tu tu siadła,
Knysza ziadła.

—

Myszko, myszko! gdzieś była?
U babki.
Coś jadła?
Ochłapki (остатки).
A czemuś nie przynosła?
Bom zapomniała.

—

Myszka, myszka poszla do laska,
Złapała ptaszka,
Nikomu go nie dała,
Sama go ziodła.

—

Kowalu, kowalu! pódkuj mnie buty.
Poczekaj Mospanie,
Niech ognia dostanie. —
Stuk, stuk, stuk.

—

Iedzie pan pan,
Na koniku sam, sam.
Iedzie żyd, żyd,
Hotata! hotata!
Iedzie chłop, chłop
Z konika hop, hop.

Golębow. Gry i zabaw. etc, ed. Warsz. 1831 г., ч. 3. с. 7—10.

У венгерскихъ Словаковъ наша сорока извѣстна подъ именемъ дѣтской каши. Мамка или нянька, взявъ ручку дитяти, бьетъ указательнымъ пальцемъ по его ладони или крутитъ пальцемъ по ладони, представляя этимъ, что она

Лошадка. Въ праздничные дни, особенно лѣтомъ, всегда и повсюду встрѣтите мальчишекъ съ веревочками въ зубахъ, бѣгущихъ по два или по три, схватясь за руки, представляя изъ себя лошадокъ. Ими правитъ бой – кучеръ, который неумолкно хлопаетъ плетью и кричитъ на нихъ. Эта игра есть одна изъ любимыхъ для крестьянскихъ дѣтей. Въ деревнѣ едва станетъ ходить мальчикъ, уже онъ возитъ истоптаный лапоть или ѣздитъ верхомъ на палочкѣ; поитъ своего коня, ставитъ его въ конюшню, даетъ ему овса и чиститъ его. Когда можетъ уже бѣгать по улицѣ, тогда онъ съ восторгомъ снаряжаетъ тройку, которая иногда впрягается въ тележку, и на ней помѣщается кучеръ. — Тройка бѣжитъ сначала тихою рысью, потомъ несется, бьетъ и опрокидываетъ повозку. Ушибенный кучеръ забываетъ о своей боли: онъ бѣжитъ за лошадьми, останавливаетъ ихъ, гладитъ каждую по головкѣ и внимательно разсматриваетъ: не засѣклась ли которая? — Намачиваетъ имъ ноги водою, а о себѣ не думаетъ — Эта игра выражаетъ страсть ямщиковъ къ своему занятію.

Играютъ въ лошадки еще проще: садятся мальчики

мѣшаетъ кашу, и приговариваетъ за каждымъ разомъ:

Наварила мамичка кашички,
Подьте семъ, подьте семъ, мои дѣточки!
Тому то дала на мищичку,
Тому то на панвичку,
Тому то на тапѣрикъ,
Тому то на лыжечку,
Тому то на видличку.
А тому то найменьшему ничъ не дала,
Але му прасятко закляла:
Кикъ! кикъ! кикъ!

Kollar: Národn. zpiew. ч. I. с. 315.

и дѣвочки верхомъ на палочкѣ, и воображая себѣ, что онѣ ѣдутъ на лошадкѣ, зануздываютъ ее шнурочкомъ или веревочкою, хлещутъ плетью, а за неимѣніемъ ее, тонкимъ прутикомъ, сворачиваютъ свою головку на сторону, скачутъ галопомъ, или во всю прыть, и кричатъ: пошелъ! пади! — Дѣвочки не такъ охотно разъѣзжаютъ на лошадкѣ, какъ мальчики, обнаруживая собою съ дѣтства, что это не свойственно ихъ полу, — потому онѣ предоставляютъѣздить мущинамъ. —

Перегонка.

У дѣтей болѣе взрослыхъ, составляетъ любимую еще забаву,—бѣганье въ перегонку. Играющія перегоняютъ другъ друга, и кто кого перегонитъ, тотъ хвалится съ самодовольствіемъ. Въ этой игрѣ принимаютъ участіе дѣвушки.—Перегонка служитъ къ тѣлесному укрѣпленію и развитію проворства. — Эта игра называется въ Малороссіи *выпередки*.

Клёцки.

Дѣти, которымъ запрещено отлучаться отъ дома, собираются подлѣ воротъ и играютъ въ клёцки. Образовавъ изъ большаго и указательнаго пальцевъ кругъ, пропускаютъ сквозь него свою слюну.—Кто пропуская слюну, уронитъ ее на какой либо палецъ, тотъ получаетъ названіе *клёцки*.—Тогда всѣ начинаютъ дразнить его: клёцка, клёцка; прокислая клёцка, клёцка!—Онъ бѣгаетъ за ними и ловитъ; кого поймаетъ, тотъ дѣлается клёцкою, который потомъ ловитъ ихъ точно также, какъ и первый. Игра продолжается, пока не набѣгаются вдоволь. — Она составляетъ одну шалость дѣтей.

Пѣвень.

Дѣти обоего пола взбираются на новыя избы, имѣющія одинъ только потолокъ, или на другое какое либо зданіе съ одиимъ потолкомъ. Вскарабкавшись по лѣстницѣ, становится четверо по угламъ, а пятой, ставъ по срединѣ, приѣаетъ на обѣихъ ногахъ и поетъ :

Пень, пень, дай конопель.
Трошку, горошку, —
Масла съ ложку.

При послѣднемъ словѣ всѣ мѣняются мѣстами, *пень же* старается захватить чіе бы то ни было мѣсто, потерявшій же его играетъ пня. Игра продолжается, пока она не наскучитъ; но кто остался въ послѣдній разъ пнемъ, тотъ долго носитъ это названіе. Игра въ пень, хотя есть дѣтская рѣзвость, однако ею выражается дурачекъ. —

Теребить носъ.

Дѣти шалуны, наскучивъ какой-либо игрою, бросаются другъ на друга, толкаютъ, кричатъ, бѣгаютъ, падаютъ, ушибаются, — этого мало, этого имъ не довольно: онѣ ищутъ другихъ ощущеній. Кто порѣзвѣе, тотъ вызываетъ къ новой забавѣ, — теребить носъ. Становятся другъ противу друга, и кричатъ: начинай!— Нѣтъ ты начинай. — Тутъ одинъ начинаетъ спрашивать, а другой отвѣчаетъ ему. — Чей носъ? — Савинъ— Гдѣ былъ? — Славилъ — Что выславилъ? — Копѣйку.— Куда дѣлъ? — Пряникъ купилъ. — Съ кѣмъ съѣлъ? — Одинъ. — При этомъ словѣ спрашивавшій хватаетъ за его носъ, подергиваетъ во всѣ стороны, приговаривая: не ѣшъ одинъ, не ѣшъ одинъ. — Если подергиваемый скажетъ тогда: сьѣлъ съ тобой, — то носъ его оставляютъ въ покоѣ. — Случается, что не отвязчивые шалуны, до того наклеиваютъ носы, что долго, долго помнятъ ихъ. — И кто забываетъ носы? Многія водятъ за носы, а многія натягиваютъ ихъ такъ длинно — что вашъ нѣмецкій!—

Эта игра по видимому ничего не объясняетъ собою, но вникнувъ въ нее, видимъ носы, которые слышатся безпрерывно: то за нѣжные вздохи и любовныя дѣлишки, то за дурачество и житейскіе промахи, — од-

нимъ словомъ повсюду носы, — кто не получалъ ихъ?— Обращаюсь къ вамъ, не сердитесь за носъ. Безъ носа нельзя быть. — Безъ носа только дурные люди, — фи! — Носъ! носъ! дайте носъ: безъ носа никто не можетъ жить.

Ярка.

Лѣтомъ, собравшись мальчики вмѣстѣ, выходятъ на поляну. Тамъ копаютъ въ одинъ рядъ нѣсколько ямочекъ, разстояніемъ одной отъ другой на два вершка, а въ концѣ ямочекъ дѣлаютъ одну большую. Одинъ изъ играющихъ катитъ чрезъ ямочки въ большую яму мячь, который, въ чьей остановится, тотъ подвергается посмѣянію: становятъ его на колѣна, ерошатъ ему голову и поютъ ярку:

Ярка, не ярка,
Баранъ, не баранка:
Старая овечка да не ярочка.
Вотитель, вотитель! выше города плетень,
А на томъ плетнѣ, кузнецы куютъ;
Кузнецы куютъ, по головкѣ бьютъ.

Съ послѣднимъ словомъ, ударивъ мячикомъ по головѣ, разбѣгаются въ сторону. Тотъ схватываетъ мячь и бросаетъ въ бѣгущихъ; кого *застукетъ*, тотъ долженъ катать мячикъ. Если сдѣлаетъ промахъ, то долженъ катать снова. — Нападеніе враговъ на безсильнаго и беззасчитность послѣдняго, — не вездѣ ли между людьми? —

Хлопаніе и хлопушка.

Каждый мальчикъ и каждое дитя, какъ только распустятся у деревьевъ и цвѣтовъ листья, срываетъ ихъ для своей забавы: листъ прикладываетъ къ своимъ губамъ и втянувъ въ себя, разрываетъ пополамъ, производя этимъ громкое потрясеніе въ воздухѣ, на подобіе отдаленнаго выстрѣла. — Этотъ трескъ такъ нравится дѣтямъ, что

онѣ ходятъ по нѣсколько вмѣстѣ и щелкаютъ поминутно, стараясь другъ предъ другомъ выказать свое искуство.

Поэтъ Анакреонъ воспѣлъ эту забаву, которая была любимою у Грековъ.

Свертываютъ еще листъ бумаги трехугольникомъ и хлопаютъ имъ по воздуху,—ходя и бѣгая. Дѣти любятъ пугать хлопушкою мухъ, особенно имъ нравится хлопать неожиданно по идущимъ. — Гулъ отъ свернутой бумаги, раздается довольно сильный.

Въ обѣихъ этихъ забавахъ, выражается наклонность дѣтей къ военнымъ занятіямъ.

Куклы. Дѣлаютъ изображенія деревянныя, представляющія дѣвушекъ, мальчиковъ, ребенковъ; всѣхъ ихъ наряжаютъ въ платья и дарятъ дѣвочекъ, которыя нянчатъ свои куклы, ходятъ съ ними въ гости, или сами угощаютъ ихъ.

Эта игра составляетъ пріятное препровожденіе времени для дѣтей, но вмѣстѣ съ тѣмъ приучаетъ дѣвушекъ съ малолѣтства видѣть, въ себѣ самыхъ, будущихъ матерей. Подъ куклами онѣ воображаютъ своихъ малютокъ, а себя мамками, нянъками и матерями. Сколько для нихъ слезъ, если увидятъ, что кто нибудь ударитъ ихъ куклу! Онѣ рыдаютъ по нихъ, какъ нѣжныя матери по дѣтямъ.

Голубъ. Одно изъ проворныхъ дѣтей выбирается ястребомъ на всю игру, или до ухода перваго голуба. Въ первомъ случаѣ онъ называется *вѣчный*, а во второмъ *съ хвостикомъ*. Играющіе избираютъ изъ своей среди голуба и голубку, а всѣ прочіе составляютъ однихъ птенцовъ Голубъ летитъ собирать корму, голубка ожидаетъ его съ дѣтьми. Птенцы просятъ хлѣба, но его нѣтъ; они голодаютъ, бродятъ и пищатъ.—Прилетаетъ самецъ и дѣлитъ между ними пищу.—Дѣтки уже подросли; имъ не хочется сидѣтъ дома; онѣ пускаются летать по свѣту. Но повсюду есть враги, особенно для счастливаго семейства. Летитъ ястребъ и устремляется на нихъ. — Онъ

похищаетъ дѣтей по одиночкѣ: голубъ и голубка тоскуютъ. Ястребъ, не довольствуясь расхищеніемъ малютокъ, поражаетъ сначала самца, потомъ самку, — и тѣмъ довершаетъ истребленіе цѣлаго семейства. Бываетъ, что голубъ убиваетъ ястреба, — но если онъ не одолѣетъ его? — Тогда ястребъ развертываетъ всю свою лютость, — выраженіе мстительнаго врага, — поражаетъ его въ голову, рветъ перья и распускаетъ повѣтру.

Разшалѣвшіяся въ этой игрѣ дѣти, хватаются крѣпко за платья и рвутъ другъ на другѣ, не замѣчая этого.

Голубъ и голубка съ своими птенцами, высказываютъ собою несчастное семейство, страдающее отъ лиходѣевъ; семейство беззащитное, которое разоряютъ всякими неправдами.

Игра эта малороссійская; въ нее играютъ преимущественно мальчики. Составивъ кругъ изъ трехъ или болѣе паръ, берутся за руки и двигаются въ одну сторону, припѣвая: Горобецъ.

Горобѣичко шпачку, шпачку!
Чы бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чы бачывъ ты, якъ макъ сіютъ?
Якъ макъ сіютъ, якъ макъ сіютъ!

Пропѣвъ это, движущіеся останавливаются: мальчики обращаются другъ къ другу и сжавъ кулаки, размахиваются, какъ бы сѣютъ макъ, и бьютъ въ тактъ по бокамъ другъ друга по три раза, съ припѣвомъ:

Оце такъ макъ сіютъ. 3. р.

Потомъ составляютъ прежній кругъ и двигаются по прежнему, припѣвая:

Горобѣичко шпачку, шпачку!
Чы бувавъ ты въ садку, въ садку?

Чы бачывъ ты, якъ макъ цвѣте?
Якъ макъ цвѣте, якъ макъ цвѣте!

Кругъ разрывается, мальчики обращаются другъ къ другу, и ударяя по щекамъ три раза: то правой то лѣвой рукою, припѣваютъ:

Оце такъ макъ цвѣте. 3- р.

Опять становятся въ прежній кругъ и движутся по прежнему, припѣвая;

Горобѣичко шпачку, шпачку!
Чы бувавъ ты въ садку, въ садку?
Чы бачывъ ты, якъ макъ трусятъ?
Якъ макъ трусятъ, якъ макъ трусятъ!

Послѣ этого быстро разрываютъ кругъ, бросаются другъ на друга, схвачиваются за чубы, сталкиваются головами и припѣваютъ:

Оце такъ макъ трусятъ. 3 р.

Въ это время трусятъ другъ друга не на шутку, — только что не летятъ волоса. Смыслъ этой игры: потѣха до ощутительныхъ увеселеній, Молодость не любитъ тихихъ удовольствій: ей давай, чтобъ лобъ трещалъ, волоса летѣли. —

Еще поютъ иначе:

Шпачку, шпачку, воробейчку!
Чы бувавъ же ты въ мачку, въ мачку?
Чы видавъ же ты, якъ макъ сіютъ?

Отъ такъ, такъ, сіютъ макъ.
Морковочку, постарнакъ.
Шпачку, шпачку, воробейчку!
Чы бувавъ же ты въ мачку, въ мачку,
Чы видавъ же ты, якъ макъ полютъ?
Отъ такъ, такъ, полютъ макъ,
Морковочку, постарнакъ.
Шпачку, шпачку, воробейчку!
Чы бувавъ же ты въ мачку, въ мачку!
Чы видавъ же ты, якъ макъ товчуть.
Отъ такъ, такъ, макъ товчуть,
Морковочку, постарнакъ.

Волкъ и гуси.

Нѣсколько дѣтей становится въ одинъ рядъ, съ названіемъ гусей, и держутся за полы платья другъ у друга; впереди ихъ стоитъ бойкой мальчикъ, съ названіемъ гусака: онъ защищаетъ прочихъ гусей отъ нападенія волка, который старается унесть гусь или гусенька. Волкъ не можетъ хватать ни изъ средины, ни изъ первыхъ, но долженъ уносить изъ конца. Онъ бѣгаетъ дотолѣ, пока не разстроитъ рядъ и не схватитъ съ конца, и такимъ образомъ продолжаетъ перелавливать. Потомъ нападаетъ на самаго гусака, и терзаетъ его. — Эта игра выражаетъ значеніе голуба. — Она преимущественно въ употребленіи на Литвѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи и Малороссіи. —

Сѣрой волкъ.

Избранный волкъ садится на бугоркѣ и думаетъ, какъ бы унесть овечку изъ стада, которое, разсыпавшись по полю, счиплетъ себѣ травку спокойно. Когда волкъ бросается на овецъ, тогда онѣ разбѣгаются во всѣ стороны; пойманная имъ овечка, играетъ уже сѣраго волка.—Иные играютъ еще такъ: когда овечки счиплятъ травку, тогда приговариваютъ: шиплю травку, сѣрому волку; сѣрому волку на лопатку, — и бросаютъ ему въ глаза. Разсер-

женный волкъ бросается на стадо, и терзаетъ пойманную овечку. (*)

Много на свѣтѣ людей, подобныхъ волкамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ смоленской губерніи, играютъ въ сѣраго волка еще иначе. Дѣти выбираютъ изъ среди себя волка и хозяйку: оба они должны быть проворные и смѣтливые. Остальныя дѣти представляютъ собою гусей. Хозяйка гонитъ ихъ въ поле, и потомъ возвращается домой. Волкъ садится на дорогѣ, — хозяйка, спустя нѣсколько времени, сзываетъ гусей: гуси, лебеди, домой!—Гуси, выстроившись въ рядъ, кричатъ: боимся! — Чего? — Волкъ подъ горой — Что онъ тамъ дѣлаетъ?—Сѣренькихъ, бѣленькихъ щиплетъ— Хозяйка не вѣритъ гусямъ, и кричитъ разсердившись: домой! Онѣ бросаются летѣть, но волкъ перехватываетъ кого можетъ, а прочія гуси прилетаютъ домой.—

(*) Въ Польшѣ тоже играютъ въ сѣраго волка, только что тамъ, вмѣсто овецъ, занимаютъ мѣсто гуси. Волкъ сидитъ посреди пасущихся гусей, копаетъ землю и разводитъ огонь. Мать съ гусенками, обходитъ его нѣсколько разъ, и потомъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ:

Гусь. Na co ten dołeczek?.
Волк. Na ognieciezek
Гусь. A ten ogienieczek?
Волк. Na wody grzanie.
Гусь. A ła woda?
Волк. Na talerzykow umywanie.
Гусь. A te talerzyki?
Волк. Na gązy krajanie,
Гусь. A gdzie je masz?
Волк. U ciebie za pasem.

Сказавъ это, волкъ бросается на послѣднюю или крайнюю гусь.–Golęb.: Grzy i zabaw., etc. ed. Warsz ч. 3, с. 69 и 70,

Хозяйка снова отправляетъ ихъ въ поле, и потомъ снова приказываетъ возвратиться домой. Волкъ опять перехватываетъ гусей, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не переловитъ всѣхъ ихъ и тѣмъ оканчивается игра. — Въ Малороссіи эта игра извѣстна, подъ именемъ гусей. Изъ играющихъ избирается волкъ и хозяйка, остальные играютъ гусей. Волкъ сидитъ гдѣ нибудь въ сторонѣ; а хозяйка, избравъ мѣсто для своей хаты, гонитъ въ поле гусей со двора. Когда отойдутъ гуси на довольное разстояніе, тогда зоветъ хозяйка:

Хоз. Гуси до дому!
Гус. Вивкъ за горою.
Хоз. Що робить!
Гус. Гуску скубе.
Хох. Якую?
Вол. Сиру, да билу, да волохнату.
Хоз. Скорій же мои гуси до хаты.

Гуси летятъ домой, волкъ бросается ловить, и если поймаетъ какую либо, то ведетъ ее въ свою нору.

Хозяйка опять гонитъ въ поле гусей, и опять зоветъ ихъ по прежнему. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока волкъ не переловитъ всѣхъ. Тогда хозяйка идетъ искать гусей своихъ, и заходитъ къ волку.

Хоз. Здоровъ куме.
Вол. Здравствуй кумо.
Хоз. Чи не бачывъ моихъ гусей?
Вол. А яки твои гуси?
Хоз. Була сира, булы й билы, да зъ двора десь залетили; ось вже третій день шукаю.
Вол. И не бачывъ, и не знаю.

Хозяйка хочетъ итти, но волкъ останавливаетъ ее: вернысь кумо, побалакаемъ. Хозяйка останавливается, слышитъ пискъ и сыченіе гусей:

Хоз. Що се сычить куме?
Вол. Да се кумо, лѣнъ товчуть.

Хозяйка идетъ домой, волкъ опять останавливаетъ: кумо побалакуемо. Хозяйка остается, и слышитъ гуси хлопаютъ крыльями.

Хоз. Що се таке куме?
Вол. Се плаття перуть.

Хозяйка идетъ, волкъ снова: да постій кумо, побалакуемо. — Хозяйка остается и слышитъ крикъ гусей. Она оборачивается въ ту сторону, гдѣ слышитъ крикъ и спрашиваетъ:

Хоз. А се що кричить, куме?
Вол. Се гуси прилетили. —
Иди подывись; може тутъ и твои е!

Хозяйка отправляется смотрѣть, и видитъ своихъ гусей. Всѣ онѣ сидятъ, сцѣпившись руками. — Познавай кумо, де твои гуси. — Хозяйка разнимаетъ руки и говоритъ; оце мій, оце мій, а, крый Боже! оце тутунька вси мои. — Сирый вивкъ, шобъ ты сгинувъ! — Она гонитъ своихъ гусей домой, и тѣмъ прекращается игра, но ее начинаютъ снова, если захотятъ.

Мышка. Дѣти избираютъ изъ своей среди водыря, а прочія, съ названіемъ мышекъ, становятся по угламъ около дому, или другаго зданія. Въ иныхъ мѣстахъ Россіи, мышка избирается изъ того, кто скажетъ нечетъ, и этотъ нечетъ занимаетъ уголъ. Нечетовъ не должно быть много. Водырь, а въ другихъ мѣстахъ онъ называется котъ, ищетъ себѣ такъ же уголъ, потому подходитъ къ каждому и говоритъ: мышка! — продай

уголъ. Ему отвѣчаютъ: не продамъ.—Когда ему скажутъ: оберись задомъ, тогда онъ высматриваетъ себѣ мѣсто и старается захватить чей нибудь уголъ. Въ то время мышки перебѣгаютъ изъ угла въ уголъ, и спѣшатъ не допустить къ нему водыря. Лишившаяся мышка угла, дѣлается водыремъ или котомъ.

Кто хитеръ, тотъ живетъ въ чужомъ углѣ, какъ въ своемъ.

Крыночка.

Предметъ ея: крыночка съ молокомъ, котъ, котова бабушка и дѣти, — все это доставляетъ удовольствіе дѣтскимъ проказамъ. Дѣтямъ хочется полакомиться молокомъ, но старая женщина, котова бабушка, сторожитъ молоко. Дѣти ласкаются около котовой бабушки, посматриваютъ на молоко,—старушка ворчитъ; котъ изкося поглядываетъ и грозитъ запустить въ нихъ свои когти. Они выманиваютъ его изъ избы. Дѣти хитрятъ: однѣ изъ нихъ скрываются на палати, а другія начинаютъ со старушкою разговоръ. — Бабушка, гдѣ твой котикъ? — Пошелъ голодать кости, на поповъ дворъ. — Бабушка, а это чія нога?—Вора-плута, Натальина жениха. — Бабушка хочешь ли въ нашу баньку? — Какая у васъ банька, идите себѣ прочь. — Не сердись бабушка: у насъ банька калленная; топили молодцы семь дней, а пару въ ней для семи деревень. — А какой вѣничекъ? — Вѣничекъ-то изъ шелку шамаханскаго.—Бабушка идетъ въ баню; дѣти принимаются за молоко и разбиваютъ крыночку. — Бѣжитъ котъ и мяучитъ. — Почуяла бѣду бабушка, и она бѣжитъ. Дѣти уходятъ; бабушка гонится за ними съ сѣрымъ котомъ. Первый словленный дѣлается котовою бабушкою, а вторый котомъ. Потомъ опять начинается игра, въ прежнемъ порядкѣ.

Все въ жизни ищетъ удовольствій и наслажденій, и

потому для пріобрѣтенія ихъ, не рѣдко употребляютъ обманы и хитрости.

Сучка. Выкапываютъ не болѣе въ полъ аршина яму, называемую сучка, которая представляетъ собою городъ. По краямъ ямы дѣлаются для каждаго игрока небольшія ямки, называемыя лунки, представляющія домы жителей. — Одна половина игроковъ, какъ защитники своего города, вооружаются вмѣсто оружій палками. Другая половина, избравъ изъ среди себя вожатаго, идетъ съ нимъ на городъ.—Избраніе вожатаго совершается съ воинскою хитростью. — Ставятъ палку на ногу и бросаютъ ее вверхъ. Чія палка падетъ отъ сучка дальше, тотъ игрокъ; чія ближе, тотъ вожатой. Игроки становятся у лункахъ своихъ, съ опущенными палками. Вожатый бросаетъ палку въ сучку, произнося: *всы*; защитники города спѣшатъ отбить ее. Вожатый, попавшій въ сучку, смѣняется другимъ и преимущественно тѣмъ, который, стараясь отбить сучку, оставилъ свою лунку.—Игра эта наклоняетъ дѣтей къ военному упражненію. — Мнѣ случалось видѣть, что въ нее играли довольно взрослые парни.

Въ смоленской губерніи употребляется сучка болѣе осенью. Дѣлаютъ изъ лыкъ или дерева шаръ. Выбравъ ровное мѣсто, начерчиваютъ на немъ кругъ, а въ срединѣ и по окружности круга, вырываютъ ямочки произвольной глубины. Однако наблюдаютъ, чтобы вырытая въ срединѣ ямка, была бы всѣхъ болѣе. Каждый, участвующій въ игрѣ, занимаетъ только свою ямку; но тотъ, кто по собственной волѣ или по жребію остался внѣ круга, тотъ катитъ шаръ, стараясь попасть въ какую нибудь ямку; стоящіе подлѣ нихъ, отбиваютъ сучку.— Во время отбоя, катающій шаръ долженъ занять чіе бы то ни было мѣсто; потерявшій его, выходитъ за кругъ и исполняетъ работу перваго. Когда шаръ по-

падетъ въ ямку посреди круга, тогда всѣ должны перемѣняться мѣстами, и кто потеряетъ его, тотъ отправляется катать шаръ. При этой игрѣ требуется ловкость и проворство, какъ и при первой.

Кліокъ. Отрубокъ дерева въ четыре вершка, или нѣсколько поболѣе, называется кліокомъ. Его ставятъ въ кружкѣ, незываемомъ поле. Играющіе конаются на палкѣ: чія рука будетъ выше, тому первымъ бить кліокъ; а чія ниже, тому пасти его въ полѣ. Отъ поля отмѣривается условленное разстояніе, которое отмѣчается чертою; изъ за нее начинаютъ бить, а пасущій ставитъ всякій разъ сбитый кліокъ. Кто попадетъ въ него палкою, тотъ беретъ ее съ собою; а кто не попадетъ, тотъ оставляетъ ее лежать, гдѣ она упала. По окончаніи сбиванія, пасущій бросаетъ кліокомъ въ одну какую нибудь, изъ лежащихъ за полемъ паку, и въ чію попадетъ, тому пасть. — Кто же возьметъ, лежащую въ полѣ палку, до побитія ея кліокомъ, тотъ долженъ пасть, и это называется *кліоковать*, т. е. поставить за кліокъ самаго себя, и въ него такъ же мѣтятъ, какъ въ кліокъ. Бросающій въ кліокъ можетъ выкупать себя отъ обязанности пасти, потому позволяется ему цѣлить, и когда онъ цѣлитъ, тогда кричатъ: *выкупи себя, искупи себя*! Если играющіе часто попадаютъ, тогда бѣда пасущему: онъ бѣгаетъ за сбитымъ кліокомъ, ставитъ его; онъ падаетъ, а надъ нимъ смѣются: *горячаго*! *горячаго*! Это значитъ: поскорѣй, горячій кліокъ. Часто утомляютъ его до того, что онъ бросаетъ ставить. Тогда гонятъ его со смѣхомъ и дразнятъ: кліокъ, кліокъ, горячій кліокъ! — Въ кліокъ играютъ собственно мальчики, которые допускаютъ и одновозрастныхъ съ ними дѣвушекъ.—Эта игра, обнаруживающая мѣткость и проворство, принадлежитъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ.

Шнуръ. Дѣти обоего возраста, приучаются съ малолѣтства пригать ловко черезъ шнуръ, на всемъ бѣгу. Обыкновенно держатъ его позади спины, и опускаютъ каждый разъ такъ, чтобы во время скачки перескакнуть, не задѣвъ его. Шнуръ составляетъ гимнастическое упражненіе.

Веревочка. Это почти тоже самое, что шнуръ. — Двое взявшись за концы веревочки, крутятъ ее проворно. Въ это время искусныя попригуньи перепригиваютъ черезъ веревочку, и продолжаютъ прыгать, пока не задѣнутъ ногою.

Приганіе чрезъ веревочку, есть любимое занятіе дѣтей въ Парижѣ. — Однако оно и въ Петербургѣ господствуетъ между дѣтьми, забавляющимися на дачахъ и въ лѣтнемъ саду.

Бумажный змѣй. Склеиваютъ бумагу, величиною въ листъ или полулистъ, и перекрещиваютъ его двѣмя деревянными пластинками, по большой части сосновыми. Вверху полулиста дѣлаютъ изъ трехъ нитокъ, въ правильномъ размѣрѣ, ротъ; къ нему прикрѣпляютъ шнуръ, изъ сученныхъ нитокъ, а въ низу полулиста привязываютъ хвостъ, изъ мочалъ или бичевки. Подъ ртомъ привязываютъ трещетки, склеенныя изъ бумаги. Все это образуетъ змѣя, котораго пускаютъ на шнуру, во время вѣтра. — Онъ поднимается довольно высоко, сколько дозволитъ длина шнура. По этому шнуру посылаютъ къ змѣю вырѣзанныя круглыя бумажки, называемыя *посланки*. — При сильномъ вѣтрѣ змѣй извивается, вертится и кружится; отъ привязаннаго къ нему языка и отправляемыхъ *посланокъ*, онъ трескочитъ, гудетъ и кувыркивается съ ревомъ. Пускатель змѣя, восхищается трескомъ и его изворотами. — Пусканіе змѣй подало Франклину мысль, къ изслѣдованію воздушнаго электричества.

Скрытные друзья, опаснѣе змѣй.

Общая для мальчиковъ и дѣвушекъ игра, это рыбка. Рыбка.
Она совершается большею частію осенью, потому что во время лѣтнихъ работъ, все бываетъ занято.—Играющія въ рыбку вбиваютъ колышекъ, и къ нему привязываютъ веревочку; около колышка набрасываютъ въ кучку *осметки*, т. е. худыя лапти, башмаки и сапоги, и сколько можно по больше. Все это представляетъ рыбу, которую должно воровать. Держащійся кто нибудь за веревку, называется коноводецъ: онъ бережетъ рыбку, но ее вытаскиваютъ изъ подъ ногъ его; шумятъ, кричатъ и дразнятъ коноводца, который бьетъ ворующихъ осметкомъ. Всякой избѣгаетъ обязанности коноводца,—потому что когда разнесутъ всю рыбку, тогда онъ убѣгаетъ отъ побоевъ воровъ, чтобы спрятаться въ какомъ нибудь мѣстѣ. Во время его побѣга бросаютъ въ него осметками. Тѣмъ оканчивается игра, но при ней наблюдаютъ слѣдующія правила; кого ударитъ коноводецъ осметкомъ, тотъ долженъ водить; кто водитъ, тотъ обязанъ складывать около колышка унесенныя осметки и сторожить ихъ.

Рыбка не тѣ ли самые лиходѣи, которые обкрадываютъ своихъ сосѣдовъ?

Тюзикъ есть небольшая палочка, длиною не болѣе Тюзикъ.
пяти вершковъ; съ обѣихъ концовъ она кругло-подструженная, чтобы при ударѣ по концу, могла подскакивать вверхъ.—Палка для тюзика приготовляется болѣе аршина. Начинающій игру кладетъ тюзикъ на черту, бьетъ по концу его, и если онъ подпрыгнетъ вверхъ, то онъ подбиваетъ его на лету. Слѣдующій за нимъ игрокъ, идетъ къ тому мѣсту, гдѣ упалъ тюзикъ, бросаетъ оттуда въ черту, приговаривая: *чуръ не отбить, не выкрутъ, не подкавырушки, какъ лежитъ, такъ и бить, не козломъ воротить.* —

Это приговариваетъ всякій, кто бросаетъ тюзикъ. Если кто вброситъ тюзикъ въ черту, то онъ самъ бьетъ его; если не вброситъ, то бьетъ съ того мѣста, на которое онъ упалъ. Дѣлаютъ двѣнадцать ударовъ, кто ударитъ въ тринадцатой, то говорятъ: *палка на баню*. Кто послѣ всѣхъ сдѣлаетъ двѣнадцать ударовъ, тому *гонютъ куры*. Взявъ въ лѣвую руку тюзикъ, и положивъ на его спину, бьетъ каждый по три раза. Кому гнали куры, тотъ за всякіе три раза отбиваетъ назадъ тюзикъ только два раза, а за третій разъ онъ прыгаетъ на одной ногѣ, къ чертѣ.—Если онъ перегонитъ тюзикъ за черту, то прыгаютъ на одной ногѣ всѣ *гнавшіе куры*, отъ тюзика къ чертѣ. Всѣ они называются московскими курями.—Есть еще петербургскія куры, которыя разыгрываются такъ: когда подбросивъ вверхъ тюзикъ одной рукою, тогда бьютъ его тойже рукою, только вкось.

Игра эта выражаетъ насмѣшку на вѣтренность столичныхъ курицъ, которыя прыгаютъ во всю свою жизнь, а подъ старость убираются въ деревню на одной ножкѣ.

Орѣшекъ.

Дѣти выбираютъ возвышенное какое нибудь мѣсто: бугоръ, высокій край канавки, даже камень или лужу. Одна половина изъ играющихъ становится на избранномъ мѣстѣ, замѣняющемъ крѣпость, а другая нападаетъ на нее, и старается выгнать изъ укрѣпленія. Если осаждающіе успѣютъ занять крѣпость, то становятся на мѣстѣ осаждаемыхъ и кричатъ: *нашъ городъ Орѣшекъ*! Вытѣсненные изъ Орѣшка, начинаютъ потомъ сами осаждать его, и дотолѣ продолжаютъ осаду, пока не овладѣютъ крѣпостію, и не закричатъ въ свою очередь: *нашъ городъ Орѣшекъ*!—Такимъ образомъ переходитъ мѣсто безпрестанно, отъ однихъ къ другимъ.

Игра Орѣшекъ повидимому одна дѣтская шалость,

но вникая въ нее, вы открываете, что это напоминаніе о взятіи крѣпости Шлиссельбурга, который въ древности принадлежалъ намъ и назывался Орѣшкомъ; потомъ Шведы отняли его у насъ и переименовали его въ Нотебургъ (шведское слово, которое значитъ Орѣшекъ); но по взятіи его Петромъ В., онъ назвалъ его Шлиссельбургомъ (ключемъ города). — Орѣшекъ, переходившій нѣсколько столѣтій изъ рукъ въ руки, памятенъ борьбою нашихъ предковъ со Шведами, пока Петръ I не рѣшилъ споръ.—Эта распря народовъ, за обладаніе сѣверно-западной страною, сильно врѣзалась въ память жителей этого края, и преобразовалась въ игру Орѣшекъ, которая употребляется только въ Шлиссельбургѣ (петербургской губ.).

Терять.

Весною, за нѣсколько времени до захожденія солнца, собираются дѣти обоего пола на зеленую траву или предъ домомъ, и побравшись за руки, составляютъ кругъ, но такимъ образомъ, что лица играющихъ, обращены къ окружающимъ ихъ предметамъ, или лучше сказать, оборачиваются спиной другъ къ другу, и начинаютъ кружиться въ одну какую либо сторону, съ пѣніемъ или безъ пѣнія. Чтобы не оторваться отъ круга, и потомъ не упасть, надобно умѣть хорошо держаться за руку и имѣть твердость въ ногахъ; но какъ часто случается, что при круженіи спотыкаются и послѣ падаютъ, то надъ падающими смѣются, какъ вездѣ. Упавшій, уже есть потерянной; его даже не принимаютъ въ игру; его теряютъ, почему называется терять.—Выраженіе этой игры, просто дѣтская забава.

Ласы.

По выпаденіи перваго снѣга, дѣти катаютъ изъ него шары, обливаютъ водою, и замершіе эти шары, называемые ласами, продаютъ *дурнямъ*. Отсюда произошла поговорка *точить лясы*, — т. е. несть вздоръ,

Ласы покупаются на бабки: играющіе въ ласы, назначаютъ особое мѣсто для рынка; сюда сходятся покупать коровъ. — Продай корову, говоритъ одинъ.—Изволь, отвѣчаетъ другой, и бросаетъ ему ногой свою ласу. Непроданная ласа, пріобрѣтается ловкимъ попадомъ въ нее бабкою; если не попадетъ въ ласу, то самъ плотитъ бабками, по сдѣланному напередъ условію. Игра продолжается, пока кто не проиграетъ своихъ бабокъ.

Всѣ купцы, которые обманами и нечестной торговлею хотятъ разбогатѣть скоро, раззоряются.

Снѣжныя изображенія.

Если выпадетъ довольно снѣга, то дѣти тотъ часъ спѣшатъ дѣлать статуи и пещеры. Статуи бываютъ съ головой, глазами, а вмѣсто рукъ продергиваютъ палки. Нѣсколько изображеній ставятъ въ одинъ рядъ, ходятъ около нихъ и любуются: чія выше и лучше. Потомъ начинается нападеніе на статую, со стороны непріятелей: владѣтели защищаютъ, непріятель беретъ приступомъ и разрушаетъ ихъ.

Пещеры дѣлаются такъ же изъ снѣга: онѣ бываютъ небольшія, круглыя, съ окошечками съ двухъ сторонъ: на нихъ также нападаютъ, какъ на статуй.

Снѣжныя изображенія пробуждаютъ въ дѣтяхъ наклонность къ художественнымъ занятіямъ, коихъ развитіе зависитъ въ послѣдствіи отъ образованія.

Волчекъ.

Продолговатая деревянная шишка, съ деревяннымъ шпилемъ, или костянная съ таковымъ же шпилемъ, называется волчкомъ. Намотавъ шнурочекъ на шпиль, вкладываютъ его въ просверленную на деревянной лопаткѣ дыру; потомъ дергаютъ за конецъ шнурочка, выпущеннаго изъ подъ шпиля, и пускаютъ волчекъ по ровному мѣсту, но болѣе всего по деревянному полу. Выпущенный волчекъ дѣлаетъ прыжки, свиститъ и гудетъ.

Эта игра старинная и въ большомъ употребленіи; ею забавляются преимущественнѣе въ покояхъ: осенью и зимою. Охотники пускаютъ волчокъ по льду, но таковые охотники, уже больше, нежели дѣти.—Волчокъ служитъ къ одному препровожденію времени. — Въ другихъ мѣстахъ волчекъ называется кубаремъ, которымъ также играютъ, какъ волчкомъ. — Поговорка: *онъ ходитъ кубаремъ*, произошла отъ круженія кубаря, описывающаго кругъ, или лучше сказать: онъ ходитъ кругами, дѣлаетъ круги и мыслѣти, изворачиваясь то въ одну, то въ другую сторону.

—

II. ИГРЫ ДѢВИЧЕСКІЯ.

Нѣсколько дѣвушекъ, собравшись на лугу, въ полѣ или около домовъ, назначаютъ одного какого либо мальчика земледѣльцемъ; сажаютъ его по срединѣ своего круга, и взявшись за руки, поютъ: Макъ.

Маки маковычки,
Золотыя головочки!
Въ подзагорьи зеленый макъ.
Маки маковычки,
Золотыя головочки!

Послѣ онѣ спрашиваютъ земледѣльца: поспѣлъ ли макъ? — Тотъ отвѣчаетъ, что онъ еще пашетъ землю для посѣва мака; послѣ отвѣчаетъ, что сѣетъ, и продолжаетъ высказывать, пока онъ созрѣетъ. При каждомъ отвѣтѣ дѣвушки поютъ прежнее, пока онъ не скажетъ, что поспѣлъ макъ. — При этомъ словѣ онѣ устремляются на земледѣльца и щиплютъ ему голову, вмѣсто мака. Эта игра переобразована изъ хороводной забавы макъ, и

она означаетъ разцвѣтающую весну, въ которую столько удовольствій для забавъ дѣвушекъ, и столько тягостей для земледѣльцевъ. —

Горѣлки. Употребляются во всей Россіи. Вечернею порою собираются дѣвушки на просторное мѣсто, на лугъ или въ садъ. Взявшись за руки, становятся попарно въ кружекъ; одна, избранная изъ нихъ, должна горѣть: она помѣщается въ срединѣ, и стоитъ какъ бы безъ всякаго вниманія. Въ это время прочія разбѣгаются въ разныя стороны попарно, и кого она успѣетъ разлучить, та занимаетъ ее мѣсто.

Дѣти играютъ иначе: впереди стоитъ тотъ, кто долженъ горѣть, а позади его двѣ пары. Горю бѣжитъ впереди, за нимъ, на нѣсколько отъ него шаговъ, тѣ обѣ пары, которыя держаться за руки. Онъ оборачивается, хочетъ схватить кого нибудь; пара разрозничивается, бѣжитъ въ сторону; онъ не допускаетъ имъ соединиться, бѣгаетъ за ними, — но они схватились за руки, и конечно: надъ нимъ смѣются, хохочутъ и опять заставляютъ его горѣть. Если же онъ поймаетъ одного отъ разлучившейся пары, то разлучившійся играетъ горю, а самъ онъ становится на его мѣсто, — и такимъ образомъ продолжается игра, которая доставляя случай рѣзвиться дѣтямъ, укрѣпляетъ тѣло, и потому дѣтскія горѣлки, есть ничто иное, какъ беззаботное и веселое бѣганье.

Еще играютъ въ горѣлки иначе: одна изъ дѣвушекъ становится среди компаты, и говоритъ жалобнымъ голосомъ: горю, горю на камешкѣ; кто любитъ, тотъ смѣнитъ меня. Если нѣтъ отзыва, то она сгораетъ отъ любви. Но на ея призовъ подходитъ мущина, беретъ за руки и цѣлуетъ ее. — Самъ онъ становится на ея мѣсто, и говоритъ тоже. — Любящая его, немедленно смѣняетъ. Эта игра собственно для дѣвицъ, но она допу-

скаетъ въ свой кругъ молодыхъ людей, которые пользуются случаемъ къ изъясненію своихъ чувствъ. Каждая забава дѣвицъ имѣетъ свои увертки, оправданія и обманъ; но тутъ самыя строгія и опытныя матери, ловко проводимыя своими дочерьми, хвалятся, что ихъ дочери рѣзвятся только. —

Любовь давно тревожитъ сердце дѣвушки, а дѣвушка давно ищетъ мысленно имъ любимаго, и горитъ къ нему. Для дѣвицы не существуетъ нѣтъ. Въ ея воображеніи созидается заранѣе предметъ. Дѣвица въ шестьнадцать лѣтъ, — не тронь меня: она тогда еще не рѣшительная, боязливая, а въ восьмнадцать лѣтъ: задумчивая, мечтательная и вспыхиваетъ какъ порохъ.

Эта игра изобрѣтена деревенскими дѣвушками, для безопаснаго ихъ цѣлованія съ парнями. Одна изъ дѣвокъ беретъ по числу парней лыка, перегибаетъ ихъ поперегъ чрезъ указательный палецъ и спутываетъ концы; потомъ подзываетъ къ себѣ парней и дѣвушекъ, и предлагаетъ имъ выбирать любой конецъ. По разобраніи всѣхъ концовъ, она пропускаетъ ихъ сквозь пальцы, и тѣ, которые держатся за концы, должны цѣловаться. Лычки.

Любовь вездѣ съ продѣлками и въ этомъ разѣ составляетъ любимую игру дѣвушекъ: сижу посижу, потому что въ ней представляется случай полюбезничать и поговорить вдоволь съ тѣмъ, кого любишъ. О это много для влюбленныхъ. — Дѣвушки и мущины садятся на лавкахъ въ кружокъ, или на коврѣ, посланномъ на полу. Одна дѣвушка, съ завязанными глазами, какъ слѣпой амуръ, ходитъ въ кругу и говоритъ: — Сижу посижу,

Братцы, сестрицы,
Пріймите меня!

Сидящіе молчатъ; она продолжаетъ просить:

Душенька сестрица,
Милинькой братецъ,
Пріймите меня!

Ей отвѣчаютъ: садись съ нами, миленькая сестрица. — Въ другихъ мѣстахъ говорятъ: иди, садись съ нами. Она идетъ, садится кому либо на колѣна, и говоритъ: *сижу посижу*. У кого она сидитъ, тотъ долженъ молчать, а сторонніе спрашиваютъ: у кого она сидитъ? Если отгадаетъ, то тому играть *сижу посижу*. Случается, что дѣвушка сидитъ да посиживаетъ на колѣнахъ, милаго ей сердцу, притворяясь незнаніемъ — лукавство женское! Мущины хохочутъ и бьютъ въ ладоши, а дѣвушки досадуютъ и съ завистью смотрятъ на подругу. —

Безъ соли соль,

Эта игра рѣзвая и рѣдко проходитъ безъ ссоры. Дѣвушки бросаютъ между собою жребій: кому изъ нихъ сидѣть съ завязанными или зажмуренными глазами, а кому ловить и перескакивать черезъ ноги съ закрытыми глазами. Доставшимся участь сидѣть, садятся другъ противу друга съ протянутыми ногами, зажмуривъ глаза и заложивъ за спину руки. Прочія дѣвушки, приговаривая: безъ соли соль, перескакиваютъ имъ черезъ ноги; сидящія должны ловить. Словленная часто огорчается, говоря, что ее поймали съ открытыми глазами. Начинаются упреки, за упреками укоризны. Но старушки, наблюдающія за играми, мирятъ ихъ. Пойманная садится на мѣстѣ словившей, и игра продолжается снова. Обѣ эти игры: сижу по сижу, безъ соли соль, означаютъ скрытную любовь дѣвушки.

Жмурки.

Игра въ жмурки не есть принадлежность однѣхъ дѣвушекъ, но дѣтей и взрослыхъ молодыхъ людей.—Играютъ въ лѣтнее время и зимніе вечера. Въ Великоруссіи она превращена въ дѣйствующіе лице слѣпаго козла, а

въ Малороссіи въ панаса. Одной изъ дѣвушекъ завязываютъ глаза, ведутъ ее къ дверямъ и ставятъ вмѣсто слѣпаго козла. Тутъ козелъ стучитъ ногами, бодаетъ рогами въ дверь; на его стукъ сбѣгаются, бьютъ по его спинѣ ладонью и перемѣнивъ голосъ, говорятъ: Афанасъ, не бей насъ; Афанасъ, ходи по насъ. Часто не всѣ дѣвушки спрашиваютъ, а только бьютъ, бѣгая около него, и когда онъ поворотится, разбѣгаются во всѣ стороны. Козелъ долженъ ловить ихъ, потому въ это дѣло избираютъ прыткую и изворотливую. Не смѣтливая дѣвушка гоняется до поту, и не можетъ словить. Тогда, изъ одного сожалѣнія къ ней, смѣняютъ другою. Во время дѣйствія разсерженный козелъ бѣгаетъ по комнатѣ, скакаетъ черезъ стулья, столы, скамейки; все опрокидываетъ или самъ падаетъ. Около его прочія кружатся и постоянно раздражаютъ новыми побоями, насмѣшками и крикомъ. Рѣзвое и безотчетное бѣганье, доставляетъ неизъяснимое удовольствіе молодости. Весьма часто случается, что въ жмурки допускаютъ молодыхъ мушинъ, и тогда преимущественно избираютъ изъ нихъ козла. — Пойманный въ игрѣ, смѣняетъ козла.

Въ Малороссіи панасъ,—тоже самое что Афанасій,—отводится къ дверямъ съ завязанными глазами. Панасъ получаетъ удары, съ приговоромъ: Панасъ, Панасъ не ходи по насъ: Панасъ, узнай насъ, Панасъ, лови насъ.—Онъ бросается ловить, и ловитъ ту, которую любитъ, и какъ бы нечаянно, жметъ руку или держитъ, ухвативъ ее. Замѣчено, что влюбленные болѣе всѣхъ играютъ. Надъ ними смѣются, но любовь ничего не видитъ. Жмурки есть олицетвореніе скрытной, но пламенной страсти.—Любовь и въ игрѣ находитъ свое мѣсто, и то не игра, гдѣ нѣтъ ее.

По нѣкоторымъ селеніямъ жмурки называются *ку-*

люкушки и кулючки, и это преимущественно въ пензенской губерніи.—Тамъ послѣ *конанія* (жребія), кому играть, завязываютъ глаза, или вмѣсто конанія одинъ изъ игроковъ мараетъ сажею свой палецъ, и зажавши его съ прочими, подходитъ ко всѣмъ и предлагаетъ выбрать любой палецъ, и тотъ, кто возьмется за осаженный, тому завязываютъ глаза платкомъ, или нахлабучиваютъ на глаза шапку, подводятъ къ дверямъ, а иногда толкаютъ со смѣхомъ, говоря: ступай въ кутъ, тамъ блины пекутъ, тебѣ блинъ дадутъ. Подошедши къ дверямъ, онъ стучитъ, а его спрашиваютъ: кто тамъ? Дядя Тарасъ.—Ходи по насъ, не открывай глазъ. — Послѣ этого самы ходятъ тихо, около дяди Тараса, прижимаются, прячутся: онъ бросается во всѣ стороны: по стуку, бѣготнѣ и смѣху. Поймавши кого либо, онъ долженъ отгадать имя его; если не отгадаетъ, то снова дядя Тарасъ. Поймавши двухъ или болѣе, ему говорятъ: пень да колода,—и онъ отпускаетъ ихъ. Когда поймаетъ одного и назоветъ его по имени, тогда занимаетъ его мѣсто пойманый.

Котики. Они имѣютъ большое сходство съ жмурками. Одному завязываютъ глаза, и становятъ его посреди комнатѣ, всѣ прочіе дѣлаютъ около него кругъ. Составляющіе кругъ принимаютъ названіе цвѣтовъ и растѣній: розы, терновника, чертополоха и проч. Съ завязанными глазами, при произнесеніи слова счетъ, показываетъ рукою на себя или на играющихъ поочередно, но при послѣднемъ словѣ *счетъ*! на кого онъ покажетъ, тотъ выходитъ изъ счета играющихъ. Тогда остальные приговариваютъ:

Шли кони по выгори, по выгори,
А чѣмъ они попутаны, попутаны?
Золотымъ путомъ подъ копытомъ,—брязь!

Всѣ разбѣгаются,—а съ завязанными глазами ловитъ ихъ. Если онъ поймаетъ и отгадаетъ пойманнаго имъ, то послѣдній заступаетъ его мѣсто.

Первенчики.

Нѣсколько дѣвушекъ сѣвъ въ кружокъ, кладутъ на колѣна своей подруги по два пальца. Проворная изъ нихъ произноситъ бѣгло: первенчики, друженчики, тринцы, волынцы, поповы ладынцы, цыкень, выкинь. Если выкинь падетъ кому нибудь на одинъ изъ пальцевъ, той начинать игру. Предусмотрительныя выдергиваютъ свои пальцы прежде, нежели произнесется выкинь. Хитрыя дѣвушки, иногда мучатъ свою подругу весьма долго.

Беззаботная жизнь дѣвушекъ, которыя наслаждаются ею кратковременно.

Корабль съ мельницей.

Дѣвушки избираютъ изъ среди себя двухъ ловкихъ и голосистыхъ. Одна изъ нихъ становится по среди избы, другая ходитъ по ней, а прочія разсаживаются по мѣстамъ. Ходящая по избѣ подходитъ къ одной изъ сидящихъ, беретъ ее за руку, водитъ по комнатѣ и поетъ,—сначала одна:

Какъ по нашей рѣчкѣ
Быстрой и глубокой,
Плывутъ, ~~лѣтятъ~~ кораблики
Изъ моря далёка.
Всѣ прочіе кораблики
Въ городахъ остались:
Они грузны сверху до дна,
Бархатомъ и шелкомъ.
Теперь его раскупаютъ
Купцы да бояре,
Своимъ дочкамъ въ приданое,
Женамъ на наряды.
И къ намъ плыветъ
Корабль быстрой,

И намъ несетъ
Платковъ да нарядовъ.

Обращаясь къ той, которую водитъ за руку:

Плыви, плыви корабликъ нашъ,
Поспѣшай скорѣе;
Привези намъ посвѣжѣе,
Заморскихъ товаровъ.

Она останавливается передъ той, которая стоитъ по среди комнаты, и стучитъ ногой три раза. Та спрашиваетъ: кто тамъ? Корабль. — Что привезъ? Мельницу.—О сколько поставовъ?—Объ одномъ. Въ это время стоящая беретъ за руку ту, которую привела ходящая; ставитъ ее вмѣсто корабля по правую свою руку, и начинаетъ пѣть, топая правою ногой объ полъ; за ней поютъ всѣ сидящія, топая также правою ногой:

Мели, мели, мельница,
Мели не лѣнися;
Намели ты солоду,
Дѣвушкамъ на бражку.

По окончаніи этого, назначенная ходитъ по комнатѣ, идетъ опять къ сидящимъ своимъ подругамъ, беретъ за руку одну изъ нихъ, и ходитъ съ нею по комнатѣ, снова запѣвая прежнюю пѣсню:

Какъ по нашей рѣчкѣ
Быстрой и глубокой и пр.

Сидящія и стоящія, топая правою ногой, поютъ всю эту пѣснь вмѣстѣ съ нею. Когда же пропоютъ конецъ пѣсни:

Плыви, плыви, корабликъ нашъ,
Поспѣшай скорѣе;

Привези намъ посвѣжѣе
Заморскихъ товаровъ.

Тогда приведшая подругу за руку, опять останавливается предъ стоящей посреди избы, и топаетъ три раза ногою. Вопросы и отвѣты одни и тѣже, какъ и прежде, изключая того, что на вопросъ стоящей: о сколько поставовъ? — Ходящая отвѣчаетъ: о двухъ. Тогда первая приниметъ къ себѣ приведенную,—составляющую также корабль, и сколько бы ни было приведенныхъ, то всѣ онѣ именуются кораблями,—топаетъ объ полъ обѣими ногами и поетъ, за нею всѣ остальныя:

Мели, мели, мельница,
Мели не лѣнися;
Надери ты крупки,
Да гречишной мучки,
Дѣвушкамъ на кашку,
На блины, аладьи,
На мягкія на сладкія
Здобны черепенники (*).

Пропѣвши это, всѣ продолжаютъ топать ногами, а ходящая подходитъ снова къ сидящимъ, беретъ ту, которая ей понравилась, и запѣваетъ туже пѣсню:

Какъ по нашей рѣчкѣ и пр.

Съ нею поютъ всѣ прочія, продолжая топанье. По окончаніи пѣсни ходящая опять останавливается предъ стоящей, топаетъ три раза ногой; разговоръ ведется

(*) Черепенники пекутся въ черепняхъ, изъ крутаго грешневаго тѣста.

прежній, только на вопросъ: о сколько поставовъ? та отвѣчаетъ: о трехъ.—Тогда стоящая, принимая по прежнему приведенную, правою рукой, ставитъ ее въ рядъ съ другими приведенными, ударяетъ лѣвой рукою объ бедро, начинаетъ пѣть, за ней всѣ прочія:

Мели, мели, мельница,
Мели не лѣнися;
Намели ты мучки:
Оржаной, овсяной,
Да еще гороховой;
Чтобы дѣвки — внучки,
Бабушкѣ сварили:
Изъ овсяной кисселька,
Изъ оржаной испекли
Кислинькаго хлѣбца;
Изъ гороховой лепешку,
Сладку заваритку (*).

По окончаніи пѣсни ходящая опять подходитъ къ сидящимъ. Между тѣмъ продолжается стуканье ногами и лѣвой рукой. Она беретъ по прежнему одну изъ дѣвушекъ, и ходитъ по комнатѣ, начинаетъ пѣть туже пѣснь, ей повторяютъ со стуканьемъ всѣ другія:

Какъ по нашей рѣчкѣ и проч.

Подъ конецъ пѣсни подходитъ къ стоящей посреди избы, и вступаетъ съ нею въ прежній разговоръ, съ тою разницею, что на вопросъ стоящей: о сколько поставовъ? Та отвѣчаетъ: о четырехъ. Тогда стоящая, поставивъ приведенную въ рядъ съ прежними, ударяетъ

(*) Саламата.—Ее дѣлаютъ не только изъ муки грешневой, но изъ гороховой, хотя рѣдко.

правой рукой объ другое бедро, и поетъ вмѣстѣ съ другими, которыя топаютъ ногами объ полъ и бьютъ руками объ свои бедра:

Мели, мели, мельница,
Мели не лѣнися:
Намели ты мучки:
Полбинной, ячменной,
Пшеничной крупичатой.
Изъ полбинной напечемъ,
Пироговъ да сытныхъ,
Изъ ячменной сдѣлаемъ
Здобный, сладкій курникъ (*)
Изъ пшеничной мы напечемъ,
Пироговъ съ начинкой;
Кокурокъ, лепешекъ
Въ маслѣ наваляемъ;
Изъ крупичатой накрошимъ
Меленькой лапшицы,
Да малинковъ (**) накатаемъ,
Здобныхъ разсыпучихъ;
Преженцевъ наваляемъ,
Словно сахаръ сладкихъ.
Мы ждемъ къ себѣ въ гости:
Дѣдушку да бабушку,
Батюшку и матушку,
Братьевъ и невѣстушекъ,
Сестрицъ со мужьями.
Когда наши гости,
Будутъ всѣмъ довольны;

(*) Круглый высокій пирогъ, начиненный куриными потрохами и яйцами.

(**) Малинками называютъ небольшіе шарики изъ здобнаго тѣста, приплюснутые сверху.

Не будутъ гнѣваться,
А будутъ любити,
Полюбя дарити:
Платками, фатами,
Серьгами, котами,
Парчовыми рукавами,
Голубой китайкой,
Нанковыми шубами,
Да кумачемъ краснымъ.

Теперь послѣдняя изъ приведенныхъ, поетъ одна:

А гдѣ наши гости,
Возьмутъ намъ подарковъ?
Когда купцы — гости,
Не везутъ товаровъ.

Вмѣсто отвѣта, назначенная ходитъ по комнатѣ, начинаетъ опять пѣть:

Какъ по нашей рѣчкѣ и пр.

Съ нею поютъ другія, продолжая топанье и хлопанье; она идетъ къ сидящимъ своимъ подругамъ, беретъ за лѣвую руку одну изъ тѣхъ, которая держитъ въ правой рукѣ *мыкольникъ*, заранѣе приготовленный и наполненный тряпьемъ разнаго рода; даетъ знакъ головою сидящимъ, чтобы онѣ встали и шли за ней. Конецъ пѣсни поютъ одни корабли и когда все пропоютъ, тогда пришедшая съ подругами, начинаетъ пѣть вмѣстѣ съ ними, веселымъ голосомъ:

Не тужите, подруженьки,
Много не горюйте;
Скажу я вамъ вѣсточку,
Вѣсточку всѣмъ на радость:

Приплылъ, приплылъ корабликъ нашъ,
Съ моря-океана;
Привезъ съ собой изъ-за-моря,
Краснаго товару.

Потомъ, толкая приведенную съ мыкольникомъ, въ средину стоящихъ подругъ, припѣваютъ:

Вотъ! возьмите вашъ корабль
Съ моря-океана,
Ну, извольте торговать,
Кому чего надо!

Въ это время всѣ бросаются на корабль, вырываютъ у него мыкольникъ; хватаютъ оттуда тряпье, покрытое сажей, и начинаютъ имъ бросать: сначала въ корабль, а послѣ другъ въ друга, отъ чего всѣ перекапчиваются, по выраженію играющихъ, какъ черти, и прекращаютъ киданье, когда на тряпьѣ не останется сажи.

Выраженіе этой игры · расхищеніе иноземныхъ товаровъ, продававшихся обманомъ. Товаръ продается лицемъ,—была искони поговорка у новгородскихъ купцовъ. Пріѣзжавшіе въ Новгородъ гости съ дурными товарами, часто подвергались народному нареканію. Были случаи, что взволнованный народъ, разграбливалъ нѣмецкій дворъ.

Колечко

Простая, но веселая забава. Снимаютъ съ руки кольцо, надѣваютъ его на ленточку, и потомъ, связавъ концы ленточки, становятся въ кружокъ и передвигаютъ кольцо по ленточкѣ. Одна изъ дѣвушекъ, которая кружится, т. е. ходитъ въ кругу и отыскиваетъ колечко, спрашиваетъ: у кого кольцо? Каждая обманываетъ ее, говоря: у меня, и въ это время, въ ее глазахъ, стараются передать другой.—Кружащаяся

хватаетъ за руку, и открывается, что у нее нѣтъ. Между тѣмъ колечко показываютъ въ другомъ мѣстѣ; она спѣшитъ за нимъ; тамъ передаютъ другой. — Эта игра требуетъ особой ловкости и проворства. Случается, что ищущую доводятъ до того, что она закружи-вается отъ поисковъ.

Еще играютъ другимъ образомъ. Дѣвицы, молодыя дамы и мущины, становятся въ кружокъ и передви-гаютъ кольцо по шнуру. Кому досталось искать его, тотъ ходитъ въ кругу и старается замѣтить, гдѣ оно передви-гается; но ловкость передачи, заставляетъ ищущаго бѣгать; смѣхъ и крикъ сопровождаютъ не ловкаго. Пой-манный имъ занимаетъ его мѣсто и даетъ фантъ; игра продолжается дотолѣ, пока наберется довольное ко-личество фантовъ. Тогда садятся въ кружекъ и чей фантъ выймется, тотъ играетъ, напримѣръ: купца, а если дѣвица, то купеческую дочь. Купецъ идетъ въ особую комнату, за нимъ запираютъ дверь; онъ сту-чится. Одинъ изъ сидящихъ подлѣ дверей, спрашиваетъ: кто тамъ? Купецъ.—Откуда?—Изъ города. — За чемъ? или чего надобно? — Купеческую дочь. — Какую?—Онъ именуетъ дѣвицу или даму. Если же она ему не зна-комая, то описываетъ ея уборы: она является. Онъ цѣлуетъ ея въ руку, она его въ щеку, и потомъ она разыгрываетъ его роль.—Она тоже стучитъ; ее также спрашиваютъ какъ купца и такъ продолжается, пока не разыграютъ всѣ фанты. — Колечко и кольцо, одно и тоже, доставляетъ пріятное, веселое и шутливое разсѣяніе.

Простой народъ въ Жмуди, играетъ въ колечко го-раздо проще. Садятся на скамейкѣ около стѣны, и одинъ кто нибудь подноситъ играющимъ кольцо и го-воритъ: возьми колечко да не показывай.—Когда онъ всѣхъ обойдетъ, тогда обращается къ ищущему ко-

лечко и произноситъ: серги, верги, гдѣ блеститъ колечко?—Отгадавшій въ чіей оно рукѣ, садится на его мѣсто, а этотъ идетъ отгадывать или искать его.

Округленные глиняные камешки, раскладываютъ дѣвушки по полу, и дѣлаютъ уговоръ: не мѣшать и не кричать. При этомъ произносятъ условныя поговорки. Уговорецъ всѣмъ дѣламъ, родной братецъ; безъ уговора не садись, а на слово не вяжись; ни ѣду, ни лечу; а заѣду, подхвачу, и тому подобное, и потомъ заключаютъ условіе: играть, не воровать. Въ иныхъ мѣстахъ говорятъ: чуръ играть, не воровать, безъ вороху безъ промаху.—Игра въ камешки многосложная, и оканчивается по большой части ссорою. Одна изъ дѣвушекъ бросаетъ камешки вверхъ и во время ихъ полету, старается захватить правою рукою нѣсколько другихъ, разбросанныхъ по землѣ. Здѣсь великое искуство въ томъ, чтобы камешекъ не упалъ на землю, игрокъ успѣлъ бы захватить другіе, и чтобы на лету схватить еще падающій. Дѣвушки, завидуя ловкости своей подруги, мѣшаютъ ей своими разсказами, или нарочно кричатъ. Игральщица сердится, рука ея дрожитъ, и она дѣлаетъ промахъ. Камешки.

Лучшіе камешки доставляютъ изъ Кіева и Ростова. Мужескому полу вмѣняется въ стыдъ забавляться этой игрою, однако мальчики не смотрятъ на это.

Въ Малороссіи игра въ креймешки, — таже самая, что въ камешки. Садятся дѣвушки на землѣ кружкомъ, и положивъ предъ собою нѣсколько креймешекъ, по большой части каждая кладетъ предъ собою по четыре, кидаетъ одинъ вверхъ, и пока онъ летитъ внизъ, она должна захватить лежащій на землѣ и схватить падающій; потомъ она бросаетъ тотъ креймешекъ, который сняла съ земли, и хватаетъ на лету другой, и такимъ образомъ продолжаетъ, пока всѣхъ не

переберетъ.—Есть такія охотницы, что играютъ по цѣлымъ днямъ.

Креймешки дѣлаются изъ разбитой глиняной посуды и кафлей; округливаютъ ихъ величиною съ грошъ, но не болѣе пятака мѣднаго.

Играютъ еще въ креймешки иначе. Дѣлаютъ круглые, величиною съ голубиное яйцо, камешки; для этой игры употребляютъ только шесть. Играющія, садясь на полъ, покрытый ковромъ, кладутъ на коверъ кучкою пять креймешковъ, шестой бросаютъ вверхъ, не много по выше головы, и должно успѣть взять камешекъ съ ковра и поймать падающій съ верху. Играющая бросаетъ сначала камешекъ по одиночкѣ, потомъ всѣ бросаетъ вдругъ и ловитъ; потомъ тѣже камешки перекладываетъ съ одного мѣста на другое, захватываютъ между пальцевъ, потомъ прокатываетъ подъ пальцами, и продолжаетъ бросать дотолѣ, пока не уронитъ, кремешекъ. Тогда она лишается игры и передаетъ другой, которая играетъ точно также.

Зависть къ счастью другаго, повсюду сопутствуетъ. Будь счастливъ хоть на былинку, и тогда позавидуютъ въ свѣтѣ.

Греки употребляли камшеки въ древности; отъ нихъ эта йгра распространилась по всей Европѣ, а къ намъ перешла отъ Татаръ.

Колышки. Играютъ и дѣвушки и мальчики, но преимущественнее дѣвушки. Дѣвушки набираютъ себѣ маленькихъ подругъ, и сажаютъ ихъ въ кружокъ, вмѣсто колышковъ, которые обращены лицемъ къ кругу. За колышками стоитъ своя хозяйка. Начинается продажа колышковъ; покупатель обращается къ хозяйкѣ, и говоритъ: кума! кума! продай колышки. — Купи,— отвѣчаетъ кума. — А что стоитъ? — Кочанъ капусты, да вѣникъ, да рубль денегъ. — Вотъ тебѣ кочанъ ка-

пусты, да вѣникъ, да рубль денегъ.—Ну, по рукамъ да въ баню. — Ударяютъ по рукамъ, и бѣгутъ во кругъ колышковъ: хозяйка въ правую сторону, а покупатель въ лѣвую. Обѣжавши вокругъ, возвращаются съ противуположныхъ сторонъ къ спорному колышку. Кто первый прибѣжитъ къ колышку, тотъ остается владѣтелемъ его, или, если бы кто первый дотронулся колышка рукою. Если покупатель прибѣжитъ послѣднимъ, то онъ йдетъ покупать у другой; равномѣрно, еслибы прибѣжала послѣднимъ сама хозяйка.—Игра продолжается, пока не перекупятся всѣ колышки. При бѣготнѣ случаются забавныя паденія, при коихъ поднимаются всѣ колышки и производятъ всеобщій смѣхъ и нареканіе: покупатель пьяница! или: у кумушки болитъ головушка, бѣдная кумушка!

Игра эта выражаетъ корыстолюбіе торговцевъ: хозяинъ и покупатель сошлись въ цѣнѣ, ударили уже по рукамъ, но вдругъ нашло на обоихъ раздумье: ахъ! дешево продалъ, еще бы поторговаться — ахъ купилъ дорого,—поспѣшилъ! — Оба бѣгутъ, суетятся и наконецъ снова покупаютъ; купецъ, вездѣ корыстолюбецъ — купецъ. Какъ онъ ни купитъ дешево, а все еще ему дорого.

Кумки.

Одна дѣвица дѣлается покупщицею, а прочія дѣвушки, называемыя *кумками*, усаживаютъ въ кружокъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которыя называются ихъ дѣтьми. Кумки становятся позади своихъ дѣтей, и кладутъ руки на ихъ голову. Покупщица подходитъ къ кумкѣ и говоритъ: *кумка кумятка, продай дитятка.* Первая не продаетъ, вторая не продаетъ, а третья должна продать. Она бьетъ по рукамъ покупщицы, приговаривая: *продамъ тебѣ дитятко за шильце, за мыльце, за горячій блинъ.* Съ послѣднимъ словомъ кумка и покупщица, бѣгутъ въ противуположныя сто-

роны; которая успѣетъ положить прежде руку на голову дитяти, за тою остается оно. Покупка начинается снова и продолжается до тѣхъ поръ, пока дойдетъ до кумки, которая продала. Тогда всѣ кумки становятъ своихъ дѣтей на ноги, и кричатъ: *мое дитятко не шелудивое! мое дитятко не шелудивое!* Которая кумка не успѣетъ поднять на ноги дитя, того называютъ шелудивымъ, и это названіе остается часто на долгое время.

Кумки выражаютъ небреженіе матерей о воспитаніи своихъ дѣтей, коихъ не умѣли поднять на ноги, и потому подвергли ихъ всеобщему посмѣянію. — Весьма часто случается, что отъ чрезмѣрной нѣжности маменекъ, къ своимъ ненаглядным дитяткамъ, дѣти никакаго не получаютъ образованія, хотя имѣли къ тому всѣ средства. Больно разстаться съ дѣтьми! Онѣ выросли передъ глазами маменекъ, растутъ столбами, а маменки по нѣжности свой, все не хотятъ разлучиться съ ними, пока не разлучитъ ихъ, маменекъ, жестокая смерть. — О эта смерть! — но чтобы вы сдѣлали съ нею, нѣжныя маменьки?

Коза. Въ началѣ игры избирается обыкновенно ловкая дѣвушка, съ именемъ козы. Ее подводятъ къ стѣнѣ, всѣ прочія усаживаются и смѣются надъ нею. Иныя передразниваютъ ее козьимъ голосомъ, а другія кричатъ: коза, коза, бя! — Она сердится, топаетъ ногами, и грозитъ переколоть всѣхъ. Послѣ разныхъ насмѣшекъ, встаютъ и начинаютъ съ нею разговоръ: Моя козушка, ты не ѣла сегодня.—Гладятъ ее по спинѣ, и спрашиваютъ: Козушка, гдѣ ты была? — Въ полѣ. — Что тамъ дѣлала? Травку ѣла. — За чемъ сюда пришла? — Отдохнуть. — Съ этимъ словомъ дѣвушки должны бѣжать; она гоняется за ними, и кого поймаетъ, та замѣняетъ ее мѣсто. Многія дѣлаютъ произвольныя

поговорки, которыя завясятъ отъ расположенія духа и изворотливости дѣвушки. Иныя до того наскучиваютъ козѣ своими поговорками, что она оставляетъ игру и плачетъ, ибо рѣзвая дѣвушка, начавъ съ козою разговоръ, касается иногда до сердечныхъ шалостей. — Козушка, гдѣ ты была? — Въ полѣ. — Кого искала!— Козушка молчитъ,—Козушка, я знаю кого ты искала.— Моя милая, отвѣчаетъ коза, оставь шутки; но шутки не унимаются и доводятъ до непріятностей, которыя прекращаются поцѣлуемъ. — Въ Малороссіи также играютъ въ козу и поговорки почти одинаковыя, но бываютъ насмѣшливыя, наприм:

Я коза дереза,
Пивбока луплена,
За копу куплена.
—
Тупу, тупу ногами,
Сколю тебе рогами,
Лапками загребу,
Хвостикомъ замету, —
Брру...

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей приводятъ для этой забавы, какъ бы общепринятое для игры присловье, а именно : — Дѣвушка передразниваетъ козу: коза, коза, бя, — гдѣ ты была? — Коней стерегла. — И гдѣ кони? — Въ лѣсъ ушли. — Гдѣ тотъ лѣсъ? — Черви выточили. — И гдѣ черви? — Они въ гору ушли. — И гдѣ гора! — Быки выкопали. — И гдѣ быки? — Въ воду ушли, — И гдѣ вода? — Гуси выпили. — И гдѣ гуси? — Въ тростникъ ушли? — И гдѣ тростникъ? — Дѣвки выломали. — И гдѣ дѣвки?— За мужъ вышли. — И гдѣ мужья? — Они померли. — И гдѣ гробы? — Они сгнили. — Этотъ многословный

распросъ весьма занимательный и забавный. Мнѣ не случалось его слышать, но онъ естественъ и приличенъ веселой игрѣ. Я сколько могъ видѣть эту забаву, она сопровождалась болѣе произвольными вопросами и часто дѣвушка, не докончивъ распроса, бьетъ козу по спинѣ, и всѣ разбѣгаются по угламъ комнаты. Коза гонится за ними и все опрокидываетъ на своемъ бѣгу. Ловкая коза препрыгиваетъ чрезъ стулья и скамейки, не повреждая себѣ ногъ. Пойманная дѣвушка заступаетъ ее мѣсто. —

Игра въ козу выражаетъ дѣвическое, беззаботное веселье. Если въ ней принимаютъ участіе молодые люди, то она измѣняетъ свое значеніе: проявляются въ ней сердечныя дѣла, и высказываютъ душевную тревогу. Украдкою жмутъ руки и переговариваются. — Таковыя продѣлки не уходятъ отъ зоркихъ глазъ дѣвицъ — соперницъ. — Всѣ играющіе спѣшатъ насладиться взаимнымъ изліяніемъ нѣжностей. — Тогда игра не чувствительно переходитъ въ сладостное самозабвеніе: всякъ на перевывъ желаетъ быть козою. О сколько восторговъ, если дѣвушка встрѣтится съ любимымъ предметомъ!

Огарушекъ. Сѣвъ въ кружокъ дѣвушки, избираютъ изъ среди себя разкащицу, которая, ходя вокругъ, говоритъ каждой по одному слову: черемя, беремя, нивѣсть чего, за стараго, богатаго: трунь, пень, князь. На кого падетъ слово князь, та оставляетъ кружокъ, и раскащица продолжаетъ свою поговорку, пока останется одна, съ которой она ведетъ очередной разговоръ, — и кто успѣетъ сказать прежде князь, та выбѣгаетъ изъ кружка. Оставшуюся осмѣиваютъ поговоркою: огарушекъ, черный камешекъ; огарушекъ, объѣдушекъ. — Огарушекъ бѣгаетъ за ними и ловитъ. — Пойманная помогаетъ огарушку ловить остальныхъ. —

Огарушекъ изображаетъ засидѣвшихъ дѣвицъ, которыя, посмѣиваясь надъ тихими и счастливыми въ любви, клевещутъ ихъ изъ злости. Женское злословіе проистекаетъ найболѣе изъ устъ старыхъ дѣвъ.

Скачка на доскѣ.

Это самая простая и обыкновенная забава поселянокъ и городскихъ дѣвушекъ; она похожа болѣе на шалость, нежели на игру, — Кладутъ доску чрезъ колоду; двѣ дѣвушки становятся по концамъ и разшатываютъ, иногда такъ крѣпко, что дѣлаютъ высокіе скачки, и кто выше подскакиваетъ, тому честь и хвала. Въ этой скачкѣ есть особое искуство, чтобы вовремя прыжковъ попасть опять на доску; малѣйшее же отклоненіе отъ размѣра, производитъ паденіе, часто съ большимъ ушибомъ. —

Дѣти и дѣвочки, особенно любятъ забавляться этой скачкою. —

Запуски.

Собирается нѣсколько дѣвушекъ въ кружокъ, и спорятъ между собою: Маша, ты не догонишъ меня. — Нѣтъ догоню. — Нѣтъ, не догонишъ. — Олинька подхватываетъ: я догоню тебя, Катинка. — Меня? — Не догонишъ! — Меня не догонишъ! кричатъ вдругъ всѣ дѣвушки, и бросаются бѣжать въ разныя стороны, со всѣми возможными изворотами и увертками, свойственными женской природѣ. Олинька гонится за ними. Если кто выбивается изъ силъ, та должна скорѣе прибѣжать къ какому нибудь мѣсту, и ухватясь за него, напримѣръ за дерево, стѣну, дверь и проч., сказать: чуръ меня. — Тогда Олинка должна бѣжать за другими и не допустить до чура. Ловящая часто бѣгаетъ до упаду, но пойманная до чура, заступаетъ ея мѣсто. Отъ сильнаго бѣганья, не замѣтно рвутъ на себѣ платье, или падаютъ больно. Боль мгновенно проходитъ.—Тутъ большое наслажденіе дѣвушки, если она успѣетъ словить свою подругу на самомъ бѣгу.

Въ Малороссіи запуски называются выпередки, т: е: выпереживать другъ друга; въ выпередки такъ же играютъ, какъ въ запуски, и часто дѣвушки и мальчики забавляются вмѣстѣ. —

Скачка на доскѣ и запуски въ большемъ употребленіи, и весьма полезныя для тѣлеснаго укрѣпленія. Эти игры развиваютъ гибкость членовъ, и доставляютъ твердость и силу. — Запуски была любимая игра у Грековъ на олимпійскихъ увеселеніяхъ, и у Римлянъ. —

Четъ и нечетъ. Кто отгадаетъ четъ, тотъ все получаетъ. Четъ составляетъ парное число чего нибудь, а нечетъ когда не достаетъ къ парѣ одного, напримѣръ: 6, 8, 10, и проч. суть четныя, а 5, 9, 11, нечетныя. — Берутъ горсть орѣховъ и спрашиваютъ: четъ или нечетъ? — Иногда играютъ ни на одни орѣхи, но и на мелкія деньги. — Въ иныхъ мѣстахъ эта игра называется четъ и лишка. — Употребляется по всюду. —

Обручъ. Дѣти катаютъ обручь по землѣ. и на всемъ его бѣгу подбиваютъ длиной палочкою. Игра въ обручъ, называемая еще сюрсо, перенята отъ иностранцевъ, и вошла въ употребленіе не ранѣе конца XVIII вѣка. Она не есть забава дѣтей, но взрослыхъ барышень и дамъ. Становятся на извѣстное разстояніе другъ противъ друга, и бросаютъ вверхъ кругъ, стараясь на лету схватить его на свой кій. Тутъ надобно имѣть особую ловкость, но очень многія изъ дамъ такъ искусны, что рѣдко даютъ промахъ. Въ этой забавѣ принимаютъ участіе мущины. —

Обручъ и сюрсо, одно и тоже, есть гимнастическое занятіе. —

Бирюльки. Употребленіе этой игры повсемѣстное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она называется четками, а въ другихъ *бирюльками*, отъ слова брать. — На этой предметъ

иные употребляютъ гладкіе прутики или тоненькія палочки, а другіе употребляютъ особо приготовляемыя соломенки. Одна изъ дѣвушекъ раздаетъ каждой играющей, по одной палочки тоненькой и ровной. — Оставивъ при себѣ самую длинную, которая называется шутомъ, она отбираетъ у нихъ разданныя прежде, складываетъ вмѣстѣ съ своимъ шутомъ и сжавъ въ пучекъ, разсыпаетъ по столу. Каждая изъ дѣвицъ пробуетъ выдернутъ или поднять одну какую либо палочку, помощію шута. но такъ, чтобы ни одну не дотронуть, и чтобы ни одна не колыхнулась. Въ противномъ случаѣ она лишается права на игру. Тутъ надобно великаго искуства, которое называется удачею. Не многимъ удается снять всѣ палочки. —

Искусные игроки употребляютъ еще ровно обрѣзанныя коротенкія соломенки, называемыя бирюльками; онѣ такъ же выдергиваются, какъ четки. Но тутъ предстоитъ гораздо болѣе ловкости, — чтобы ничто не колыхнулось, потому что соломенки движутся отъ одного дуновенія и рука дрожитъ сильнѣе. Завистливыя къ удачѣ, обнаруживаютъ большое неудовольствіе: онѣ преждевремянно стараются помѣшать въ снятіи бирюлекъ, потому заговариваютъ, пугаютъ, кричатъ и т. д. —

Бирюльки не есть игра однѣхъ дѣвущекъ; ею любятъ заниматься, въ осенніе и зимніе вечера: молодые, взрослые и старики. Она была въ большомъ употребленіи въ учебныхъ заведеніяхъ. —

—

III. ИГРЫ МУЖЕСКІЯ.

Мячъ. Въ сѣверной Россіи игра въ мячъ, называется еще лаптою. Названіе лапти произошло отъ деревянной, на подобіе лопати сдѣланной палки, вмѣсто коей часто употребляютъ просто одну длинную палку. Для этой игры избираютъ двухъ матокъ. Палку или лапту бросаютъ вверхъ, и плюютъ на одну сторону, говоря: мокраго или сухаго тебѣ надобно? Если палка упала на мокрую сторону, тому быть маткою въ городѣ; а на сухую сторону,—въ полѣ. Прочіе подходятъ попарно къ маткамъ, спрашивая ихъ: мокраго или сухаго? На отвѣтъ мокраго, тотъ идетъ на его сторону; на отвѣтъ сухаго, на сторону сухаго. Игроки раздѣляются на двѣ половины: одна идетъ къ своей маткѣ и играетъ съ нею, а другая идетъ въ поле, чтобы ловить на лету падающій мячъ. — Въ другихъ мѣстахъ игру начинаютъ конаніемъ: двое изъ прославленныхъ игроковъ, взявъ палку, мѣряются между собою: кому изъ нихъ быть маткою и кому начинать игру. Чія рука остановится на верхушкѣ палки, тому быть маткою и начинать игру. Одна половина изъ остальныхъ игроковъ идетъ въ поле, и раздѣляетъ между собою мѣста, гдѣ кому стоять и что дѣлать: одни становятся по срединѣ, другіе по бокамъ, и всѣ обязаны ловить мячъ. — Одинъ изъ полевыхъ подаетъ бить мячъ. — Кто не попадетъ палкою за третьимъ разомъ, тотъ лишается права бить мячъ; кто бьетъ за каждымъ разомъ, тотъ продолжаетъ бить до трехъ промаховъ. Сдѣсь большое искуство состоитъ въ томъ, чтобъ бить мячь высоко, по ударѣ бѣжать къ проведенной въ поле чертѣ, плюнуть тамъ и воротиться назадъ не побитымъ къ своему мѣсту; но если мячъ попадется въ руки кому либо изъ ловящихъ, и застанетъ бѣгущаго на чертѣ въ полѣ, тутъ

употребляются всѣ возможные обманы, какъ бы побить мячемъ, а со стороны убѣгающаго, какъ избѣжать удара. Съ побитіемъ кого либо, прекращается игра, и передается другой половинѣ. Она прекращается и тогда еще, когда кто схватитъ на лету мячъ, который, чтобы поймать, надобно пріобрѣсть особую снаровку и имѣть крѣпость въ рукѣ; потому что отъ сильнаго паденія и косвеннаго удара, производитъ большое сотрясеніе въ рукахъ ловящаго и наноситъ иногда такой ударъ, что сворачиваетъ пальцы.

Мячи употребляютъ кожаные, набитые шерстью. Охотники пріобрѣтаютъ не весьма дешево.

Въ Малороссіи граютъ въ городки мячемъ. Начерчиваютъ палкою квадратъ, называемый городокъ, который бываетъ въ окружности нѣсколько десятковъ саженей. Величина городка зависитъ отъ условія. — Играющихъ бываетъ только пять человѣкъ: они мѣряются на палкахъ и чія рука выше, тому бить въ городкѣ, а прочіе четыре становятся на чертѣ квадрата, отдѣльно по четыремъ сторонамъ. — Стоящій на чертѣ, долженъ побить мячемъ стоящаго въ городкѣ, который увивается отъ его удара всѣми способами, но какъ стоящій въ городкѣ бываетъ часто обманываемъ стоящимъ на чертѣ, который показываетъ лукавый видъ, будтобы онъ хочетъ перебросить мячъ кому либо изъ своихъ товарищей, находящихся на чертѣ квадрата, въ то время стоящій въ городкѣ долженъ наблюдать всѣ его движенія, иначе малѣйшая неосмотрительность, можетъ сдѣлать то, что вмѣсто бросанія мяча къ одному изъ товарищей, онъ быстро перемѣняетъ свое направленіе, бросаетъ въ стоящаго въ городкѣ и можетъ побить его; когда побьетъ, тогда всѣ четверо разбѣгаются въ разныя стороны, а побитый схватываетъ мячь, и старается имъ побить бѣгущихъ, но не

выбѣгая изъ городка. Побитый занимаетъ мѣсто стоящаго въ городкѣ, а этотъ занимаетъ его мѣсто. Если побитый въ городкѣ, ни въ кого не попадетъ изъ разбѣжавшихся, то онъ занимаетъ прежнее свое мѣсто. — Игра продолжается до общей усталости, слѣдовательно она есть ничто иное какъ тѣлесное упражненіе. —

Мячъ объ землю и объ стѣну.

Двое изъ играющихъ мѣряются палкою, какъ въ предъидущей игрѣ, и точно же такъ начинаютъ игру. — Одинъ изъ нихъ бьетъ объ землю мячь, такъ, чтобы отъ всяго удара онъ дѣлалъ бы высокіе скачки, и во время скачковъ ловитъ его черезъ ногу и руку, и продолжаетъ дотолѣ, пока дастъ промахъ.

Игра объ стѣну состоитъ въ томъ, чтобы бить мячемъ объ стѣну, и отскакивающій мячъ подхвачивать чрезъ ногу или руку, и не дать упасть ему на землю.

Эти мячи набиваютъ конскими волосами, обтягиваютъ кожею, иногда разноцвѣтной, и продаютъ охотникамъ за нѣсколько паръ бабокъ, за хорошій битокъ, или за свайку. —

Летучій мячъ или воланъ.

Летучій мячъ, или иначе воланъ, бываетъ величиною съ дѣтскую голову и дѣлается обыкновенно изъ шерсти. Имъ забавляются, нетолько лѣтомъ, но и зимою. Богатые въ своихъ покояхъ, а простые на дворѣ. Это любимая игра нашихъ торговцевъ, которые перебрасываются предъ лавками, въ зимнее время. Одинъ бьетъ вверхъ носкомъ ноги, а другой подхватываетъ его на лету: отбиваетъ своей ногою или бьетъ объ землю, отъ чего воланъ дѣлаетъ высокіе прыжки и во время его прыганія ударяютъ по немъ рукою, не давая катиться по землѣ. Когда дѣлаютъ отбой ногою, тогда становится нѣсколько охотниковъ, въ разныхъ направленіяхъ, и постоянно производятъ искусные отбои. — Воланъ употребляется въ домахъ дѣвушками

и мальчиками, которые занимаются имъ съ охотою, потому что онъ служитъ вмѣсто гимнастики.

Воробьи. Эта игра производится посредствомъ мяча. — Выкапываютъ небольшую въ землѣ ямочку, кладутъ мячъ на деревянной досечкѣ, и бьютъ по ней палкою. Кому прежде бить, бросаютъ жребій: т. е. мѣряются на палкѣ, и чія рука остановится на верхушкѣ, тому начинать, прочіе идутъ въ поле.—Словившій мячь, смѣняетъ играющаго.

Пытка. Разнообразіе игры въ мячь, измѣняется наконецъ въ пытку. Выкапываютъ въ одинъ рядъ нѣсколько ямочекъ, называемыхъ лунками; потомъ конаются: кому стоять у лунокъ и отбивать мячь, и кому катать его. Обыкновенно катаетъ тотъ, чія рука при конаніи всѣхъ ниже. Игроки становятся при ямочкахъ съ палками и отбиваютъ мячь, и если катающій попадетъ въ лунку, то онъ занимаетъ его мѣсто, и начинаютъ пытать неотбившаго. Одинъ изъ игроковъ, засунувъ его голову между своими ногами, бьетъ по его головѣ мячемъ; другой изъ игроковъ катаетъ мячъ а остальные спрашиваютъ: въ чію лунку попалъ мячь?— Если онъ отгадаетъ, то этимъ прекращается пытка.—Въ противномъ случаѣ продолжаютъ пытать, пока онъ не отгадаетъ. Случается, что замучиваютъ пыткою.— Отгадавшій, въ чіей лункѣ мячь, освобождается отъ пытки, и онъ начинаетъ уже пытать того, у кого отгадалъ.

Пытка напоминаетъ намъ наказаніе этого имени. Не уподобленіе ли этой игры, бывшему мученію надъ обличаемыми въ преступленіи?—Многія игры обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствительному событію, по этому допустить можно, что игра въ пытку, могла произойти отъ существовавшаго наказанія. Во всякомъ случаѣ эта игра, есть мучительная гимнастика.

Свайка. Она дѣлается изъ желѣза въ видѣ гвоздя, съ большей головкою и заостреннымъ концемъ. Вѣситъ иногда до 4 и 5 фунтовъ, — тяжелѣе этого мнѣ не случалось видѣть, хотя нѣкоторые утверждаютъ, что бываютъ до полпуда; что она одолжена своимъ происхожденіемъ тульской оружейной слободѣ, и что рѣдко можно слыхать въ другихъ губерніяхъ объ этой игрѣ, — тогда, какъ она въ большемъ употребленіи въ Малороссіи, въ литовскимъ краѣ и во многихъ южныхъ мѣстахъ Россіи. Для свайки приготовляютъ особое желѣзное кольцо, и играютъ нѣсколько вмѣстѣ. Берутъ за остріе свайки и бросаютъ въ средину кольца такъ, чтобы она воткнулась въ его средину, но еще лучше, если попавъ въ средину кольца, отобьетъ его.—Тогда мѣряютъ разстояніе отъ свайки до кольца пядью, и таковая мѣра называется пирогами.—Глубоко же вонзившаяся свайка въ землю, называется рѣдькою. — Если свайка не воткнется, тотъ лишается игры. — Кто за десятымъ разомъ не воткнетъ, тотъ обязанъ подавать свайку каждому игроку, и говорятъ ему въ насмѣшку: хомутъ надѣлъ на отца.—Выигравшій садится верхомъ на проигравшемся, что называется *ѣздить верхомъ и сѣдлать*, и сидя на немъ, бьетъ въ землю свайкою до перваго промаха. Сидящій верхомъ издѣвается надъ подающимъ ему свайку. Когда подающій потѣетъ, ему говорятъ: масло потекло. Когда не можетъ вынять свайки изъ земли, тогда говорятъ: мильцо къ бильцу подползло. Когда изнемогаетъ въ силахъ и сердится: потѣй Фадѣй, до звѣзды говѣй. Когда выкапываетъ свайку изъ земли: вынимай скорѣй, изъ норы своей; когда оканчиваетъ игру: унесъ, горе, въ свое море. Въ иныхъ мѣстахъ говорятъ: сбилъ бѣду, какъ свою жену.

Играютъ въ свайку еще другимъ образомъ. Игрокъ

беретъ свайку за острый конецъ и бросаетъ ее такъ, чтобы она перевернувшись въ воздухѣ, попала въ кольцо. Если попадетъ, то считается за три. Это значитъ, что ему дозволяется бить за удачный попадъ, еще по три раза; но кто за первыми тремя разами промахнется, тотъ лишается бить въ кольцо. Еще принимаютъ въ счетъ *пироги*, т. е. если свайка не попадетъ во внутрь кольца, а отобьетъ его, то пространство отъ свайки до кольца, называютъ *пирогами*: ихъ вымѣриваютъ свайкою; сколько разъ уляжется свайка на этомъ пространствѣ, столько пироговъ. Кто промахнется послѣ двѣнадцати разъ, того морятъ: онъ долженъ каждому изъ играющихъ подавать свайку; получающій ее бросаетъ въ землю три раза внѣ кольца, а въ четвертый разъ въ кольцо. Если онъ попадетъ въ кольцо или сдѣлаетъ нѣсколько пироговъ, то моренье повторяется и продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ за нимъ не подѣлаютъ промаховъ. При мореніи принимаются еще въ счетъ *ляпа и рѣпка*. Когда свайка не воткнется въ землю; то это называется ляпою, и если кто сдѣлаетъ три ляпы, тотъ лишается права морить. —Рѣпа же, когда морящій попадетъ въ одно мѣсто свайкою, которая входитъ въ землю своею головкою, — тогда это называется засадить рѣпку, и вытаскивать ее довольно тяжело. Моренье оканчивается, когда всѣ надѣлаютъ промахи.

Ножикъ.

Взявшій ножикъ по жребію, бросаетъ его въ землю двумя пальцами, потомъ тремя и т. д., чтобы онъ воткнулся. — Послѣ кладетъ его на кулакъ поперегъ, за тѣмъ на ладонь и на кисть, и съ нихъ бросаетъ; потомъ, взявъ за кончикъ и приложивъ къ губамъ, бросаетъ его въ землю; послѣ кладетъ ко лбу и оканчиваетъ головою, съ коей онъ сбрасываетъ, но всякій разъ, чтобы воткнулся ножъ. Не выполнившій всѣхъ

этихъ дѣйствій, долженъ вытаскивать зубами тоненькій колышекъ, забитый въ землю и чуть видный.

Мушка. Вбиваютъ въ землю палку; длиною въ аршинъ и болѣе; вверху палки привѣшиваютъ деревянный крючекъ, называемой мушкою, которую *водитъ* (караулитъ) одинъ изъ играющихъ и вѣшаетъ ее всякой разъ, когда собьютъ, а прочіе, отойдя на нѣсколько шаговъ, держатъ въ мазлахъ (ямкахъ) свои палки. Между тѣмъ одинъ кто либо, не отходя отъ мазла, старается попасть своей палкою въ мушку, или покрайнѣй мѣрѣ въ вбитую палку; отлетѣвшую же его палку, онъ оставляетъ лежать на томъ мѣстѣ, гдѣ она упала, пока всѣ не кончутъ бить. Но если бьющій надѣется, что онъ сбѣгаетъ скорѣе за палкою, чѣмъ поспѣетъ водящій повѣсить мушку; то онъ бѣжитъ за нею. Если не надѣется, то дожидается выкупа.—Когда бьетъ послѣдній—это значитъ *выкупаетъ*, тогда всѣ бѣжатъ за своими палками. Водящій же мушку долженъ, повѣсивъ ее какъ можно скоро, захватить чіе бы то ни было мазло, во время ихъ побѣга. Кто не успѣетъ защитить свое мазло, тотъ водитъ мушку, а прочіе играютъ по прежнему.

Изворотливость побѣждаетъ умѣнье.

Чушки. Начерчиваютъ сначала на землѣ два круга, разстояніемъ другъ отъ друга на 20 шаговъ и болѣе; потомъ проводятъ, по срединѣ каждаго круга, по одной чертѣ, называемой коном, и одну черту между кругами, которая называется полукономъ. На конахъ каждаго круга ставятъ по пяти чушекъ (обрубки, длиною и толщиною въ $\frac{1}{4}$ арш.), въ такомъ порядкѣ: одну чушку кладутъ вдоль кона, двѣ поперегъ продольней чушки, четвертую вдоль двухъ поперечныхъ, а пятую ставятъ стоймя, между четвертой и двѣмя продольными. Играющіе раздѣляются на двѣ стороны,

каждый игрокъ имѣетъ по двѣ палки, и начинаютъ сбивать по конаніи. Игроки первой стороны, бьютъ изъ своего перваго круга, въ кругъ второй стороны: сначала одной палкой, а потомъ другой. Если случится, что кто собьетъ съ перваго раза всѣ чушки; то вторая сторона начинаетъ сбивать чушки перваго круга, палками первой стороны. Должно замѣтить, что при сбиваніи чушекъ, употребляютъ игроки однѣ и тѣже палки. Если случится, что игроки первой стороны, не всѣ собьютъ или вовсе не собьютъ чушки втораго круга, то начинаетъ сбивать вторая сторона, чушки перваго круга, и такимъ образомъ продолжаютъ играть обѣ стороны, пока не собьютъ чушекъ съ своихъ коновъ. Когда кто собьетъ съ кона, хотя одну чушку; тогда прочіе должны сбивать остальныя уже съ полукона. Если которая сторона не собьетъ своихъ чушекъ, то сбившая ѣздитъ на ней отъ круга къ кругу. Если обѣ стороны собьютъ свои чушки, то начинаютъ снова играть, пока кто не собьетъ.

Игра эта повидимому намекаетъ на то, что кто въ свѣтѣ проворенъ — тотъ и успѣваетъ.

Чижъ или чижикъ.

Въ начерченномъ на землѣ кругѣ, кладутъ чижика или чижа,—заостренную палочку съ обѣихъ концевъ, длиною въ $^1/_4$ арш.—Начинающіе играть конаются сначала, и потомъ бьютъ по порядку конанія: отъ перваго до послѣдняго. Предъ игрою уговариваются: если кто не сдѣлаетъ десять ударовъ палкою по чижику, то сколько долженъ бѣгать на кули и скачку?—Кули значитъ бѣгать отъ круга до упавшаго чижика, и кричатъ не переставая: на кули, кули. Скачка такое же бѣганье, только на одной ногѣ, сгорбившись и не перемѣняя ноги.

Первый игрокъ по конаніи, начинаетъ бить чижика, съ одного какого либо заостреннаго конца, и старается

сдѣлать еще нѣсколько ударовъ на воздухѣ, и потомъ отбиваетъ чижика; за нимъ бьетъ второй и такимъ образомъ бьютъ всѣ по порядку. За отбитымъ чижикомъ бѣжитъ второй игрокъ, который кладетъ его въ кругъ и начинаетъ бить, какъ первый, и за отбитымъ бѣжитъ уже третій, и такъ всѣ чередуются до конца игры. Кто всѣхъ скорѣе сдѣлаетъ десять ударовъ, тотъ оканчиваетъ бить чижика, и потомъ первый начинаетъ бить уже на кули и скачку, но не прежде, пока всѣ не сдѣлаютъ по десяти ударовъ, наблюдая прежній порядокъ бить по очереди. Не сдѣлавшій десяти ударовъ, бѣгаетъ за чижикомъ, подаетъ каждому бить и обращаясь къ кругу, кричитъ неперерывая голоса: на кули, кули! и въ то время скачетъ. Онъ кричитъ и скачетъ столько разъ отъ чижика къ кругу, сколько было условлено. Послѣ снова начинаютъ играть, если вздумаютъ.

Неудача скачетъ, неудача пляшетъ,—а крайность до чего не доводитъ.

Кандалы. Становятся мальчики къ стѣнѣ или забору. Одинъ изъ играющихъ, ставъ противу нихъ, говоритъ: кандалы.

Ему отвѣчаютъ: скованы.

Одинъ изъ играющихъ говоритъ: раскуй.

Спрашиваютъ: кого?

Одинъ изъ играющихъ отвѣчаетъ: насыкай кулакъ (приготовляй).

Спрашиваютъ: на чіи боки?

Одинъ изъ играющихъ: на такого-то. — Тогда всѣ бросаются на поименованнаго имъ и бьютъ. Говорившій занимаетъ потомъ мѣсто поименованнаго, а этотъ начинаетъ спрашивать прежнимъ порядкомъ и продолжаютъ забавляться, пока не прискучитъ имъ. На кого повалится несчастіе, на того и люди.

Шаръ или касло. Выбираютъ палки, которыя бы имѣли на концѣ головку, какъ въ кіѣ, чтобъ удобнѣе было гонять шаръ;

потомъ выкапываютъ довольно большую яму, называемую касло (*). Кругомъ его выкапываютъ небольшія ямки, по числу игроковъ, называемыя лунками. Доставшемуся по жребію водить игру, долженъ загнать шаръ въ лунку, и когда другіе будутъ отбивать, тогда стараться захватить чіе бы то ни было мѣсто.— Защищающіе должны находиться при своихъ лункахъ, и когда водящій вгонитъ шаръ къ касло, тогда они должны перемѣняться своими ямками, но чтобы не прозѣвать ихъ. Прозѣвавшій же, водитъ шаръ. Если водящій долго не вгонитъ въ касло шаръ, то можетъ бросить его вверхъ, но такъ, чтобы попасть въ касло; прочіе обязаны отбивать шаръ на лету. — Отходящій отъ своей лунки, долженъ зачурить ее, сказавъ: чуръ! мое масло до вечера не погасло. — Другіе говорятъ: чуръ сала—масла, запечатано касло.

Забава эта довольно утомительная: въ ней требуется проворства и искуства, особенно водящему шаръ. Игра въ шаръ выражаетъ набѣгъ врага на мирныя жилища.

Вѣтчинка.

Вбиваютъ въ землю колышекъ, и привязываютъ къ нему небольшую веревку. Около колышка кладутъ старые сапоги, башмаки или лапты. Одинъ изъ игроковъ беретъ въ лѣвую руку веревочку, а въ правую прутъ. — Прочіе подходятъ къ нему и спрашиваютъ: поспѣла ли вѣтчинка? — Нѣтъ. — Потомъ, погодя нѣсколько времени: поспѣла ли вѣтчинка?—Нѣтъ. — Затретьимъ разомъ: поспѣла ли вѣтчинка? тотъ отвѣчаетъ: кипитъ, шевелитъ, продавать велитъ. При послѣднемъ словѣ похищаютъ вѣтчинку, а тотъ долженъ отгонять

(*) Въ другихъ мѣстахъ большая ямка называется котломъ

ихъ прутомъ, и ударенный имъ, заступаетъ его мѣсто. Если вѣтчинка расхищена безъ удара, то онъ самъ подвергается наказанію: берутъ по пруту и бьютъ его.

Не выражаетъ ли эта игра безпечнаго хозяина, о своей собственности?

Бабки. Онѣ приготовляются изъ подкопытной кости, и составляютъ нѣкоторымъ образомъ промыслъ мальчиковъ. Сначала обвариваютъ въ горячей водѣ, и потомъ выбираютъ самую большую и тяжелую кость для битки, которую наливаютъ охотники свинцомъ. Каждый игрокъ становитъ нѣсколько паръ своихъ бабокъ, на ровномъ мѣстѣ въ одинъ рядъ; стоящія попарно бабки, называются гнѣздомъ, а всѣ гнѣздо кономъ. Кому начинать бить, бросаютъ изъ за кона битки; чей упадетъ дальше, тому начинать. Сбившій нѣсколько гнѣздъ, получаетъ все себѣ; не попавшій, теряетъ свой выигрышъ.

Игра въ бабки имѣетъ свои особыя названія: конъ за конъ, плоцка, кудачекъ у кону, стѣнка и городокъ. Кто въ игрѣ конъ за конъ, сшибетъ крайнія бабки, тотъ ихъ выигрываетъ. Въ плоцкѣ должно цѣлить въ одну изъ сторонъ: въ правую или въ лѣвую. Въ кудачкѣ надобно имѣть особую ловкость, чтобы не зашибить своимъ биткомъ чужаго. — Въ стѣнкѣ бросаютъ объ стѣнку бабками, и чія ляжетъ ближе къ другой, тотъ выигрываетъ. Въ конѣ ставятъ по шести бабокъ, и кто собьетъ всѣ, тому достается вся шестерня. — На всѣ эти игры находятся многообразныя правила и условія, такъ что, еслибы кто захотѣлъ утверждать, что онѣ имѣютъ общія и положительныя, тому представились бы однѣ возраженія, потому что не вездѣ играютъ одинаково, и нѣтъ положительныхъ правилъ: болѣе зависитъ отъ мѣстности и нововведеній самыхъ игроковъ. —

Игра въ бабки собственно есть греческая и называлась *астрагалось*. — Отъ Грековъ она распространилась по Европѣ, а Русскіе такъ ее усвоили, что она понынѣ составляетъ первое удовольствіе мальчиковъ, и нѣтъ уголка во всей Россіи, гдѣ бы не играли въ нее. Должно замѣтить, что въ бабки любили играть Татары Золотой Орды. При разрытіи мѣстности Сарая, находили во множествѣ коньки и альчики (бабки изъ подколѣнъ овецъ), которые были очень хорошо обдѣланы. — Иногда случалось видѣть по нѣсколько десятковъ, сложенныхъ вмѣстѣ. —

Разнообразіе игры въ бабки, называемой въ калужской губерніи *ладышками*, можно видѣть изъ трехъ ея измѣненій: *плоцка, жогъ и конъ за конъ*.

Выбираютъ ровное мѣсто, проводятъ на немъ черту для кона, и черту, изъ за которой должно бить и гонять битой. Эти биты бываютъ простыя бабки, свинчатки (налитыя свинцомъ), чугунки и мѣдянки (чугунныя и мѣдныя бабки). Каждый за свою биту долженъ ставить на конъ пару бабокъ, называемыхъ *гнѣздомъ*. Уставивши конъ, сбираютъ всѣ биты и бросаютъ ихъ на землю. Котораго бита ляжетъ далѣе всѣхъ, и при томъ *плоцкою* (на лѣвой бокъ); тотъ имѣетъ право, прежде всѣхъ гонять и бить, за нимъ по порядку прочіе; послѣ нихъ *жоги* и *нички*. — Жоги, коихъ биты легли прямо на нижнюю сторону, а нички, на верхній бокъ или правую сторону, но нички уже бьютъ съ лѣвой руки. Сшибаемыя бабки кладутъ въ свою *козну* т: е: въ карманъ, шапку, мѣшечекъ и за пазуху. — Если съ кона не всѣ сшиблены бабки; то продолжаютъ сбивать ихъ по согласію, или еще прибавляютъ къ гнѣзду бабки. —

Въ жогъ такъ же играютъ, какъ въ плоцку. — Разница та, что здѣсь гоняетъ и бьетъ прежде тотъ, у

кого бита легла жогомъ, за нимъ плоцка, а послѣдній уже ничка.

Уставивши конъ, отходятъ на довольно большое пространство; отсюда начинаютъ *забивать битами*, это значитъ, чтобы бита непремѣнно *перебутьла* (перелетѣла) черезъ конъ. Въ противномъ случаѣ берутъ пару ладышекъ, поставленныхъ за биту. Этотъ промахъ поправляется постановленіемъ другой пары бибокъ, что называется уже *посолить* или *наварить*. Послѣ *забоя*, бьютъ за кономъ. Сбитыя бабки берутъ себѣ, которыя продаютъ потомъ, или мѣняютъ на какія нибудь вещи.

Играютъ еще бабками въ пристѣнокъ. Ударяютъ бабкою объ стѣну, ворота или камень, а въ слѣдъ за ними, чокаются бабками. Это значитъ, чтобы бабка дотронулась къ чіей нибудь, или находилась бы на разстояніи отъ нея на пядень. Тогда это называется *спядилъ* игрокъ, который получаетъ чокнувшіяся или спядившіяся бабки.

Чеканчики или жожки.

Въ этой игрѣ учавствуетъ двое. Одинъ беретъ биту у товарища, и бросаетъ ее вмѣстѣ съ своею на землю: чія бита легла жогомъ, тотъ бьетъ ее своею, но такъ, чтобы она, чокнувъ объ нее, отскочила болѣе, нежели на пядень, въ противномъ случаѣ онъ беретъ его бабку, и тогда начинается игра сызнова. Если кто всѣ три раза, будетъ чокать бабку другаго, то онъ выигрываетъ его бабку; но когда затретьимъ разомъ спядитъ одну биту, то онъ лищается игры, и такое удареніе называется *на подъ жижку*.—Въ чеканчики играютъ тѣ, которые проиграли всѣ свои бабки, въ надеждѣ возвратить свою потерю. Проигравшійся разсуждаетъ: ужъ выигрывать, такъ выигрывать; проигрывать, такъ проигрывать. Водя глазами по выграннымъ его товарищами бабкамъ, онъ чокается своею битою, и вызываетъ охотника:

кто въ чеканчики? кто въ чеканчики? При этомъ положеніи, онъ бываетъ подобенъ проигравшемуся въ картахъ, загибающему уголъ и вызывающему метать въ банкъ.

Проигрывающіе бабки прибѣгаетъ часто къ ненозволенному обману: они вдругъ падаютъ на конъ съ крикомъ: *шарапъ!* и разграбливаютъ.

Бываютъ при выигрышѣ вознагражденія: кто ссулитъ свою битку на прокатъ, тотъ получаетъ за нее нѣсколько бакокъ.

Эта игра татарская, и есть тоже самая, что въ баб- Альчикъ
ки. Ставятъ въ кружокъ попарно бабки, которыя приготовляютъ изъ подколѣнъ овецъ. — Сначала конаются (мѣряются на палкѣ): чія рука на верху, тому бить прежде всѣхъ, а прочимъ по своему порядку. Играющіе имѣютъ нарочно сдѣланные изъ свинца битки, называемые альчиками, которые бываютъ поболѣе обыкновенной бабки. Бьютъ на одномѣрное разстояніе. Альчикъ держатъ въ правой рукѣ, между двумя пальцами: мизинцемъ и большимъ. Альчикомъ не бросаютъ, но щелкаютъ въ коньки: кто сбьетъ, тотъ получаетъ ихъ. За первымъ игрокомъ слѣдуютъ другіе по порядку, съ той уже разницею, чей альчикъ упалъ далѣе, тому бить прежде. — Играютъ въ альчики еще иначе. — Каждый изъ играющихъ ставитъ пару коньковъ, подлѣ проведенной черты, — и этотъ рядъ коньковъ, называется *козною*. Потомъ бросаютъ битою изъ за козны: чія бита ляжетъ, тотъ лишается права бить; но если биты станутъ *олвцаромъ* (неровнымъ бокомъ) или *тангешомъ*, (ровнымъ бокомъ), то бить прежде тому, у кого *олвцаръ*. Бьютъ же козну на ступень отъ нея, щелкая тремя первыми пальцами. Сбившій рядъ козны, получаетъ ее.

Избираютъ на лугу или на улицѣ пространное мѣс- Пыжъ.
то и очерчиваютъ конъ, — круглое или четвероуголь-

ное мѣсто. Въ срединѣ его ставятъ пыжъ: толстый, деревянный отрубокъ въ четыре вершка, а иногда болѣе. Игроки выбираютъ палки длиною въ аршинъ, и становятся сбивать пыжъ, на условленномъ разстояніи. Начинаетъ тотъ, кому прежде достанется бить по жребію. Для этаго каждый, взявъ въ правую руку палку а въ лѣвую пыжъ, бьетъ по немъ, и кто отобьетъ дальше, тотъ дѣлается игрокомъ, а кто ближе, тотъ вожатымъ. Этотъ способъ выбора называется чакованіемъ. Игрокъ бьетъ палкою объ пыжъ; онъ долженъ сбить его изъ круга, потомъ бѣжать за своею палкою, чтобы не допустивъ вожатаго, схватить ее, и наконецъ возвратиться на свое мѣсто. — Прочіе не должны брать въ руки палку; иначе они лишаются игры, и одинъ изъ нихъ, болѣе виновный, дѣлается вожатымъ. Если бы кто захотѣлъ спорить въ игрѣ, то съ него выжимаютъ масло: двое изъ игроковъ стискиваютъ его палками, пока онъ не начнетъ умаливать и плакать. При чакованіи говорятъ: чаковчики, маковы головочки, малечина, калечина! Сколько часовъ до вечера до зимняго? — Разъ, два, три. — Этотъ счетъ дѣлается, когда пыжъ бьютъ палками, чтобы знать, кто болѣе чаковался. —

Во многихъ мѣстахъ играютъ въ пыжъ, безъ особыхъ притязаній: ставятъ его въ кругъ на извѣстномъ разстояніи, и бьютъ по очередно по немъ; кто сбиваетъ удачно, тотъ продолжаетъ играть до перваго промаха; промахнувшійся же обязанъ становить пыжъ.

Скрагли. Скрагли,—малороссійская игра. Она имѣетъ нѣкоторое сходство съ пыжемъ. Очерчиваютъ кругъ, называемый городомъ, и кладутъ въ немъ отрубки толстыхъ, но короткихъ палокъ; потомъ бросаютъ жребій, кому бить прежде. Кто выбьетъ изъ города за

черту, тотъ ѣздитъ на своемъ противникѣ, и ѣдетъ въ завоеванный имъ городъ съ торжествомъ.

Въ другихъ мѣстахъ играютъ еще иначе. Ставятъ на очерченномъ кругѣ деревянные скрагли; играющіе отмѣриваютъ отъ круга шагами, условленное разстояніе, а другіе бросаютъ отъ круга палки, и чія упадетъ дальше, тому начинать бить. Сбившій скрагли съ черты, славится своей ловкостію, и потомъ онъ ставитъ для играющаго съ нимъ скрагли, на томъ мѣстѣ гдѣ онѣ упали, а отнюдь не на самой чертѣ. Товарищъ его долженъ сбивать; сдѣлавши промахъ, онъ лишается права сбивать въ другой разъ, предоставляя искуству своего соперника. Они продолжаютъ сбивать поперемѣнно, пока не собьютъ всѣхъ, и тѣмъ оканчивается забава, которая, кромѣ ловкости и тѣлеснаго упражненія, не имѣетъ другаго назначенія. Мальчики и взрослые весьма любятъ заниматься скраглями; играютъ по большой части въ двоемъ.

Малороссійская игра, употребляемая однако во многихъ мѣстахъ Россіи. Скляпъ есть деревянный отрубокъ, съ одного конца заостренной, а съ другаго плоскій. Заостреннымъ вбиваютъ слегка въ землю; потомъ бросаютъ игроки свои палки отъ скляпа, и гдѣ уляжутся, оттуда начинаютъ бить. Обыкновенно бьетъ первымъ тотъ, чія палка ляжетъ далѣе. Сбившій скляпъ ставитъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упадетъ. Случается, что товарищу достается бить съ такого дальнаго мѣста, что онъ едва можетъ добросить до него свою палку. Все искуство здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы сбить сдали. Скляпъ.

Ставятъ на одной чертѣ въ одинъ рядъ, нѣсколько кеглей, только на ровномъ мѣстѣ и даже на лугу; средній, самый высшій, носитъ названіе короля, прочіе *хлаповъ* (слугъ). Съ двухъ противуположныхъ сторонъ стано- Кегли.

вятся игроки, на условленномъ разстояніи, называемомъ *чертою игроковъ*. Начинающій сбивать, беретъ въ руку шаръ, мѣтитъ имъ въ кегли и старается бросить такъ, чтобы не катаньемъ по землѣ, но ударомъ попасть и сбить. Если король выбьется за черту, противуположную игроку, то считаютъ сто, а прочіе по десяти очковъ.

Скоперди́нъ. Малороссійская игра. Два игрока садятся на землю, и держатъ въ рукахъ по гибкой палки. Одинъ изъ нихъ сгибаетъ палку, и пускаетъ ее по землѣ: она дѣлаетъ колесообразные прижки, и чѣмъ далѣе, тѣмъ похвальнѣе для игрока: въ этомъ обнаруживается особая ловкость и сноровка. Другой игрокъ такъ же пускаетъ свою палку, и оба продолжаютъ испытывать ловкость другъ у друга.

Цурка. Малороссійская игра. Цуркою называется небольшая, заостренная съ обѣихъ сторонъ палочка. Одинъ изъ игроковъ, положивъ ее на землю, бьетъ съ какаго нибудь края, особой палкою. Отъ искуснаго удара цурка летитъ вверхъ: тогда игроки не допускаютъ ее упасть на землю, — подхвачиваютъ на легу палкой и бьютъ вверхъ. Если случится, что она отъ удара залетитъ далеко, и противуположный игрокъ не успѣетъ подхватить своимъ ударомъ, то, съ того мѣста, откуда первый ударилъ, и до того мѣста, гдѣ она упала, отсчитывается шагами мѣстное раэстояніе, напримѣръ: 200, 300 шаговъ, и т. д.; и потомъ начинаетъ бить снова первый игрокъ, продолжая до перваго промаха. Если онъ въ продолженіи своей игры выигралъ, напр. 100 шаговъ, то его товарищъ долженъ отыграть ихъ. Во всякой игрѣ, весьма непріятно проигрывающемуся: его беретъ досада, и онъ старается всѣми силами отыграться. — И тутъ-то онъ проигрываетъ.

Въ цурку еще играютъ иначе. Начерчиваютъ кругъ,

который называется *городкомъ*; посрединѣ его вбиваютъ колышекъ, называемый *столбикомъ*. Потомъ конаются двое; каждый изъ нихъ имѣетъ свою половину игроковъ: одна половина становится подлѣ городка, а другая отправляется въ поле. Игроку подаютъ цурку, или какъ говорятъ *гилитъ* одинъ изъ числа полевыхъ: если первый промахнулся, то заступаетъ его мѣсто другой, изъ одной же половины; если всѣ промахнутся, то лишаются игры, и всѣ идутъ въ поле, а бывшіе въ полѣ, начинаютъ бить цурку.

Бьющій цурку старается ударить высоко и далеко; стоящіе въ полѣ, должны отбивать ее на лету въ городокъ. Стоящій въ городкѣ, долженъ отбить ее въ свою очередь, и такъ продолжаютъ отбивать ее другъ къ другу. Если находящіеся въ полѣ, не отобьютъ цурку на лету, то по крайней мѣрѣ надобно попасть ею въ столбъ. Стоящій въ городкѣ долженъ отбивать своей палкой, т: е: не допустить, чтобы цурка попала въ столбъ. Попавшій кто либо изъ полевыхъ, идетъ съ своей половиною въ городокъ, а тѣ, которые были въ городкѣ, идутъ въ поле. Но когда стоящій въ городкѣ, отобьетъ цурку, тогда мѣряютъ шагами отъ столба до упавшей цурки, и такое пространство шаговъ называется *кономъ*. — Сколько оказалось коновъ, столько разъ ѣздятъ городскіе на полевыхъ, отъ столба до цурки. Водитель горожанъ садится верхомъ на водителѣ полевыхъ; за нимъ ѣдутъ рядомъ горожане, на другихъ полевыхъ.

Эта игра употребляется и между Русскими. —

Малороссійская игра. На землѣ чертятъ крестъ, ко- Рай.
торый называется раемъ; вокругъ рая или противу рая, выкапиваютъ нѣсколько десятокъ ямочекъ; между раемъ и ямочками, дѣлаютъ большую яму, которая на-

зывается *пекломъ* (адомъ). Играющій беретъ въ руки ножъ, и взявшись за его остріе, бросаетъ въ землю, чтобы онъ воткнулся, и всякій разъ, какъ воткнется, онъ ставитъ въ ямочку прутикъ или палочку, и продолжаетъ пока не дастъ промаха. Эсли онъ попалъ 20 или 30 разъ, то другой игрокъ долженъ отыграть это число, и потомъ доходить до рая. Рѣдко случается, чтобы игроки доходили до рая. Первому игроку случается, но второму предстоитъ много трудностей, потому что ему надобно отыграть первыя ямочки. Когда вторый игрокъ промахнется, тогда продолжаетъ играть первый, засчитывая первыя ямочки, и только онъ доходитъ до рая.

Тычка. Игра въ рай, напоминаетъ намъ игру ножемъ въ тычку, отъ коей выдумана смерть Царевича Дмитрія, но который умеръ, безъ сомнѣнія, отъ рукъ злодѣевъ: Осипа Волохова, Данiила Битяговскаго и Никиты Качалова. Взявшись за конецъ острія ножа, игрокъ бросаетъ его на землю, чтобы онъ воткнулся въ нее. Кто больше втычетъ остріемъ, тотъ считаетъ на другомъ игрокѣ свои выигрыши; другой же игрокъ долженъ отыгрываться. Игра передается всякій разъ послѣ промаховъ, и продолжаютъ играть до усталости, или откладываютъ отыгрышъ до слѣдующаго раза. —

Исчисленныя здѣсь игры, какъ то: скрагли. скяпъ, скопердинъ, цурка, кегли, рай и тычка, будучи весьма полезными занятіями для тѣла, замѣняютъ гимнастическія упражненія.

Чекарда. Самое названіе чекарда, есть татарское, и игра эта перешла къ намъ отъ Татаръ, во время порабощенія нашего.—Игроки раздѣляются на двѣ половины; избранные отъ двухъ половинъ, конаются между собою. Половина, которой *досталось по кананью повѣренаго* (такъ выражаются), становится къ стѣнѣ и одинъ изъ игроковъ упи-

рается объ стѣну своей головою; позади его становится другой, въ такомъ же положеніи какъ первый, исключая того, что онъ держитъ голову подъ мышкою перваго, для продохраненія ея отъ ушибу во время игры; за нимъ становится третій точно также, а потомъ и всѣ остальные. — Составляющіе другую половину, пригаютъ одинъ за другимъ на нагнувшихся, и садятся верхомъ,—ни за что и ни за кого не держась. Вспрыгнувшій послѣдній, ударяетъ три раза въ ладони и кричитъ: *чекарда, ярда*! Если изъ вспрыгнувшихъ никто не упадетъ, и потомъ изъ соскочившихъ тоже никто не упадетъ; то продолжаютъ вспрыгивать и соскакивать до тѣхъ поръ, пока кто не промахнется. Тутъ много зависитъ отъ ловкости вскакивать и соскакивать, а потому первая половина замучивается второю. Кто промахнется изъ нихъ, тогда теряется игра, и первая половина начинаетъ такъ же ѣздить на нихъ, какъ вторая. Эта игра доводитъ иногда до крайности: отъ вскакиваній и соскакиваній, насаживаютъ спину и бока, отъ чего долго не могутъ разогнуть ихъ.

Городки

Становятъ попарно бабки или пыжи, въ видѣ шести-угольника,—это значитъ городить; въ срединѣ его три гнѣзда, которыя называются сердцевина или средовина. Бабочный городокъ бьютъ свинцовымъ, или чугуннымъ биткомъ. Если кто собьетъ городокъ, тотъ похваляется предъ всѣми, а если дотронитъ средовину, то плотитъ шестерней, (по шести бабокъ).—Если, по разбитіи городка, остается невредимою сердцевина, то остается въ пользу домосѣдовъ,—т. е. такихъ, которые при бросаніи жребія биткомъ сдѣлали ничку,—битокъ, но только тотъ, который упалъ на лѣвой бокъ. Одна плоцка и жигъ, даютъ право на игру. Плоцка значитъ, когда битокъ падаетъ правой стороною, а жигъ, когда спинкой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи, и даже въ

сѣверной ея полосѣ, городкомъ называютъ иногда самой пыжъ. — Есть еще особая игра въ городки, употребляемая въ смоленской губерніи.

Втыкаютъ въ землю не большую сучковатую палочку. Каждому сучку, отъ низа до верху, даютъ названіе городковъ, селеній и деревень. Первому сучку всегда даютъ имя той деревни, гдѣ играютъ. Употребительнѣйшія названія, это: королево, Тушино, постоялый дворъ, кабакъ. Москвою называютъ самой верхній сучекъ, а подлѣ каждаго постоялаго двора, назначаютъ кабакъ. Послѣ приготовляютъ для себя по деревянному крючку, а одну палочку разрѣзываютъ пополамъ, которую метаютъ потомъ по жребію. Если двѣ половинки палочки, упадутъ на землю двумя плоскими боками, то играющій вѣшаетъ крючекъ на первомъ сучкѣ; если онѣ снова лягутъ тѣми же боками, то крючекъ перевѣшивается сучкомъ выше. Если лягутъ: одна плоскою а другая круглою, или обѣ круглыми сторонами; то крючекъ остается на прежнемъ мѣстѣ, и палочки бросаетъ уже слѣдующій. Такимъ образомъ играющіе, перевѣшивая свои крючки съ сучка на сучокъ, доходятъ до Москвы, и потомъ возвращаются домой, т. е. переходятъ къ первому сучку снизу. — Когда возвращающійся изъ Москвы, встрѣтится съ ѣдущимъ туда, то онъ даетъ ему дорогу, отдвигаясь отъ него сучкомъ ниже; когда ѣдущій въ Москву догонитъ другаго, туда же ѣдущаго, тогда онъ постороняется отъ него не много,—перевѣшиваетъ свой крючекъ ближе къ Москвѣ. Кто прежде другихъ съѣздитъ въ Москву и возвратится домой, тотъ дѣлается царемъ-побѣдителемъ, который наказываетъ отставшихъ щелчками въ ладонь или въ лобъ. Счетъ щелчковъ начинается отъ того сучка, на коемъ остановился каждый, при возвращеніи побѣдителя домой.—

Послѣ наказанія, возобновляется игра; начинаетъ ее побѣдитель-царь, за нимъ тотъ, кто отсталъ менѣе, и т. д.

Эти городки выражаютъ то смутное состояніе Россіи, когда при удѣльной системѣ искатели московскаго престола, спѣшили въ Москву, объявляли себя властителями и торжествовали надъ своими соперниками, а эти соперники ниспровергали въ свою очередь первыхъ самовластителей. — Игра въ эти городки вошла въ употребленіе, нѣтъ сомнѣній, по успокоеніи отечества нашего отъ волненій, должно думать не ранѣе половины XVII вѣка.

Крегли. Тонкіе и круглые столбики, вышиною не болѣе въ четыре вершка, называются креглями. Для игры начерчиваютъ два четыреугольника, въ разстояніи другъ отъ друга на пятьнадцать или двадцать шаговъ; между ними выкапываютъ не большую ямку, называемую *масло*. По линіямъ четыреугольниковъ, ставятъ изъ креглей города, а именно: одну креглю кладутъ вдоль черты, на верху той крегли три: двѣ рядомъ а третью сверху; съ одного конца ставятъ пятую, и это называется построеніе города. Играющіе дѣлятся на двѣ половины: первой половины игрокъ бьетъ палкою въ городъ противниковъ, и если онъ выбьетъ изъ черты нѣсколько креглей, или хотя одну; то онъ переходитъ съ своей половиною на *масло*, и уже бьетъ оттуда остальныя крегли. Бываетъ, что вся половина перебьетъ, а на масло никто не переходитъ, потому что ни кто не выбилъ изъ города крегли. Но когда тронутъ городъ изъ своего мѣста, то играющіе идутъ осматривать его: нѣтъ ли въ немъ лежащихъ на чертѣ креглей. Если онѣ повалились внутри черты, то называются *лежнями*. Та половина, которая выбьетъ городъ послѣ, ищетъ противниковъ отъ одного города къ другому, только одинъ разъ, а потому первая но-

ловина снова начинаетъ игру.—Во время игры появляются особые охотники, называемые *козлами*. Это тѣ изъ нихъ, которые не пристаютъ ни къ той, ни къ другой стороны, и бьютъ попеременно за нихъ, приходя къ нимъ на помощъ.—Это тоже, что наемщики, у коихъ честь тамъ, гдѣ даютъ больше денегъ.

Выраженіе креглей, есть нападеніе непріятелей на городъ, который отнимаютъ попеременно, другъ у друга, и въ это время появляются охотники и переметчики со всѣхъ сторонъ, получающіе за свои услуги золото.

Буй. Буй по своей особенности, весьма примѣчательная игра. Она ведется въ Ярославлѣ, съ незапамятныхъ временъ. Подобной забавы нигдѣ не встрѣчается въ Россіи, кромѣ ближайшихъ къ Ярославлю городовъ: Романа, Борисоглѣбска и Рыбинска, и въ эти мѣста вѣроятно перешла изъ Ярославля.

Эта игра имѣетъ по нынѣ многихъ охотниковъ, изъ мѣщанства и купечества. Лѣтомъ, въ воскресный или праздничный день послѣ обѣда (въ среднемъ сословіи обѣдаютъ въ Ярославлѣ въ первомъ часу по полудни) играющіе буемъ являются на мѣсто игры, около трехъ часовъ по полудни, въ разныхъ мѣстахъ за городомъ, но большею частію на обширномъ лугу, за романо-борисоглѣбской заставою. Охотниковъ собираются отъ 50—100 человѣкъ. Они раздѣляются на двѣ половины поровну, на городскихъ и зарѣцкихъ; потомъ кидаютъ жребій, которой половины *чкать* (бить) и которой *водить*. Но чтобы вѣрнѣе дать понятіе объ этой игрѣ, надобно сказать о принадлежащихъ къ ней вещахъ: *сучкѣ*, *коровкѣ* и *палкѣ*. — Сучка деревянная четвероугольная плаха, толщиною вершковъ шесть, длиною отъ пяти до шести четвертей: она сдѣлана изъ бакаута или другаго тяжеловѣснаго и твердаго дерева.

Въ четверти аршина отъ одного конца, находится не большой покатый пригорбокъ, вышиною въ дюймъ.—*Коровкой* называется вещъ, сдѣланная изъ слоноваго зуба, величиною съ голубиное яйцо или нѣсколько болѣе, вѣсомъ отъ 8 — 10 золотниковъ. *Палки* кленовыя, толщиною въ полтора вершка, длиной отъ 4—5 четвертей. Эти вещи употребляются слѣдующимъ образомъ: кладутъ сучекъ на землю, и къ находящемуся на ономъ пригорбку, ставятъ *коровку*; одинъ изъ игроковъ беретъ палку, и отступивъ нѣсколько шаговъ, бросаетъ съ разбѣгу палку на сучекъ: она бьетъ по коровкѣ и прижимаетъ ее къ пригорбку, отъ чего *коровка* съ визгомъ летитъ къ верху, и описывая полукругъ, падаетъ за 50, а иногда за 100 саженъ отъ сучка. Разстояніе зависитъ отъ силы и вѣрности удара, и умѣнья игрока.—Правила игры и употребляемые при оной термины, слѣдующіе: когда вынутъ жребій, которой половины чкать и которой водить, тогда первая остается у сучка, и попеременно чкаетъ коровку, а другая половина идетъ въ поле водить,—ловить и подавать улетающую туда коровку. Для этаго становятся въ разныхъ мѣстахъ, чтобы удобнѣе поймать и скорѣе перебросить коровку къ сучку, ибо отъ проворства ловящихъ и отъ чкающихъ, зависитъ ихъ освобожденіе. Нѣкоторые изъ водящихъ, особливо, стоящіе на мѣстахъ, куда болѣе улетаетъ коровка, имѣютъ на лѣвой рукѣ рукавицу, чтобы во время ловленія коровки, было не больно рукѣ. Если которые изъ чкающихъ, сдѣлаютъ промахъ или чкнутъ ближе мѣты, называемой *вышлой*, или и за *вышлую*, но не успѣютъ поднять и принесть палку къ сучку (при хорошемъ ударѣ палка ложится далеко отъ сучка, а при слабомъ не улетаетъ далеко), а между тѣмъ находящіеся въ полѣ успѣютъ перебросить чкнутую ими коровку къ сучку; то

промахнувшіеся не имѣютъ права болѣе чкать, а должны за всѣ эти промахи, вмѣсто наказанія, сходить въ поле до *бѣглы*, такъ называемой мѣры въ 50 саженъ отъ сучка, и оттуда, во время хорошаго удара, пока не перекинутъ изъ поля коровку, прибѣжать къ сучку. Если кто не успѣетъ прибѣжать, и коровка будетъ переброшена прежде, въ такомъ случаѣ всѣ чкающіе лишаются права чкать, и идутъ въ поле водить, а водящіе приходятъ чкать на ихъ мѣсто. Случается, что всѣ чкающіе *засядутъ*, т. е. надѣлаютъ промахи: тогда они отправляются въ поле для бѣганья, а остается для выкупа ихъ одинъ, всегда лучшій игрокъ. Если онъ сдѣлаетъ промахъ, или вычкаетъ за *вышлую* или хотя чкаетъ и далеко, но не успѣютъ до подачи коровки, обратно прибѣжать засѣвшіе отъ бѣглой къ сучку, или же сдѣлаетъ *зачклую*, т. е. чкнетъ въ сторону, куда такъ же чкать запрешено (съ обѣихъ сторонъ сдѣланы мѣты); то за всѣ эти упущенія чкающіе должны итти водить, а водящій чкать до подобнаго же случая. Любопытно смотрѣть, когда засѣвшихъ или бѣгальщиковъ накопится человѣкъ 50 или болѣе,—какъ они побѣгутъ при хорошемъ ударѣ, что есть духу, изъ поля отъ бѣглой и обратно къ сучку. Игроки для легкости скидаютъ съ себя сюртуки, или другое верхнее платье, и сапоги. Если которые изъ нихъ не могутъ скоро бѣгать, то въ такомъ случаѣ просятъ кого нибудь изъ игроковъ сбѣгать за себя. Это допускается тогда, когда онъ не имѣетъ за собой подобной обязанности. Между тѣмъ водящіе, съ необыкновенной скоростію и искуствомъ, ловятъ коровку на лету, перебрасываютъ ее другъ къ другу, и всѣми силами стараются, какъ можно скорѣе докинуть ее до сучка, и тѣмъ освободиться отъ непріятной и тяжелой должности водящихъ, т. е. подаваль-

щиковъ. Въ избѣжаніе споровъ, кто прежде достигнетъ черты, водящіе оставляютъ у сучка изъ своей половины свидѣтеля, называемаго *забуйщикомъ*, для надзора за справедливостію чкающихъ и полетами коровки.

Эта игра принадлежитъ къ гимнастическимъ занятіямъ: въ нее играютъ возмужалые, женатые и пожилые. Играютъ и дѣти, но только особо и въ маломъ размѣрѣ.

Это игра собственно денежная, принадлежитъ къ запрещенымъ и называется въ иныхъ мѣстахъ *орелъ* и *орликъ*. По праздничнымъ днямъ, собравшись рабочій и ремесленный народъ на улицу, бросаетъ вверхъ грошъ или пятакъ. Если онъ падаетъ орломъ, то его выигрышъ; если противною стороной, — проигрышъ. Эта игра доводитъ многихъ до разоренія, и очень часто проигрываютъ свою одежду. Проигрывающіеся выходятъ изъ себя: заводятъ ссоры, драки и буйства. Пристѣнокъ.

Есть еще игра въ пристѣнокъ, другаго рода. Она состоитъ въ томъ, что становятся нѣсколько въ одинъ рядъ, около стѣны; раздѣляются на двѣ половины, изъ коихъ одна старается выжать другую, и доходитъ до того, что такъ сильно сжимаютъ среднихъ, что тѣ кричатъ не своимъ голосомъ. — Ихъ давятъ, и одно спасеніе, когда успѣютъ выскочить изъ средины. Въ этой забавѣ принимаютъ участіе и рѣзвыя дѣвушки, только въ своемъ кругѣ; если же вмѣшаются въ ихъ кругъ мущины, то происходятъ большія, со стороны молодежи, шалости.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доселѣ пристрастны къ орлянкѣ. Мечутъ мѣдную монету вверхъ и угадываютъ, которой она упадетъ стороной: орломъ ли, оборотной ли стороною, или плашмя? Угадавшій выигрываетъ прозакладенныя деньги, или другія какія либо вещи, кото- Орлянка.

рыя состоятъ, по большой части, изъ оладьевъ, пироговъ и голубей. Послѣднимми болѣе всего играютъ въ Калугѣ. Тамъ, во время торга, собираются толпы людей и прозакладываютъ голубей, лучшей породы, какъ то: турмановъ, мохноногихъ и бухарскихъ. Есть тамъ сословія, которыя занимаются только разведеніемъ голубей.

Кости или зерна.

Игра въ кости или зерна, была въ большомъ употребленіи у Грековъ и Римлянъ. Неизвѣстно, въ которое время она перешла къ намъ, и составила азартную игру, отъ коей разорялись цѣлыя семейства. Кости дѣлались продолговатыми, ихъ бросали вверхъ и если упадали бѣлой стороною, то означали проигрышъ (*). — Эта игра преслѣдовалась взысканіемъ денежной пени. Царь Михаилъ Оедоровичъ опредѣлилъ взыскивать, съ играющихъ въ зерны, по 2 рубля (**). Въ царствованіе Алексѣя Михайловича и всѣхъ нашихъ Государей, строго запрещалось играть въ кости. Въ наше время она почти вышла изъ употребленія, покрайнѣй мѣрѣ къ ней уже не пристрастны. Если играютъ, то по деревнямъ и не большимъ городамъ, и большей частію не на деньги (***).

Пристѣнокъ, называющійся иначе орелъ или орликъ, кости или зерна и орлянка, выражаютъ желаніе при-

---

(*) Turbeville: Certaine letters in verse, etc. пом. въ собран. Гакл. т. 1. с. 436. ed. 1807.

(**) Писцовыя книги: да съ зерновые игры у чердыньцевъ у Сеньки Зеленого съ товарищи, оброку два рубли.

(***) Игры въ зерны и вообще всѣ азартныя игры, свойственныя необразованнымъ народамъ, были во всеобщемъ употребленіи между американцами. Robertson. Hist. of America, кн. 4. с. 128. изд. 1828 г.

были: на удачу, на счастіе, а не умомъ и благородными трудами.

Зерна есть собственно азіатская игра: она была извѣстна Аравитянамъ, оттуда перешла въ Персію, а оттуда въ кипчакскую орду, которая, передавъ намъ нѣкоторые свои обычаи и одежды, ознакомила насъ съ этой игрою. — При изслѣдованіи Сарая (*), были находимы мною зерна или кости, съ отмѣткою на нихъ очковъ, черной краскою.

Перетягиваніе веревкою.

Берутъ длинную веревку и подаютъ охотникамъ, къ коимъ немедленно пристаютъ другіе. Одна половина перетягиваетъ другую, и кто кого перетянетъ, того взяла. Случается, что натянутая веревка рвется, и тогда вся половина, которая не устояла на ногахъ, падаетъ другъ на друга; съ противной стороны происходитъ смѣхъ и радость, къ досадѣ упавшей.

При перетягиваніи упираются ногами объ землю, какъ можно крѣпче, но никакъ не позволяютъ хвататься ни за стѣну, ни за столбъ, и т. п.

Гусёкъ

Имъ забавляются во всякое время, не одни молодые, но и пожилые. Для этой игры покупаютъ нарочно сдѣланную доску, съ проведенною на ней двойною извилистой чертою. По обѣимъ сторонамъ черты, нарисованы въ кружкахъ: гуси, постоялый дворъ, темница, кружало и числа.—Предъ игрой бросаютъ кости, и кому достается ихъ больше, тому ходить впередъ. Кто успѣетъ поставить впередъ шашку на гуська, тотъ имѣетъ право ходить впередъ и назадъ. Прочіе игроки, съ

(*) Его остатки находятся на лѣвомъ берегу рѣки Ахтубы, нынѣ на этомъ мѣстѣ уѣздный городъ Царевъ, саратовской губерніи.

меньшимъ числомъ очковъ, могутъ только ходить впередъ и заходить на постоялый дворъ. Тутъ плотятъ за постой, смотря по условію игры; кто зайдетъ въ темницу, тотъ лишается игры. Выгришъ остается всегда на той сторонѣ, кто дойдетъ до послѣдняго знака.

Игра въ гусекъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ шахматною.

Шахматы. Эта игра извѣстна съ самыхъ древнихъ временъ, и должно думать, что она перешла къ намъ отъ Татаръ, кои безъ сомнѣнія переняли ее отъ восточныхъ жителей, ибо она есть собственно восточная игра. При изслѣдованіи мною Сарая, я находилъ шахматныя шашки изъ пальмоваго дерева.

Другіе полагаютъ, что игра въ шахматы есть персидская, потому только, что она въ Персіи въ большомъ употребленіи. — Иностранцы говорятъ, что нашъ народъ проводилъ досужное время въ этой игрѣ, и она была столь любимою, что отъ простолюдина до Царя, занимались ею безъ исключенія, — обнаруживая въ ней всю изворотливость своего ума (*). Сидѣльцы и купцы, не только играли дома, но въ своихъ лавкахъ, на рынкахъ и площадяхъ. По праздникамъ и будннмъ днямъ, всѣ почти были заняты шахматной игрою.

При воспитаніи великокняжескихъ дѣтей учили, между прочимъ, шахматной игрѣ, безъ сомнѣнія по той причинѣ, что она изощряла умственныя способности. Царь Іоаннъ IV, будучи уже предъ смертію, спросилъ

(*) In comessationibus non tantum rubri chartaeca symbola regis lubenter tractant sed et ludo tesserario gaudent. Summa autem solertia praelia latronum ludunt. Ut gemini inter se reges albusquo nigerque pro laudi oppositi certent bicoloribus armis. Melet. de Russor. relig. et ritib. ed. 1581 r., in 4.

шахматную доску и готовился играть съ любимцемъ своимъ княземъ Бѣльскимъ: сидя на постелѣ. онъ самъ разставлялъ шашки, и вдругъ закрылъ глаза на вѣки. —

Шашки.

Въ шашки играютъ на такой точно доскѣ, какъ въ шахматы, съ тою разницею, что шашки не требуютъ большей хитрости, но навыка; шахматы же требуютъ очень хорошаго соображенія, тонкости, ловкости и изворотливости ума.

Изъ шахматной игры образовалась игра въ шашки; послѣднею занимаются нынѣ гораздо болѣе, нежели первою. Нѣтъ мѣста по городамъ, гдѣ бы не увидѣли шашекъ. Особенно она сдѣлалась любимою купцевъ, которые, сидя въ гостинномъ дворѣ, проводятъ цѣлый день въ этой забавѣ. Замѣчательно, что обѣ упомянутыя игры, составляютъ одно препровожденіе времени, отнюдь не играютъ на деньги. — Въ шашки играютъ: идя въ дамки, въ поддавки и въ волки. Въ первомъ случаѣ стараются или перебить всѣ шашки, или запереть ихъ, во второмъ поддавать всѣ свои шашки, чтобы противникъ перебилъ ихъ; въ третьемъ: двѣ шашки. называющіяся волками, ходятъ во всѣ стороны, впередъ и назадъ, и бьютъ овецъ, — противуположныя имъ шашки. Но все искуство состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы овцы загнали волковъ, не дали имъ ходу, и съ тѣмъ вмѣстѣ не допустили бы волковъ рѣзать овецъ.

Многіе иностранцы пишутъ, что шашки были любимымъ занятіемъ нашихъ предковъ, въ самое еще древнее время. (*)

Ломка.

Нѣсколько парней, сговорившись между собою, от-

(*) Herb. Rer. Moscov. com.; Turbev. Certaine let. in verse, written by Turbeville aut of Moskovia to friends of his. пом. въ собр. Гакл. т. 1 с. 436. ed. 1809 г.

пряниковъ. правляются къ прянишнику, — это бываетъ въ большіе праздники, — и тамъ ломаютъ или бьютъ пряники пальцами, смотря потому, какой между ними уговоръ: ломать на пять частей, или болѣе? Это выражается у нихъ: хочешъ ли на пять? Даешъ на пять? Тогда охотникъ, взявъ за уголъ прянника двумя пальцами, бьетъ его объ скамью или объ что нибудь другое; но чтобы онъ разлетѣлся именно на столько частей, на сколько было условлено. Разлетѣвшіяся части собираютъ и складываютъ изъ нихъ весь прянникъ, чтобы осмотрѣть: не было ли въ немъ скважины? Если найдется скважина, то ломавшій проигрываетъ; если же разбитые кусочики, согласны условіямъ, то ломавшій беретъ себѣ прянникъ, а одинъ кусочекъ даетъ *покушать* проигравшему. — Игра возобновляется и продолжается по согласію. — Въ этой игрѣ обнаруживается сила и искуство. и есть чистая русская.

Борьба. Искусные борцы берутъ не силой, а ловкостію: противникъ старается схватить своего противника такъ, чтобы онъ потерялъ равновѣсіе, — тогда смѣло можетъ повалить или бросить его на землю, какъ игрушку.— Искусившіеся въ борьбѣ, часто ломаютъ другъ друга до изнеможенія, по нѣсколько часовъ, и потомъ расходятся. Ожесточенные же схватываются, жмутъ такъ крѣпко, что кажется слышешъ, какъ хрустятъ кости, или душатъ, пока не упадутъ оба. Проворный вскакиваетъ, бросается на лежачаго и указываетъ на него съ торжествующимъ видомъ, но паденіе противника не считается за побѣду. Она тогда только признается, когда кто изъ двухъ поборетъ безъ лукавства и хитрости,— потому что нѣкоторые изъ нихъ подставляютъ ногу и сбиваютъ. Надобно, говорятъ искусные въ борбѣ, побороть ловкостію.

Эта игра была любимою у древнихъ Грековъ. Въ ней особенно отличались на олимпійскихъ играхъ; побѣдителей украшали лавровыми вѣнками.

Это древняя забава, нашихъ русскихъ удальцовъ. Итти на кулачный бой, это значило потѣшиться или провесть праздникъ въ полномъ разгулѣ, и это составляло особый родъ военнаго упражненія, которое пріучало молодыхъ людей къ смертоносной битвѣ. Кулачный бой.

Восточные народы вели самыя битвы рукопашнымъ боемъ: крѣпкій кулакъ защищалъ его такъ же хорошо, какъ оружіе, которое состояло, по обыкновенію древнихъ, изъ короткихъ желѣзныхъ мечей, копьевъ и вооруженныхъ слоновъ. По улучшеніи ручнаго оружія и изобрѣтеніи огнестрѣльнаго, все измѣнилось. — Битвы сдѣлались наукою, а воины исполнителями предначертаній полководца.

Кулачная потѣха на Русси, извѣстна современъ ея самобытности. Лѣтописцы наши говорятъ объ ней, еще въ нач. XIII в., съ какою-то восторженностію. В. К. кіевскій, Мстиславъ III, и князь псковскій, Владиміръ, ободряя предъ битвою своихъ союзниковъ: Новгородцевъ и Смоленцевъ, къ храброму отраженію В. К. Юрія Всеволодовича, представили имъ на волю: сразиться на коняхъ или пѣшими. Новгородцы отвѣчали: мы не хотимъ на коняхъ, но сразимся, по примѣру нашихъ предковъ, пѣшими и на кулакахъ. — Въ послѣдствіи времени кулачный бой здѣлался забавою нашего народа.

Кулачные бои производились одинъ на одинъ, стѣна на стѣну или свалкою. — Употребительнѣе изъ нихъ одинъ на одинъ. Бои начинались съ зимняго Николы, и продолжались до сборнаго воскресенія. — Въ праздничные дни сходилися мальчишки и взрослые за городомъ на обширномъ мѣстѣ, или на городской

площадѣ, или на покрытую льдомъ рѣку: тамъ подавали знакъ свистомъ, чтобы собирались сюда охотники—бойцы. Городскіе бойцы, всегда брали верхъ надъ деревенскими. Прославленнымъ бойцамъ вмѣнялось въ честь пить водку, считалось за бесчестье брать подарки, которыми ихъ сманивали на свою сторону и этимъ терялась ихъ слава. Когда стѣна билась на стѣну, тогда боецъ пряталъ въ рукавицахъ чугунныя бабки или камни. Дѣти зачинали бой. — Записные бойцы стояли въ отдаленности, наблюдая за бьющимися; каждая изъ противныхъ сторонъ, уговаривала отличныхъ бойцевъ перейти на ихъ сторону, обѣщая имъ большіе подарки и вина до упою. Когда стѣна гнала стѣну, тогда молодецъ—боецъ, или надёжа—боецъ, засучивъ рукава и сжавъ съ крежетомъ зубовъ оба кулака, летѣлъ бѣшеннымъ звѣремъ, съ распущенными волосами, и наносилъ страшные удары. При общей свалки уже дѣйствовали не однѣ руки, но ноги и колѣна; били безжалостно своихъ противниковъ: въ животъ, въ грудь и лице; но лежачаго не били, отъ того вошло въ поговорку: лежачаго не бьютъ. Кто болѣе другихъ удерживался на мѣстѣ и болѣе переносилъ удары тотъ пріобрѣталъ уваженіе, и превозносился даже его недругами. По пробитіи стѣны, оставались на мѣстѣ одни бойцы—молодцы. Ихъ битва была ужасная. Одни изъ нихъ схвачивались, ломали другъ друга, били въ лице, — кровь лилась,—и въ разъяренномъ неистовствѣ вцѣплялись за волосы, били подъ лехкія и оба падали полумертвыми. Другіе бѣжали на выручку товарищей, нападали на надёжу—бойца, который стоялъ уже блѣдный, какъ смерть. Онъ не сдавался, переносилъ жестокіе побои, и вдругъ, уловивъ счастливую минуту, ударялъ: одного подъ глаза, другаго въ високъ, и оба протягивались со стономъ у ногъ его. Надёжа—

боецъ сопровождался всеобщимъ радостнымъ крикомъ: наша взяла! Но если онъ былъ не въ состояніи перенесть ударовъ, то одно его спасеніе, чтобы сохранить свою жизнь, надобно было упасть на землю, лежачаго не бьютъ, но такой оставался въ поруганіи. Очень часто случалось, что многихъ находили на мѣстѣ убитыми, или совершенно изувѣченными. По окончаніи боя, поклоники вели своего богатыря по улицѣ, при пѣніи громкихъ пѣсней и вводили его въ питейный домъ. —

Указами 1684 г. ноября 2, 1686 года марта 19 и другими, строго воспрещались кулачные бои. Было время, что наши бояре, тщеславясь своими бойцами, поили и кормили ихъ со своего стола; бились объ закладъ, и сводили ихъ для своей потѣхи. Было время, что старики, воспламеняя умы молодыхъ людей, несбыточными расказами объ удальствѣ бойцевъ, пробуждали въ нихъ страсть къ кулачному бою.

Въ Англіи обратилась наша молодецкая забава, въ искуственный боксъ. — Тамъ бьются самъ другъ, и по правиламъ. Разказываютъ, что нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ, гордясь своими бойцами, сводили ихъ въ Москвѣ съ боксерами. Достопочтенные лорды сами пріѣзжали сюда, и выставляли боксеровъ на дюжій кулакъ Русскаго, который, бывъ не знакомъ съ искуствомъ, такъ мѣтилъ удачно въ бока и лице, что часто, съ одного разу, повергалъ тщеславнаго бойца на землю. — Съ тѣхъ поръ боксеры перестали мѣряться съ бойцами. Изъ нашихъ бойцевъ славились казанскіе, калужскіе и тульскіе оружейники: *Алеша родимой*, *Терёша Кункинъ*, *Зубовы*, *Никита Долговъ и братья Походкины* — Тульскіе бойцы и нынѣ славятся, но каждое мѣсто имѣло своихъ удальцевъ. —

—

IV. ИГРЫ ОБОЕГО ПОЛА.

Ужище. Берутъ двое за концы веревку, которая называется ужищемъ, и вертятъ по воздуху. Игрокъ становится посрединѣ, и въ то время какъ вертятъ, онъ прыгаетъ съ большею ловкостію, чтобы его не задѣла веревка, которая, отъ сильнаго верченія, поражаетъ неловкаго по головѣ и ушамъ. Въ этой игрѣ одна оборотливость и проворство Русскаго. Скачки бываютъ столь ловкіе, что невольно приводятъ въ изумленіе. Эта игра совершенно сходствуетъ съ скачкою черезъ шнуръ.

Колючки. Въ скучные зимніе вечера, любовь играетъ повсюду. Дѣвушки и мущины забавляются ею подъ именемъ колючекъ, съ большимъ удовольствіемъ. Собравшись въ одно мѣсто, онѣ перешепчиваются сначала между собою, а потомъ мущины и дѣвушки идутъ прятаться, такъ требуетъ игра.—Дѣвушка или мущина, кому нѣтъ пары, садится гдѣ нибудь: въ углѣ или около стѣны; лице и глаза завязываютъ платкомъ. Въ это время все остальное прячется, а сидящій говоритъ: колю, колю, баба! не выколи глаза.—Пора ли? Если отвѣчаютъ нѣтъ, то онъ снова повторяетъ прежнія слова, и когда все попрячется и на его вопросъ отвѣчаютъ пора, тогда онъ начинаетъ отыскивать попрятовшихся, и первый пойманный смѣняетъ его, а всѣ попрятавшіеся сзываются. Иногда первый пойманный, помогаетъ ему отыскивать; отысканный на послѣди всѣхъ, долженъ колюкать.

Жгутъ. Садится въ кружокъ мужской и женской полъ; въ срединѣ кладутъ платокъ или шапку, и каждый изъ сидящихъ долженъ поднять ее, какъ можно скоро. Между тѣмъ сзади ихъ ходитъ одинъ съ жгутомъ,

плетенымъ изъ платка или чего либо другаго, и бьетъ того, кто дотрогивается до его жгута, говоря: кому разъ, кому два, а кому ничего. — Кто ничего не дѣлаетъ, тому кладутъ за его спиною жгутъ, а сосѣдъ немедленно хватаетъ и проучиваетъ его порядочно за бездѣйствіе, и потомъ бросаетъ жгутъ въ кружокъ. Въ это время ходившій съ жгутомъ, надѣваетъ на него шапку, и кого откликнутъ, тотъ дѣлается жгутовкою.

Играютъ еще иначе. Садятся въ кружокъ дѣвушки и парни, и передаютъ другъ другу жгутъ, плетеный изъ платка; одинъ ходитъ вокругъ передающихъ, старается его схватить или не допустить передать другому. Когда онъ не успѣетъ словить, тогда посторонніе бьютъ его своими жгутами, и немедленно передаютъ общій жгутъ. Словившій его, бьетъ оплошалаго, и тотъ выходитъ изъ круга. Игра продолжается до послѣдней ссоры, ибо надобно имѣть особое терпѣніе, чтобы переносить удары.

Нельзя опредѣлить въ точности этой игры. Иные, ловя другъ друга на бѣгу, стараются побить жгутомъ, и побитый изключается изъ игры, или онъ занимаетъ мѣсто жгутовщика, бѣгаетъ за другими, чтобы побить. Но если бѣгущіе не видятъ себѣ спасенія отъ жгутовщика, по причинѣ его быстроты, а ихъ усталости, то имъ позволяется, остановясь на бѣгу, сказать: чуръ меня! Всякій изъ нихъ, добѣжавшій до столба, дерева, зданія и т. п., долженъ ухватиться руками, плюнуть на землю, и если жгутовщикъ хотѣлъ бы ударить, то остановившемуся стоитъ только сказать: чуръ меня!—Если же ударитъ его, то онъ самъ подвергается побоямъ другихъ, тогда—горе ему! удары сыпятся на него.

Въ Малороссіи разыгриваютъ жгутъ, по большей

части, одни парни. Они садятся на землю въ тѣсный кружокъ, поднимаютъ колѣна и передаютъ изъ подъ колѣнъ жгутъ, другъ другу. Одинъ изъ парней, сидящій на ногахъ кого либо изъ играющихъ, ищетъ жгутъ. Передающіе изъ подъ колѣнъ, приговариваютъ: *шый, пошывай*, и обманувъ сидящаго на ногѣ, бьютъ его жгутомъ. Побитый бросается въ ту сторону, въ которой показался жгутъ; но его стараются передать изъ подъ колѣнъ, чтобы ищущій не замѣтилъ, у кого онъ. Если ищущій успѣетъ поймать жгутъ, то онъ бьетъ имъ виновнаго по спинѣ и садится на его мѣсто, а тотъ садится на ноги, кому либо изъ играющихъ, и игра продолжается по прежнему порядку.

Король [литовскій].

Игры между Литвинами: король, бружасъ и медвѣдь, сопровождаются постоянно ударами жгутовъ.

Въ игрѣ король берется четыре полѣна: съ одной стороны полосы бѣлыя, а съ другой черныя, и бросаются вверхъ. Когда упадутъ бѣлою стороной, тогда бросавшій ихъ дѣлается королемъ, и имѣетъ право осуждать играющихъ къ наказанію жгутовъ по рукамъ. Если три полѣна упадутъ бѣлою стороной, а четвертое черной, то бросившій ихъ дѣлается маршаломъ, съ правомъ исполнительной власти; двѣ бѣлыя и двѣ черныя стороны, означаютъ шляхтича, не подлежащаго никакому наказанію; три черныя, одна бѣлая означаютъ холопа, коего бьетъ маршалъ по приговору короля; всѣ четыре черныя стороны, означаютъ цыгана, и его подвергаютъ самымъ жестокимъ наказаніямъ.

Бружасъ

Въ бружасѣ двое съ завязанными глазами и жгутами въ рукахъ, становятся посреди избы на колѣнахъ, держась противуположно другъ къ другу, за ножки стула. Играющіе въ бружасъ кричатъ на нихъ: *бружайгулъ*! На ихъ голосъ они размахиваютъ жгуты,

и направляютъ удары на кричавшихъ, но большею частію попадаютъ другъ въ друга. Подавшій голосъ, прячется подъ стулъ или за стулъ, держась за ножку рукою. Если ударъ попадетъ въ крикнувшаго, то онъ дѣлается бружайгуломъ.

Медвѣдь

Одного изъ играющихъ запираютъ въ чуланъ, всѣ прочіе остаются въ избѣ, и назначаютъ медвѣдемъ кого либо изъ себя. Потомъ всякъ подходитъ по очереди къ дверямъ: стучится, царапаетъ и реветъ. Если запертый отгадаетъ по голосу, кто изъ нихъ медвѣдь, то онъ отворяетъ дверь, и оставляетъ его вмѣсто себя. Если отворитъ дверь не угадавши, то всѣ бьютъ его жгутами.

Драгунъ

Въ восточной Сибири употребляютъ по большей части тѣже самыя игры, какія въ Россіи; но драгунъ, любимая забава енисейскихъ жителей. Парни, называемые драгунами, садятся попарно съ дѣвушками и молодками въ кружокъ. Посединѣ ставятъ скамью, которую сторожитъ съ жгутомъ, бойкая дѣвушка или молодка. Осмотрѣвъ или обойдя сидящихъ, она подходитъ къ парню, который ей болѣе нравится, бьетъ его слегка жгутомъ и спрашиваетъ его: дома ли драгунъ? — Дома. — Веди же на смотръ своего коня. — Онъ беретъ за руку, избираемую имъ дѣвушку, и подводитъ къ скамьѣ. Она должна перескочить черезъ скамью; если задѣнетъ, то ее бьетъ жгутомъ, спрашивавшая драгуна; потомъ передаетъ ей жгутъ, а сама садится на ее мѣсто. Если перескочитъ не задѣвши, то парень цѣлуетъ ее въ щеку, и садится съ нею на прежнемъ мѣстѣ. Заупрямившаяся дѣвушка перепрыгнуть черезъ скамью, навлекаетъ побои на драгуна. Всѣ дѣвушки мгновенно скакиваютъ съ своихъ мѣстъ, бьютъ жгутами, приговаривая: за чемъ худо кормишь? Корми лучше, будетъ прыгать. Бѣдненькая

исхудала, вся высохла!—Драгунъ начинаетъ кормить свою лошадь поцѣлуями, пока она не перепрыгнетъ. Тогда она остается съ жгутомъ при скамьѣ, и забава продолжается, пока всѣ не перескакаютъ.

Эта игра обнаруживаетъ сладкіе поцѣлуи любовниковъ. Парень всегда выбираетъ ту дѣвушку, которую онъ любитъ; а дѣвушка нарочно упрямется скакать, пока онъ ее не разцѣлуетъ. Дѣвушки страстно любятъ поцѣлуи, думая, что въ нихъ истинная любовь; но любовь и дурачество, въ тѣсной дружбѣ.

Вѣнчикъ. Игра восточной Сибири. Это есть ничто иное, какъ фантъ. Дѣвушки и парни садятся въ кружокъ, и поютъ пѣсни, оканчивая каждый куплетъ приказомъ: похитить молодцу вѣнчикъ, примѣрно у Аннушки. Онъ подходитъ къ ней и проситъ вѣнчика (фанта); она отказывается дать; онъ прибѣгаетъ тогда къ поцѣлуямъ, и только послѣ нѣсколькихъ поцѣлуевъ, она отдаетъ ему залогъ, который онъ кладетъ въ общіе фанты. Такимъ образомъ продолжаютъ пѣть, пока не соберутъ отъ всѣхъ вѣнчики, кои разыгрываетъ уже дѣвушка, и она, за каждый вынятый вѣнчикъ, получаетъ въ награду поцѣлуй.—Она счастливая! говорятъ между собою шопотомъ, завистливыя подруги. — Вѣнчикъ выражаетъ легковѣрную любовь, забавляющуюся одними поцѣлуями, потому вѣнчикъ для кокетокъ, рай наслажденій. — Можно замѣтить, что жители енисейской губерніи, весьма любятъ поцѣлуи. Нѣтъ нужды, что они живутъ между снѣгами, а по всему видно, что они пламенные, — но ихъ пламень проходитъ скоро. У нихъ есть даже поцѣлуйная пляска, называемая шестирикомъ и осьмирикомъ. Становятся въ шесть или восемь паръ, разумѣется парни съ дѣвушками, и начинаютъ пѣть хоромъ любовныя пѣсни. Иногда скрипка или кларнетъ, сопровождаетъ имъ; они вертятся попарно,

останавливаются и потомъ цѣлуются. Потомъ снова начинаютъ вертѣться, или каждый мущина кружится съ своей дѣвушкою, при хорѣ пѣсенъ и звукѣ музыки, и протанцовавъ кругъ, останавливается съ нею на своемъ мѣстѣ, и цѣлуются. Иногда удалый молодецъ вертится съ двумя хорошенькими, и потомъ цѣлуетъ ихъ обѣихъ.

Посмѣяться отъ нечего дѣлать, вотъ основаніе этой забавы для скучныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ. Дергачъ, или какъ другіе называютъ деркачъ, по своему началу сходствуетъ во многомъ съ жмурками. — Дергачами называются игроки, потому что они дергаютъ за полы платья того, который ихъ ловитъ. Играющіе садятся охоло стѣнъ и смѣются надъ водыремъ, который ходитъ по комнатѣ съ завязанными глазами и ловитъ. Въ это время одинъ дергнетъ его за полу, другой стукнетъ ногою, третій крикнетъ, однимъ словомъ: каждый старается дать о себѣ знать и не дать себя уловить. Водырь неиначе можетъ схватить дергающаго, пока не узнаетъ его по голосу; узнанный, смѣняетъ его. — Водыру случается ходить до поту, отъ того что дергающіе измѣняютъ свои голоса. — Въ эту игру допускаются всѣ возрасты. Дергачъ.

Дергачъ употребляется въ Малороссіи иначе. Вколачиваютъ въ землю колышекъ и къ нему привязываютъ, на длинныхъ шнуркахъ, двухъ молодцевъ,— съ завязанными глазами. Одному даютъ въ руки крѣпко свитый жгутъ, а другому зарубленныя двѣ палочки, съ которыми онъ торчитъ, и называется дергачъ. Съ жгутомъ подкрадывается къ дергачу, ничего не видящій, и размахивается, чтобы ударить его, но свистъ раздается въ воздукѣ, а торчащій съ палочками, перебѣгаетъ на другое мѣсто. Жгутовщикъ преслѣдуетъ деркача, а онъ бѣгаетъ то въ ту, то въ другую сто-

рону. Смотрящіе на игру помираютъ со смѣху, кричатъ жгутовщику: лови его! бей его! вотъ здѣсь, вотъ онъ тамъ! Оба, съ завязанными глазами, иногда сходятся вмѣстѣ. Тогда поднимается хохотъ со всѣхъ сторонъ. Но для деркача это весьма не выгодно, ибо если жгутъ нападетъ на него, то бьетъ его безъ милосердія и сколько душѣ угодно. Деркачъ можетъ спастись отъ него, только своимъ бѣгствомъ; жгутъ вновь гонится за нимъ. Впрочемъ, съ побитіемъ перваго раза, прекращается игра и занимаютъ мѣсто новые охотники. Бываютъ хитрости съ обѣихъ сторонъ: тайно приподнимаютъ платокъ съ глазъ, чтобы высмотрѣть другъ друга, и тогда горе деркачу: сыплются удары отъ жгутовщика. Наблюдающіе за игрою, строго сохраняютъ справедливость: никого изъ нихъ не допускаютъ къ обманамъ. Если жгутъ это сдѣлаетъ, то его ставятъ вмѣсто деркача; а если деркачъ, то его осуждаютъ продолжать игру, до побитія двухъ разъ.

Эта игра выражаетъ крѣпость и проворство, и требуетъ рѣшительнаго терпѣнія въ перенесеніи побоевъ. Тотъ считается недостойнымъ забавы, кто будетъ жаловаться на нанесенные ему удары. Жалующагося исключаютъ изъ числа игроковъ, и даютъ прозваніе бабы, нѣженьки, баловня и матушкина сыночка.

Король [малороссійскій].

Нѣсколько дѣвушекъ дѣлаютъ кругъ, въ который ставятъ одну избранную изъ нихъ, съ именемъ короля. Каждая спрашиваетъ: король! король! что прикажешъ дѣлать?—У короля нѣтъ жены, отвѣчаетъ король. — Спрашивавшая должна цѣловать короля, но она не хочетъ, и громко говоритъ, чтобы слышали панычи (молодые дворяне): вотъ что вздумали. Цѣловаться паночкамъ между собою! Это похожо, что горшокъ, столкнется съ горшкомъ, а масла не будетъ. — Пан-

ночки засматриваютъ на панычей, и стараются заманить ихъ въ свою игру; панычи стоятъ, не идутъ; панночки продолжаютъ повторять, пока не пристанутъ къ нимъ панычи, которые, наскучивъ быть въ бездѣйствіи, подходятъ къ нимъ и просятъ принять ихъ, ради удовольствія. Раздвигается кружокъ; панычи становятся между ними или усаживаются, но всегда такимъ образомъ, что дѣвицы сидятъ по обѣимъ сторонамъ каждаго паныча. — Начинаютъ избирать двухъ королей, жребій постоянно падаетъ на красавцевъ. Одинъ изъ нихъ становится по срединѣ, а другой остается въ кружкѣ, составляемомъ дѣвушками. Проворная дѣвушка спрашиваетъ, стоящаго короля въ срединѣ: король! король! что прикажете дѣлать? Она краснѣетъ, зная наперед его отвѣтъ. Король отвѣчаетъ: короля шановать (уважать) и его, каждой панночкѣ, семь разъ цѣловать. — Вотъ что выдумали! кричатъ всѣ въ одинъ голосъ, этому не быть! Повѣрьте, король, этому не быть! — Онѣ сердятся, а внутренно довольны; щечки ихъ зарумяниваются отъ радости, — однако все кричатъ: не быть по вашему! Дѣвушки посматриваютъ другъ на друга, перешепчиваются и не знаютъ какъ начать. Нечего дѣлать! Каждая панночка подходитъ къ стоящему по срединѣ королю, цѣлуетъ его семь разъ, ни болѣе, ни менѣе, и возвращается на свое мѣсто. Стоящій съ дѣвушками король, приказываетъ, большею частію самой стыдливой: поцѣлуйте короля (*). Она вся горитъ, не смѣетъ смотрѣть; подруги хохочутъ и кричатъ ей: чтожъ вы думаете? Чего вы стоите? Вы боитесь! о,

(*) Иные прибавляютъ еще: «въ стыдливое мѣсто», — это означаетъ румянецъ на щекъ.

какъ вы закраснѣли! — Игривая дѣвушка беретъ на себя обязанность цѣловать румянецъ, говоря смутившейся: я за васъ поцѣлую!—Она подходитъ къ нему, цѣлуетъ въ обѣ зарумянившіяся щеки, и становится на свое мѣсто. Третья дѣвушка приказываетъ своей милой подругѣ, отмѣрять королю двадцать аршинъ лентъ. Она подходитъ къ нему, беретъ его за руки, поднимаетъ вверхъ и отмѣриваетъ означенное число аршинъ. При отмѣриваніи каждаго аршина, она цѣлуетъ его въ щеку. Совсѣхъ сторонъ поднимается смѣхъ; всѣ указываютъ на мѣряющую, которая устаетъ уже отъ поцѣлуевъ; ей кричатъ: мѣряйте! мѣряйте! Она устала, но всѣ требуютъ домѣрять. — Кончила, но вновь одна паночка приказываетъ собирать подать для короля. Король идетъ рука объ руку съ избранною имъ дѣвушкою, которая получаетъ тогда названіе королевы и собираетъ подать съ дѣвицъ. Король подходитъ по очередно къ дѣвушкѣ, каждая цѣлуетъ его, а онъ цѣлуетъ свою королеву, въ ознаменованіе вѣрно собираемой подати, которая, какъ бы складывается тогда въ носимую сумку. — Веселость разнообразится: панычи и паночки жартуютъ между собою (шутятъ), рѣзвятся, хохочутъ и бьютъ въ ладоши отъ радости. Но вдругъ раздается изъ круга простосердечный голосъ: не щипайте панычу!—И сосѣдка рѣзвая отдвигается отъ шалуна, который отвѣчаетъ безъ застѣнчивости: панночка моя! голубочка сизая! чего вы кричите? я не щиплю, а только щекочу. — Общій смѣхъ пробѣгаетъ по всему кругу; оборачиваются къ нимъ и хохочутъ. Панночка, желая поправить свою ошибку, говоритъ ему: прошу не щекотать, я боюсь щекотки.—Прочіе играющіе пересматриваются нѣжно, жмутъ руки украдкой и прижимаются, какъ бы не хотя, другъ къ другу. Невинныя шалости и рѣзвости,

увлекаютъ играющихъ, и невидимо летятъ между ними часы удовольствія. — Что выражаетъ эта игра? — Любовь, которая всегда волнуетъ молодость.

Взвѣшиваніе соли.

Двое изъ парней становятся плечами другъ къ другу, и переплетаются руками, такимъ образомъ, что когда одинъ нагнется головою къ землѣ, то въ то время другой поднимается навзничъ, вверхъ; потомъ выпрямляются оба. Тогда другой начинаетъ то же дѣйствіе, и продолжаютъ пока не устанутъ. Эта игра представляетъ вѣсы, на коихъ взвѣшиваютъ соль. — Она въ большемъ употребленіи на Литвѣ, и выражаетъ крѣпость, ловкость и силу. —

Кружокъ.

На ровномъ мѣстѣ становится нѣсколько мущинъ съ палками, и бьютъ ими деревянный кружокъ вверхъ. Кто выше ударитъ и чаще бьетъ, тотъ играетъ болѣе всѣхъ. — Это простая забава, но однако въ ней видны проворство и ловкость играющаго. — Она употребляется больше въ юго-западной Россіи, по деревнямъ.

Кончики.

Въ кончики играютъ четверо: двѣ дѣвицы и двое мущинъ. — Мущины, сложивъ вмѣстѣ концы карманнаго платка, подносятъ ихъ сидящимъ. Каждый выбираетъ любой для себя конецъ, и развертываетъ платокъ. Тѣ, коихъ прійдутся концы на крестъ, должны цѣловать другъ друга.

Эта игра, пробуждая страсти, развертываетъ чувство кроющейся любви, потому въ нее играютъ большей частію воздыхатели. — Кончики есть изобрѣтеніе влюбленныхъ, и неизвѣстно, чтобы они перенесены были изъ чужой земли.

Ланта.

Завязываютъ глаза одной какой либо дѣвушкѣ, и ставятъ ее въ средину круга. Завазанная, расхаживая въ кругу, должна отгадать у кого находится жгутъ. Если она укажетъ не на ту, которая имѣетъ его; то

держащая жгутъ, бьетъ ее по спинѣ и передаетъ другой. Когда завязанная отгадаетъ, или узнаетъ, у кого жгутъ, тогда имѣющей его завязываютъ глаза, и она начинаетъ отыскивать въ свою очередь жгутъ.

Эта игра выражаетъ слѣпую любовь, и потому она наказывается ударами за легкомысліе, исправляемое одной тяжкой опытностію. —

Столбики. Ими забавляются парни и дѣвушки, преимущественно на святкахъ. Выбравъ кого либо водить столбики, остальные становятся попарно, недалеко другъ отъ друга, и эти пары образуютъ столбики. Водящій ходитъ съ прутомъ около столбиковъ, и намѣревается стегнуть кого нибудь. Замѣтившіе это, особенно когда онъ вблизи ихъ, перемѣняются мѣстами. Если водящій успѣетъ стегнуть и занять мѣсто, то лишившійся его, обязанъ водить.

Коршунъ. Въ праздничный день, когда собираются у воротъ семейства, молодые всѣхъ возрастовъ скликиваютъ играть въ коршуна. Избраніе коршуна производится съ общаго согласія; но часто, кто посмѣлѣе и проворнѣе, тотъ дѣлается коршуномъ. Послѣ коршуна избираютъ насѣдку, которая должна быть умною и доброю, а всѣ прочіе составляютъ цыплятъ, — ея семейство. Мать — насѣдка выступаетъ длиннымъ рядомъ, съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ. Дѣти, побравшись за руки, ходятъ вокругъ коршуна и поютъ:

Вокругъ коршуна хожу,
По три денежки ношу:
По копѣечки,
По сопѣлочки.

Коршунъ роетъ землю, посматриваетъ на нихъ злобно, скрежещетъ зубами, машетъ крыльями и кричитъ

коршуномъ. Насѣдка подходитъ и говоритъ: коршунъ! Богъ помочь. — Коршунъ отвѣчаетъ: не слышу. — Дѣти опять ходятъ вокругъ его и поютъ тоже самое.— Потомъ, останавливается мать и говоритъ прежнее: коршунъ! Богъ помочъ. — Онъ отвѣчаетъ: спасибо. — Коршунъ, что ты дѣлаешъ? — Рою землю, да яму. — На что роешъ яму? — Денежку ищу. — На что денежку? — Иголку купить. — На что тебѣ иголку?— Мѣшечекъ сшить. — На что тебѣ мѣшечекъ? (*) Соли купить. — На что тебѣ соль? — Щи посолить — На что тебѣ посолить? — Одну половину самому съѣсть, а другою залить глаза твоимъ дѣтямъ. — За что? — Они мою городьбу разломали. — А какъ высока, была твоя городьба? — Коршунъ при этомъ вопросѣ, бросаетъ камень вверхъ, такъ высоко, какъ можетъ, и говоритъ: вотъ какъ! — Неправда! Твою городьбу и козелъ достанетъ бородой, а той они разломать не могутъ. — Они буяны, я ихъ перебью. — Они мои дѣти, я не допущу: ши, ши, коршунъ! — Она отгоняетъ дѣтей и грозитъ напасть на него. — Ши, ши! — Коршунъ бросается на дѣтей, (**) насѣдка не допускаетъ его до нихъ; дѣти бѣгаютъ около матери, укрываются за нею. Начинается бѣганье, шумъ, крикъ; коршунъ сбиваетъ съ ногъ насѣдку, хватаетъ дѣтей, и потомъ обращается на насѣдку: общипываетъ ей перья, кусаетъ и ругается надъ беззащитною матерью. — Такое состояніе беззащитнаго семейства, когда оно попадается въ руки злобнаго врага. — Есть

(*) Говорятъ еще: камешки класть — На что камешки? — Твоихъ дѣтей шуркать, буркать.

(**) Въ другихъ мѣстахъ, именно въ Саратовѣ, когда коршунъ ловитъ дѣтей, тогда кричитъ: икры хочу! — Насѣдка отвѣчаетъ: икра на базаръ.

примѣры, что въ злополучіи и родные идутъ противу родныхъ.

Въ коршуна играютъ повсюду одинаково, за исключеніемъ только вопросовъ, дѣлаемыхъ коршуну. Проворный мальчикъ избирается въ коршуны, а матерью бываетъ дѣвица, уже опытная и ловкая, которая въ другихъ мѣстахъ называется *матя*. Матерь стоитъ съ своими дѣтьми предъ коршуномъ, и спрашиваетъ его: коршунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь? — Ямочки копаю. — На что тебѣ ямочки? — Камешки сбирать — На что тебѣ камешки? — Твоихъ дѣтей въ лобъ щелкать. — За что, про что? — За то, что онѣ потоптали мою капусту въ огородѣ. — Да высока ли была изгородь? — Коршунъ вставъ, кидаетъ щепочку вверхъ: вотъ какая! — О, да черезъ твою изгородь перескочитъ лягушка, а не то что мои дѣти. — Обрадованныя дѣти отвѣтомъ матери, свиваются въ кружокъ, и выставя впередъ ножки, спрашиваютъ: которая была? которая была? — Коршунъ смотритъ на нихъ нѣсколько времени, и вдругъ бросается на крайняго. — Дѣти сбѣгаются къ матерѣ, которая, распростерши руки, летаетъ передъ коршуномъ, кричитъ: шугу! шугу! и защищаетъ ихъ. Борьба длится долго, но коршунъ успѣваетъ схватить дѣтеныша, кладетъ его возлѣ ямы и бѣжитъ за другимъ. Борьба снова, и она возобновляется до тѣхъ поръ, пока коршунъ не переловитъ всѣхъ дѣтенышей, и тѣмъ оканчивается игра.

Воронъ. Однѣ дѣвицы, а иногда вмѣстѣ съ парнями, играютъ въ ворона. Побравшись за руки, становятся въ рядъ попарно. По согласію или по жребію, выбирается изъ нихъ воронъ. Его ставятъ впереди себя на нѣсколько шаговъ, и запрещаютъ ему оглядываться. Задняя пара бѣжитъ впередъ врозь, одинъ по правую а другой по лѣвую руку ворона, и пробѣжавъ

его, стараются сбѣжаться вмѣстѣ; но воронъ бросается ловить, пока бѣгущіе не схватятся за руки. Пойманный ворономъ, становится съ нимъ въ передней парѣ, а оставшійся занимаетъ мѣсто ворона, и игра продолжается, пока не разыграютъ ее всѣ пары. — Эта игра употребляется въ Малороссіи, и она служитъ къ хорошему тѣлесному упражненію.

Собираются на зеленой лугъ взрослые обоего пола. Рѣдька. Молодые парни садятся въ одинъ рядъ; къ нимъ подходятъ дѣвушки и молоденькія женщины, и садятся также. — Впереди всѣхъ сидящій парень, называется бабушкою, а всѣ прочіе играютъ рѣдьку. Одинъ изъ парней дѣлается купцемъ, и приходитъ къ переднему покупать рѣдьку.—Бабушка! продай рѣдьку. — Изволь батюшка.—Купецъ смотритъ на дѣвушку, улыбается, и говоритъ: хороша рѣдька. — И хочетъ выдергнуть ее.—Парень не даетъ.—Батюшка! нельзя выдергнуть, дай касарикъ; я выкопаю ее съ корнемъ. — Что ты батюшка? срамишъ мою гряду! Тряхни, и вся выскочитъ съ корнемъ.—Онъ берется трясти парней: иного схватитъ за ноги, другаго за руки, третьяго за плечи и пр. Если удастся ему выдернуть кого либо изъ мѣста, и потрясти, означая этимъ, что онъ обиваетъ рѣдьку отъ земли, то всѣ встаютъ и гонютъ его побоями. Увернется отъ ихъ побоевъ.—хорошо; нѣтъ,—то достается порядкомъ.—Но женщины тутъ вступаются за него, отгоняютъ мущинъ и общимъ хохотомъ оканчивается забава. Надобно заранѣе приготовиться къ перенесенію ударовъ, иначе осмѣянный парень, не можетъ отъ стыда вступить вновь въ эту игру.

На все есть свое время, на все, и на любовь. Молодые, исполненные жизни и горячаго воображенія, спѣшатъ необдуманно въ объятія розоваго существа, не зная что подъ душистымъ кустарникомъ, часто

кроется змѣй-губитель. — Но молодость не вѣритъ опытности, старость не вѣритъ молодости, потому въ послѣдней проявляется ревность, которая очень хорошо выражена въ игрѣ рѣдька.

Веревочка. Веревочка старинная русская, свадебная игра. — Сваха приноситъ въ избу веревочку, — дружка или сватъ, скрѣпляетъ концы узломъ. Дѣвушки берутся за веревочку руками, и дѣлаютъ изъ себя кружокъ.— Сваха входитъ въ средину. Обойдя всѣхъ кругомъ, она привѣтствуетъ каждую приличными на сговоръ поговорками, или присказками, напримѣръ: пора дѣвушкѣ за мужъ, за старостина сына,—калина, малина моя! Къ другой: у старостина сына, прянички сладкіе, медъ сыченой, — калина, малина моя! Къ слѣдующей: кого люблю, тому скажу; потомъ къ слѣдующей: тебѣ скажу, моя душа красавица. Обратясь къ другой: не ломай руки бѣлыя, бери руку суженаго.— и обходя всѣхъ, говоритъ: одной то нѣтъ, одной то нѣтъ. Она ждетъ да пождетъ, друга милаго суженаго.— На ея привѣтствія всѣ улыбаются.

Въ послѣдствіи времени стали принимать въ эту игру молодыхъ парней, которые составляютъ вмѣстѣ съ дѣвушками одинъ кругъ. Тогда выбирается изъ пожилыхъ мущинъ сватъ, котораго называютъ круговымъ, и онъ, обходя всѣхъ кругомъ, приговариваетъ имъ разныя присловья, бьетъ невнимательныхъ по рукамъ. Невнимательный, сопровождаемый общимъ смѣхомъ, занимаетъ его мѣсто и продолжаетъ играть вмѣсто него, пока игра не прекратится добровольно. Въ такомъ случаѣ начинаютъ пѣть свадебныя пѣсни.

Яша. Осенняя забава, но она совершается иногда весною. Участіе въ ней принимаютъ тѣ только, которые избираютъ для себя или жениховъ или невѣстъ. Главное дѣйствующее лице, есть Яша. Румяный молодецъ са-

дится на лавку, или на землю; вокругъ его ходятъ парни, побравшись за руки съ красными дѣвушками, и говорятъ: сиди, сиди, Яша, въ ракитовомъ кустѣ; грызи, грызи, Яша, орѣховыя зерна. Лови себѣ Яша, кого тебѣ надо; лови дѣвку за русую косу, лови красную за алую ленту. — Родители смотрятъ на потѣху молодежи, и съ волненіемъ сердца обращаютъ свое вниманіе на Яшу. Хорошо, если онъ изберетъ ту, которая по ихъ мыслямъ. Яша, окинувъ глазами окружающихъ его, высматриваетъ красную дѣвушку,—но онѣ разбѣгаются отъ него во всѣ стороны. — Онъ не теряетъ бодрости, гонится за любимою и ловитъ. Надъ его выборомъ издѣваются, и приговариваютъ: выбралъ себѣ Яша, рябую кукушку; выбралъ себѣ Яша, черную кошку, черную кошку. — Послѣ него садится другой Яша, и точно также играетъ.

Кромѣ настоящаго удовольствія въ этой игрѣ, она изображаетъ сватовство молодыхъ, и рѣдко проходитъ, чтобы выбранная дѣвушка, не сдѣладась женой.

Рекрутскій наборъ.

Это забава не есть русская, но какъ она давно усвоилась у насъ,—то и составляетъ нашу собственность. Играющіе обоего пола: дѣвушки и мущины, раздѣляются на двѣ половины; дѣвушки садятся на стульяхъ, имѣя при себѣ одинъ пустой стулъ, назначенный только для своего рекрута; мущины уходятъ въ особую комнату, и ожидаютъ призыва. Между тѣмъ каждая дѣвушка, загадавъ про одного изъ мущинъ, ожидаетъ съ любопытнымъ нетерпѣніемъ его выхода. Угадаетъ ли онъ ея мысли? Угадаетъ ли онъ, что она про него задумала? И точно ли онъ ея любитъ? И думаетъ ли онъ объ ней? Мущины съ своей стороны думаютъ и гадаютъ: понравятся ли они, или нѣтъ? — При обоюдно трепетномъ ожиданіи, стоящій у дверей часовой требуетъ подъ станокъ рекрута. — Рекрутъ выходитъ и

садится подлѣ избранной, по его мыслямъ дѣвушки, и если она не любитъ его, или не желаетъ любить его, или не нравится онъ ей чѣмъ нибудь, то она начинаетъ хлопать, а за нею всѣ, и съ него берутъ фантъ за то, что не угадалъ, или какъ хотите: за то, что не понравился. Это явное посмѣяніе, приводитъ иного въ бѣшенство, но приличіе и самая игра, запрещаютъ обнаруживать неудовольствіе. Насильно милымъ не будешь. — Онъ возвращается въ рекрутскую комнату, разумѣется и тутъ начинаютъ насмѣхаться надъ нимъ. Каждому забракованному рекруту, позволяется еще выти два раза, но неиначе какъ по требованію часоваго. Если рекрутъ по мыслямъ, то его не сгоняютъ съ мѣста: онъ садится подлѣ своей избранной, и участвуетъ въ игрѣ съ прочими, до окончательной переклички. Если забракованные рекруты, не были первоначально по сердцу; то ихъ стараются обласкать, и позволяя имъ надѣяться на любовь, допускаютъ, для скорѣйшаго окончанія игры, садиться подлѣ дѣвушки. — Тогда дѣвушки встаютъ со стульевъ, и идутъ въ рекрутскую; на ихъ мѣстахъ садятся мущины, и набираютъ рекрутовъ изъ дѣвушекъ, по прежнему порядку. Обиженный мущина не расположеніемъ къ нему дѣвушки, мститъ ей хлопаніемъ, а за нимъ хлопаютъ всѣ остальные. Съ прохлопаной берутъ фантъ. По окончательной переклички или лучше сказать, по набору всѣхъ рекрутовъ, разыгриваютъ уже фанты. Но при этомъ наблюдаютъ, чтобы съ каждой и каждаго, непремѣнно былъ взятъ фантъ, а дотолѣ не приступаютъ къ разыгриванію фантовъ.

Въ рекрутскій наборъ не повсюду играютъ однообразно. Бываютъ не большія измѣненія. Мущины и дѣвушки раздѣляются на двѣ половины. Мущины, составляющіе рекрутовъ, уходятъ въ особую комнату,

которая называется рекрутскою, а остающіяся дѣвушки составляютъ членовъ присутствія, и ихъ комната называется рекрутскимъ присутствіемъ. Въ этомъ присутствіи условливаются: кому какого рекрута принять себѣ? Усѣвшіяся по мѣстамъ, имѣютъ при себѣ отдѣльное кресло или стулъ. Потомъ одна изъ присутствующихъ объявляетъ: присутствіе открыто! — Отворяется дверь: одинъ изъ рекрутовъ входитъ, становится посреди рекрутскаго присутствія, и кланяется наудачу присутствующимъ. Если онъ поклонился той, кто его выбралъ, то всѣ кричатъ: годится! Онъ кланяется присутствію въ другой разъ. цѣлуетъ избравшую его, и садится подлѣ нея. — Если рекрутъ поклонился не той, которая избрала его, то кричатъ: не годится, и онъ выходитъ за дверь, сопровождаемый хлопаньемъ. Послѣ него выходитъ другой рекрутъ, и продолжаютъ выходить, пока не перебе-рутъ всѣхъ. Когда усядутся всѣ рекруты подлѣ присутствующихъ, тогда дѣвицы дѣлаются рекрутами, а прежніе рекруты присутствующими. Игра продолжается дотолѣ, пока не перемѣнятъ на другую.

Изъ игры рекрутскаго набора, составляются часто самыя свадьбы. Что же собственно значитъ эта игра?— Выборъ невѣстъ и жениховъ.

Курилка.

Нѣкоторые относятъ эту игру къ древней греческой (*), и что она будтобы перешла къ намъ давно. По самому названію она означаетъ русскую забаву. Курилка, отъ слова курить, показываетъ всякое куриво и горящую лучинку, которая въ иныхъ мѣстахъ замѣняется словомъ *курилка*.

Когда всѣ усядутся въ кружокъ, тогда зажигаютъ

(*) Guthr. Sur les antiq.. des usages etc.

лучинку и передаютъ ее другъ другу. Во время передачи, всѣ поютъ протяжно унылымъ голосомъ:

Живъ, живъ курилка,
Живъ, живъ и умеръ!
А у нашего курилки,
Ножки долгеньки,
Душа коротенька.

Если при послѣднемъ словѣ погаснетъ лучинка, т. е. курилка у кого нибудь, то берутъ съ того фантъ. Потомъ снова зажигаютъ и продолжаютъ зажигать курилку, пока не наберется большое число фантовъ, которые наконецъ разыгриваютъ.

Курилка выражаетъ пламень любви, и какъ скоро потухаетъ лучинка, такъ скоро исчезаетъ любовь, и чтобы снова пробудить ее, надобно вновь воспламенить сердце,—и это напоминается чрезъ повторяемое зажиганіе. Ничто не можетъ существовать въ природѣ безъ любви, — безъ нее все мертво.

Печально протяжный напѣвъ, всего болѣе высказывается въ словахъ: *живъ и умеръ курилка*,—т. е. поживши въ любви и умеръ. Счастливъ тотъ, кто умѣлъ любить; но несравненно счастливѣе тотъ, кто не игралъ любовью. — Потерявши ее однажды, нельзя согрѣть сердца прежнимъ чувствомъ.

Игра именами.

Избранныя четыре особы, предварительно заготовляютъ игру именами. Первая особа записываетъ на бумагѣ имена всѣхъ присутствующихъ мущинъ, вторая дѣвицъ, третья назначаетъ что имъ дѣлать, а четвертая гдѣ дѣлать. Это производится безъ всякаго сговора между пишущими. По окончаніи дѣла, они объявляютъ игру. Всѣ усаживаются по мѣстамъ, и ожидаютъ своего приговора Первая особа произноситъ, на-

примѣръ: Андрей, вторая Елизавета, третья танцовать, четвертая въ комнатѣ. Бываютъ весьма замысловатыя и острыя продѣлки, но никакъ не дозволяется выходить изъ приличія. Если кто прослышитъ свое имя, съ того берутъ фантъ; по набраніи ихъ, разыгриваютъ.

Игра именами представляется съ перваго раза, одной забавной шуткою; но въ нихъ весьма часто пробуждается ревность и досада, когда приходится выполнить назначеніе. Одинъ ревнивый мущина, котораго не знали ревности, поблѣднѣлъ отъ гнѣва, когда увидѣлъ, что его сопернику пришлось поцѣловать его красавицу; другой ревнивецъ, — господинъ мужъ, разсорился съ своей женою за то, что ей пришлось дозволить молодому вѣтреннику обнять себя. — Но, слова изъ игры не выбросишь, а дѣла не утаишь. Игра именами, есть мука для ревнивцевъ: она, допуская продѣлки рѣзвой и безпечной шалости, раскрываетъ волненія и страсти, удовольствія и страданія.

Игра въ птицы.

Сомкнувъ стулья въ кружокъ, садятся и назначаютъ: кому какой быть птицею. Кто соловей, кто жаворонокъ, кто канарейка, кто голубь и т. п. Одинъ кто нибудь говоритъ: сѣла (т: е: летѣвшая птица). Другой спрашиваетъ: кто сѣла? — Канарейка. — Гдѣ? — На вѣточкѣ. — Полетѣла. — Кто полетѣла? Канарейка. — Куда полетѣла? — къ жаворонку. Играющій жаворонка, начинаетъ говорить тоже самое, а канарейка спрашиваетъ. Если же играющій жаворонка, прослышетъ свое прозваніе, то съ него берутъ фантъ. (*)

(*) Въ Польшѣ играютъ въ птицу, со всѣмъ иначе. Ставъ всѣ въ кружокъ одна особа ходитъ въ кругу и поетъ:

Chodzi ptaszek po ulicy,
Wybiera ziarnka pszenicy,

Воробей. Играющіе называютъ себя именами деревьевъ или кустарниковъ. напр. яблони, малины, дуба, березы, смородины, вишни, и т. д. — Кто нибудь начинаетъ говоритъ: чивъ! чивъ! сидѣлъ воробей на малинѣ, слетѣлъ воробей на яблоню. — Кто яблоня, тотъ продолжаетъ говорить, и играютъ дотолѣ, пока не наберется довольное число фантовъ. За всякую медленность, или за забытіе своего прозванія, берется фантъ, которые разыгриваются потомъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Почта. Каждый изъ играющихъ называетъ себя какимъ нибудь городомъ: кто Петербургъ, кто Полтава, кто Астрахань, кто Саратовъ, и т. п. Одинъ говоритъ: динь, динь! Другой спрашиваетъ: что ѣдетъ?—Почта.—Откуда? — Изъ Петербурга — Съ чемъ? — Съ письмами, или цвѣтами и т. д.—Куда? — Въ Полтаву. — Назвавшійся Полтавою, говоритъ: динь, динь! а Петербургъ продолжаетъ спрашивать. Но если кто прослышитъ свое имя, то съ него берутъ фантъ. По набраніи довольнаго числа фантовъ, разыгриваютъ ихъ.

Обѣ игры: птицы и почта, служатъ только пріятнымъ препровожденіемъ времени, и кромѣ игривости, ничего особаго не заключаетъ въ себѣ. Въ Польшѣ такъ же играютъ въ почту. — Татарамъ. — Что ѣдетъ?—Почта. — Откуда? — Изъ Варшавы. — Куда?— Во Львовъ. — Названный Львовомъ принимаетъ почту. (*)

A ja tańcując u tem kolę,
Biorę sobie, kogo wole. –

Тотчасъ она беретъ особу, кто нравится ей; за нею остальныя дѣвицы разбираютъ другихъ мущинъ, и кто нибудь долженъ остаться, потому что не всегда бываютъ пары. – Golęb. Gr. i zabaw. etc, ч. 3. с. 73.

(*) Golęb. Gry i zabaw. etc., ч. 3. с. 75.

Синонимъ.

Одинъ изъ числа играющихъ, выходитъ въ другую комнату, а всѣ прочіе загадываютъ двѣ вещи одного содержанія, на примѣръ: штофъ, который принимается въ смыслѣ сосуда, съ какой нибудь жидкостію; матеріи, коею обиваютъ мебель и носятъ на платьяхъ; или на примѣръ: коса, которою косятъ траву и которая укрышаетъ дѣвушекъ, и т. п. По загаданіи играющіе вызываютъ сидящаго въ другой комнатѣ, который долженъ отгадывать. — Онъ начинаетъ спрашивать съ крайняго: какъ вы любите? — Я люблю его видѣть на окнахъ: другой: я люблю, когда онъ бываетъ чѣмъ нибудь наполненъ; третій: я люблю его видѣть на женщинахъ; четвертый: я люблю его видѣть на сарафанахъ и т. д., отвѣчая всѣ по очереди. Если же онъ не отгадаетъ, какъ что любитъ, то съ него берутъ фантъ. Тогда онъ выходитъ въ другую комнату, для него снова загадываютъ, и дотолѣ продолжаютъ, пока не будетъ имъ отгадано. Кому же отгадалъ, то берутъ съ пойманнаго фантъ, онъ же дѣлается отгадчикомъ, а отгадавшій поступаетъ въчисло играющихъ. По набраніи довольнаго числа фантовъ, разыгрываютъ ихъ.

Синонимъ французская игра и усвоена нами. — Это весьма трудная игра, ибо она требуетъ особой остроты и смѣтливости, и служитъ не къ одной забавѣ, но къ развитію и изощренію памяти. — Желательно, чтобы его занимались по болѣе.

Кухня.

Каждый изъ играющихъ выбираетъ себѣ имя изъ кухонныхъ вещей, напримѣръ: тарелки, вилки, ножа, миски, печи, кочерги, ухвата, сковороды, и т. д. Одинъ кто нибудь начинаетъ спрашивать, начиная съ крайнаго, или, указывая на окружающіе предметы, или на самаго себя, приступаетъ къ тарелкѣ и говоритъ: это что у васъ въ носу? — Тарелка. — Это что на

губахъ? — Тарелка. — На чемъ вы сидите? — На тателкѣ, и т. д. Тарелка все должна говорить тарелка; на чтобы онъ не указалъ, или чтобы не спросилъ; но если она засмѣется, то съ нея берутъ фантъ, и она начинаетъ спрашивать въ свою очередь. напримѣръ: кто вы такой?—Ухватъ. — Ухватъ! кого любите цѣловать? — Ухватъ, и т. д. По набраніи довольного числа фантовъ, приступаютъ къ разыгриванію ихъ.

Кухня есть превеселая, щуточная и забавная игра. Она невольно производитъ смѣхъ и хохотъ во всѣхъ играющихъ, и рѣдкій кто изъ нихъ не поплачивается фантомъ, потому что надобно большого терпѣнія и чрезвычайной суровости, чтобы не засмѣяться, когда спросятъ васъ: на чемъ вы сидите? — На кочергѣ — На чемъ вы ѣздите?—На кочергѣ—На чемъ спите?—На кочергѣ.

Кухня веселитъ всѣхъ играющихъ, потому она есть выраженіе рѣзвости.

Весь туалетъ. Точно такъ же и въ этой игрѣ, каждый называетъ себя особымъ какимъ нибудь именемъ туалета: кто чепчикъ, кто шляпа, кто шпилька, чулки, помада, духи, корсетъ, башмаки и т. д. Въ срединѣ ихъ стоитъ кто нибудь изъ играющихъ, и говоритъ: барыня спрашиваетъ шляпку. Кто носитъ названіемъ шляпки, долженъ отвѣчать: сдѣсь. — Барыня спрашиваетъ шпильки. — Сдѣсь. Барыня спрашиваетъ чулчи. — Сдѣсь и проч. Если кто изъ играющихъ, прослышитъ свое имя, то съ него берутъ фантъ, и спрашивающій продолжаетъ говорить, пока всѣхъ не переберетъ. Тогда онъ хлопаетъ руками, или просто говоритъ: барыня спрашиваетъ весь туалетъ. — За этимъ словомъ всѣ должны немедленно перемѣнить свои мѣста, и кто не успѣетъ занять мѣста, тотъ входитъ въ кругъ играющихъ, и начинаетъ говорить прежнимъ порядкомъ. Эта игра

продолжается, пока довольно не соберется фантовъ, которые потомъ разыгриваютъ.

Весь туалетъ принадлежитъ къ числу веселыхъ игръ, и потому она есть изображеніе непринужденной забавы, свойственной юнымъ годамъ.

Кошки мышки.

Всѣ играющіе, носящіе названіе мышекъ, берутся за руки и составляютъ изъ себя кругъ. Но одинъ изъ нихъ назначается мышкой а другой кошкою, которая, стараясь уловить мышку, бѣгаетъ за нею внѣ круга, а мышка внутри круга. Составляющіе кругъ обязаны не пропускать кота. — Если же какая нибудь пара, пропустила его, то она занимаетъ мѣсто мышки и кошки; съ нихъ берутся тогда фанты, а прежніе: мышка и кошка, становятся въ кругъ играющихъ. — Набранные фанты разыгриваются потомъ.

Эта игра больше дѣтская, однако ею забавляются взрослые, и она собственно есть русская. Она выражаетъ беззащитное семейство, подвергаемое злобнымъ нападеніямъ враговъ.

Пошолъ рубль.

Всѣ садятся въ кружокъ, а одинъ изъ нихъ становится въ срединѣ. Сидящіе передаютъ другъ другу рубль, говоря: пошолъ рубль, пошолъ два. Стоящій въ срединѣ долженъ отыскивать рубль, и у кого найдетъ, съ того берутъ фантъ, и тотъ же занимаетъ его мѣсто. Такимъ образомъ продолжаютъ игру, пока наберется довольно фантовъ, которые разыгриваютъ потомъ. —

Эта игра во многомъ сходна съ золотомъ хороню, съ той разницею, что въ пошелъ рубль не поютъ, и по отысканіи рубля, берутъ съ виновнаго фантъ. Пошолъ рубль, служитъ къ веселому препровожденію времени. —

Охъ болитъ.

Каждый изъ играющихъ называетъ себя какимъ нибудь цвѣткомъ, напримѣръ: фіялкою, жасминомъ, ре-

зедою, незабудкой, розою, гвоздикой и т. д. Одинъ изъ цвѣтковъ, напримѣръ: незабудка, говоритъ: охъ болитъ. Другой спрашиваетъ: что болитъ? Сердце. — По комъ?—По жасминѣ. — Жасминъ продолжаетъ говорить незабудкѣ, тоже самое, и по комъ произнесено будетъ, что болитъ сердце, — тотъ продолжаетъ говорить. Кто прослышетъ свой цвѣтокъ, съ того берутъ фантъ, кои потомъ разыгриваютъ.

Есть ли это народная игра, или занесенная къ намъ? — Чисто русская, и она, какъ видно изъ самыхъ словъ, объясняетъ просто сердечную откровенность. Если кто изъ играющихъ обратится къ такой особѣ, которая давно томится любовью, — о, какъ больно тогда отвѣчать, по комъ болитъ сердце. Тогда невольно обнаруживается страданіе души, вспыхивающее на лицѣ красавицѣ, огненнымъ румянцемъ; тогда, и радость и стыдливость: она или сама произноситъ, или слышитъ признаніе того, который чудился ей и на яву и во снѣ. Но смертельная рана тому цвѣтку, которому не отвѣтятъ на состраданіе его, — тогда, вмѣсто радости, пробуждается отчаяніе.

Эта игра весьма опасная, и потому, вы красавицы, не должны играть любовью.

Самая пѣснь, сочиненная чувствительными сердцами, гораздо лучше обрысовываетъ томительную любовь.

Охъ, болитъ!
Что болитъ?
Болитъ сердце мое!

Да по комъ?
Все по немъ,
Все по миленькомъ моёмъ.

Пусть бранятъ,
Говорятъ
Злые люди,
Что хотятъ!

Какъ же быть!
Не любить?
Не могу его забыть.

Нѣтъ сомнѣнія, что наши прабабушки изобрѣли эту игру тогда, когда онѣ томились въ теремахъ, какъ въ заключеніи; когда имъ не позволялось выходить отсюда, чтобы посмотрѣть на людей и полюбоваться Божіимъ міромъ; когда законы приличія, воспрещали имъ произносить свою любовь самъ другъ; когда видѣлись съ самимъ женихомъ, за нѣсколько времени до совершенія брака; когда выдавали нашихъ красныхъ дѣвушекъ за того, по комъ сердце никогда не заболитъ, но изноетъ еще; когда разлучали чувствительную душу съ тѣмъ, по комъ она во всю жизнь должна вздыхать, болѣть душею и сердцемъ; когда все сладостное, очаровательное, упоительное, все что есть нѣжное, драгоцѣнное, которое ничѣмъ не можетъ быть замѣнимо, навсегда исчезаетъ, какъ сонъ, — и какъ тутъ не сказать: охъ, болитъ! Невольное, ненастроенное мученіе сильно потрясаетъ душу, и что однажды заронено въ ней, никогда и ничѣмъ не можетъ быть успокоено, и тутъ всегда, во снѣ и на яву: охъ, болитъ!

Становятся другъ противъ друга попарно дѣвушка и мущина, и держутъ поднятыя руки вверхъ, въ уровень съ грудью. Пары строются въ одинъ рядъ, длинной вереницею, и чѣмъ она длиннѣе, тѣмъ красивѣе, — Мостъ мостить.

этотъ рядъ называется мостъ; но чтобы его мостить, то избранная пара изъ дѣвушки и мущины, начинаетъ мостить его: взявшись за руки, они идутъ на мнимый мостъ; первая пара моста поднимаетъ руки, пропускаетъ ихъ; тутъ мущина оборачивается и цѣлуетъ противуположную ей дѣвицу, а его дѣвица противуположнаго ей мущину;—перецѣловавшись обѣ пары, мущина заключаетъ свой поцѣлуй на своей дѣвицѣ. — Это взаимнообратное цѣлованіе, называется мостъ мостить, и оно продолжается чрезъ весь длинный рядъ: всякъ непремѣнно обязанъ взаимно цѣловать, иначе это почтется преступленіемъ противу игры. Когда первая пара перецѣлуетъ весь рядъ, тогда она становится на концѣ, и начинаетъ пламенное мощеніе слѣдующая пара, тѣмъ же порядкомъ. Когда всѣ пары перецѣлуются, тогда уже оканчивается мощеніе моста. Если кто не успѣлъ поцѣловать, или поцѣловалъ не такъ, какъ слѣдовало,—съ того берутъ фантъ, кои потомъ разыгрываются. Но рѣдко бываютъ фанты, потому что никто не пропускаетъ случая поцѣловаться, — развѣ случится какъ нибудь нечаянно, по недосмотру, или сама дѣвушка увернется, за то мущину не только наказываютъ фантомъ, но общимъ посмѣяніемъ. Большею частію бываетъ, что снова начинаютъ мостить мостъ, по неимѣнію фантовъ, ибо съ фантами оканчивается игра.

Всякому теперь понятно, чта это мощеніе, производитъ сладостное ощущеніе въ глубинѣ сердца. Оно пробуждаетъ нетерпѣливое желаніе сорвать поскорѣй поцѣлуй, съ розовыхъ устъ, давно горящихъ вулканомъ любви.

Мостъ мостить, одна изъ страстныхъ игръ; въ ней вполнѣ развертывается весь пылъ кипучей юности: это кратеръ, извергающій огнедышущую лаву, которая въ

своемъ теченіи все истребляетъ и обращаетъ въ цыль воздушную; это потокъ огненной любви, бьющейся безпрерывными возгласами: любить хочу! сгораю отъ любви!

Мостъ мостить чисто русская забава, и безъ сомнѣнія была въ употребленіи между нашими предками. Что наши предки умѣли очень страстно любить, то это подкрѣпляется хороводомъ *плетень*, съ котораго конечно передѣлана эта игра. Только неизвѣстно, которая изъ этихъ игръ старѣе? Но чувства любви зароняются прежде игръ, и раскрываются только въ то время, когда настаетъ пора любви. И тогда, чего не выдумаетъ любовь? какихъ она не изобрѣтаетъ игръ и забавъ, и какихъ не совершаетъ продѣлокъ, чуждыхъ всякому разсудку? Тогда одно только желаніе, — любить! любить!

Азбука.

По занятіи мѣстъ, избранный игрокъ спрашиваетъ своего сосѣда или сосѣдку, сидящую по правую руку, начиная съ первой буквы, чтобы она сдѣлала съ нимъ? напримѣръ: если бы я ангелъ былъ, то чтобы вы сдѣлали со мною? — Она должна отвѣчать немедленно; иначе фантъ. Если бы вы были ангелъ, то я бы васъ полюбила какъ ангела. Спрашивавшій долженъ объявить о томъ, всѣмъ играющимъ. Должно наблюдать, чтобы одинъ и тотъ же вопросъ не повторяли и не спрашивали, не разобравши цѣлый слогъ *ангелъ*, въ противномъ случаѣ фантъ. Послѣ буквы *а*, надобно спросить на букву *н*, и т. д.; когда окончится слогъ ангелъ, то слѣдующій спрашиваетъ уже на буаву *б*. Если бы я превратился въ бѣса или сдѣлался *блиномъ*, то чтобы сдѣлали, или какъ бы поступили со мною? На это надобно отвѣчать по своей мысли, напримѣръ: если бы вы превратились въ бѣса, то я разлюбила бы васъ, или: еслибъ вы сдѣлались блиномъ, то

я бы скушала его, съ величайшимъ апетитомъ и т. п. Такимъ образомъ продолжается азбука по порядку, во весь кругъ. По окончаніи игры разыгрываютъ фанты.

Молчаніе.

Сидящіе въ кругу должны наблюдать строгое молчаніе, не двигаться и даже не улыбаться; за неисполненіе всего этого, берется фантъ. Одинъ только избранный, для нарушенія молчанія, ходитъ въ кругу и старается кого либо разсмѣшить, или заставить сказать что нибудь. Онъ имѣетъ право подходить къ каждому, предлагать смѣшные или забавные вопросы, на что надобно отвѣчать одними знаками, но кто произнесетъ, хотя одно слово, съ того фантъ.

Играютъ въ молчанку еще другимъ образомъ. Избранный для нарушенія молчанія, ходитъ въ кругу и дѣлаетъ кривлянія, или странныя какія либо тѣлодвиженія, или представляетъ изъ себя, что ему вздумается. Сидящіе должны все то дѣлать, что избранный, безъ малѣйшаго смѣха, и ничего не говоря. За невыполненіе, что дѣлалъ избранный, или за смѣхъ и говоръ, берется фантъ. По набраніи ихъ въ большомъ числѣ, разыгрываютъ.

Къ чему бы употребили меня?

Садятся въ кружокъ дѣвицы, дамы и мущины, но такимъ образомъ, чтобы мущина сидѣлъ между двумя дамами. Потомъ мущина спрашиваетъ съ правой стороны, свою сосѣдку, тихо: еслибы я былъ колиброй, то къ чему бы употребили меня? — Заперла бы въ клѣтку, и сама бы кормила васъ.— Этотъ отвѣтъ онъ хранитъ, обращается къ сосѣдкѣ, съ лѣвой стороны, и спрашиваетъ тихо: къ какой обязанности, или къ какимъ услугамъ, я былъ бы назначенъ вами? — Свистать или учить меня музыкѣ, и т. п. Спрашивавшій мущина разсказываетъ собранію то и другое, т. е. для какого онъ годится употребленія и къ чему назначенъ. — Тутъ не берутся фанты.

Всякій уподобляетъ своего сосѣда или сосѣдку, какой нибудь вещи, находя съ нею сходство и несходство, и все это надобно говорить въ слухъ.—Я уподобляю мою сосѣдку розѣ: она сходна съ нею и цвѣтомъ и очаровательностію; дышетъ прелестью аромата и сладостію жизни, но не сходствуетъ съ нею въ томъ, что роза съ шипами и недоступная, а сосѣдка моя безъ шиповъ и доступная; что роза дышетъ запахомъ своимъ, а моя сосѣдка духами; что жизнь розы сладостная, ею любуется все и всякъ, а жизнь моей сосѣдки тернистая и всякъ горюетъ, смотря на прелесть увядающую —, и т. п. —Тутъ не собираютъ фанты. Чему уподобить.

Кто нибудь ходитъ въ кругу и дѣлаетъ вопросы, какіе ему вздумается, но перемѣняя ихъ постоянно. Отвѣчающая должна говорить ему противное, не употребляя слова *да* и *нѣтъ*. За произнесеніе ихъ, берется фантъ. Спрашиваюшій долженъ быть проворный и ловкій, чтобы нечаянно умѣлъ подбѣжать съ вопросомъ къ дамѣ, которая вовсе не ожидала и не думала. За медленный отвѣтъ берется такъ же фантъ. Прошколить.

Садятся въ кружокъ, гдѣ кому вздумается, и потомъ передаютъ изъ рукъ въ руки корзину. Позволяется встать и передать ее черезъ нѣсколько сосѣдовъ, но во всякомъ случаѣ, поднося ему, сказать: вотъ моя корзина! что хотите, то положите. Кто не отвѣтитъ скоро, что положилъ въ нее, съ того фантъ. Получившая корзину, можетъ передать ее сосѣду, или вставъ, вручить кому другому, вовсе не ожидавшему и не готовому съ отвѣтомъ. — Такимъ образомъ продолжается игра. Вотъ моя корзина.

Избирается знающій музыку, который разсаживаетъ по мѣстамъ находящихся въ игрѣ. Каждой особѣ онъ даетъ инструментъ: скрипку, басъ, виліончель, Нѣмой концертъ.

флейту, кларнетъ, гобой, трубу, барабанъ и т. п. Составляющій концертъ, становится по срединѣ и начинаетъ играть, на какомъ нибудь инструментѣ, что ему прійдетъ въ голову. Всѣ остальные музыканты не должны играть, а выдѣлывать только своими движеніями, всѣ его пасажи, темпу, разстановку и пр. Кто сдѣлаетъ ошибку, или не выполнитъ, что надобно, тотъ взыскивается фантомъ.

Осужденный. Изъ среди играющихъ назначаютъ кого либо осужденнымъ, и сажаютъ въ углу комнаты на скамейкѣ. Другой изъ играющихъ, мущина или дѣвушка, начинаетъ распрашивать тихо, сидящихъ въ кругу: какія кто знаетъ за нимъ преступленія? Собравъ отвѣты, онъ объявляетъ осужденному.—На васъ поступило весьма много жалобъ: одна прекрасная особа говоритъ, что вы очень страстны; другая, что вы измѣнникъ; третья, что вы влюбляетесь во всѣхъ женщинъ.—Нѣкто сказалъ, что вы играете сердцемъ, которое любитъ васъ нѣжно, и т. п. Осужденный долженъ опровергнуть жалобы и указать ту особу, которая обнесла его невинно. Когда онъ не укажетъ особу, тогда остается еще осужденнымъ.—Игра начинается вновь и до тѣхъ поръ продолжается, пока осужденный не узнаетъ своего обвинителя. — Фантовъ не берутъ.

Птичій охотникъ. Каждому изъ играющихъ отдается на волю быть птицею, какою ему угодно. Охотникъ птичій, избранный изъ того же самого круга, подходитъ къ каждой особѣ, и выслушиваетъ названіе птицы. По отобраніи всѣхъ названій, охотникъ останавливается посрединѣ, и говоритъ: въ моемъ саду имѣются птицы разныхъ породъ, а именно: попугай, ворона, сова, голубъ, сорока, и т. д. Потомъ онъ подходитъ къ кому нибудь, и дѣлаетъ три вопроса: которой птичкѣ вручаете свое сердце? которой довѣряете свою тайну? которой намѣ-

рены ощипать перья? — Спрошенная особа должна отвѣчать на всякій вопросъ: вручаю сердце голубкѣ, тайну совѣ, а ощипать перья попугаю.—Когда охотникъ обойдетъ по порядку весь кругъ, съ своими вопросами, тогда онъ объявляетъ отвѣты, назвавъ каждую особу: такой-то поручилъ свое сердце голубкѣ, которая есть дѣвица такая-то; но что вы въ самомъ дѣлѣ вручили ей свое сердце, то должны насъ увѣрить тѣмъ, когда поцѣлуете ее.—Такой-то довѣрилъ свою тайну совѣ, которая есть такая-то, а ощипать перья попугаю, которая есть такая-то дама; но какъ съ прекраснымъ поломъ нельзя поступать такъ жестоко, то вы наказаны фантомъ.—Должно замѣтить, что кто самъ себѣ поручитъ сердце, тотъ цѣлуетъ въ наказаніе свою руку; кто довѣряетъ тайну самому себѣ, тотъ долженъ ее хранить при себѣ.

Перчаткой играть.

Надобно бросить перчаткой въ кого либо сидящаго напротивъ, и сказать ему: наименуйте мнѣ что нибудь воздушное, или водяное, или земноводное; но только нужно требовать одного изъ трехъ этихъ стихій. Получившій перчатку, долженъ отвѣчать немедленно. На слово воздушный, онъ можетъ отвѣчать: сорока, попугай, ястребъ, и т. п.; на слово водяный: ракъ, осетръ, бѣлуга и т. д; на слово земноводное: жаба, змѣя, ужъ и т. д. Кто скажетъ противное стихіи, тотъ расплачивается фантомъ. Получившій перчатку, бросаетъ ее съ своимъ вопросомъ въ другаго, а этотъ бросаетъ въ слѣдующаго, и перчатка перелетаетъ быстро отъ одного до другаго, почему называется играть перчаткой.

Дорожные.

Изъ числа играющихъ избирается двое дорожныхъ, возвратившихся изъ дальняго и опаснаго пути.—Одинъ дорожный долженъ раздать каждому въ собраніи, по одному какому либо названію тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ

проходилъ, и про которыя онъ намѣренъ разсказывать. Играющіе садятся въ кружокъ, такимъ образомъ, чтобы съ правой руки дамы или дѣвицы, непремѣнно бы сидѣлъ мущина. Дорожные садятся посреди собранія. Первый разсказываетъ своему товарищу, причины своего путешествія; потомъ мѣста, чрезъ которыя онъ проходилъ. Особа, услышавшая имя мѣста, которымъ она называется, должна поцѣловать сосѣда, сидящаго съ правой ея руки. Если бы кто поцѣловалъ не ту особу, которую слѣдовало, тотъ наказывается фантомъ. Когда дама или дѣвица, не захочетъ поцѣловать мущину, тогда она обязана свиснуть. — При этой игрѣ только допускается одно изъ двухъ: или поцѣловать или свиснуть. Товарищъ дорожного наблюдаетъ строго за выполненіемъ всего въ точности. — По переименованіи всѣхъ мѣстъ, оканчивается разсказъ дорожныхъ; ихъ мѣсто занимаетъ другая пара, и дотолѣ продолжается игра, пока не наберется довольное число фантовъ.

Сочинитель. Избравъ для своего описанія какой либо предметъ, напр. солнечное затмѣніе, любовь, надежду на счастіе въ жизни, и т. п., пишетъ каждый свою мысль на бумагѣ до точки или до полнаго періода, и загнувъ, что было имъ написано, передаетъ писать другому, о томъ же самомъ предметѣ, пока листъ бумаги не обойдетъ весь кругъ. Когда всѣ запишутъ свои мнѣнія, тогда развертывается бумага и читается въ слухъ. Отъ сбивчивости мыслей и безсвязности, выходитъ такая безтолковщина, что невольно производитъ смѣхъ.

Носъ. Садятся гуськомъ, другъ за другомъ: первый за вторымъ, вторый за третьемъ, третій за четвертымъ и т. д. Вторый закрываетъ своей рукою глаза первому. Кто нибудь выходитъ изъ ряду, и подергавъ закрытого за носъ, садится на свое мѣсто. Тотъ, кого дер-

гали за носъ, долженъ встать со стула и искать, кто дергалъ его. Если онъ укажетъ на другое лицо, то за поклепъ отводятъ его за носъ къ прежнему мѣсту. Тутъ снова дергаютъ его за носъ, пока онъ не угадаетъ. Когда отгадаетъ, тогда игра доходитъ по очереди до прочихъ. — Фантовъ не берутъ.

Засѣданіе

Выбирается изъ колоды картъ, одна какая либо масть, отъ туза до двойки. Карты раздаются по числу особъ, и каждая карта имѣетъ особое свое названіе, потому что въ засѣданіи отправляютъ разныя должности. Тузъ означаетъ воеводу, который вмѣстѣ есть предсѣдательствующій судебного засѣданія; король, товарищъ воеводы; дама, жена воеводы, которая помѣщена сдѣсь потому, что жены воеводъ иногда рѣшали дѣла, вмѣсто своихъ мужей; валетъ сыщика, десятка дьяка (секретаря); девятка подъячаго (помощника секретаря), осьмерка голову, семерка гласного, шестерка стряпчого, пятерка старосту, четверка понятого, тройка приказнаго, а двойка сторожа. Одинъ является челобитчикомъ и подаетъ жалобу воеводѣ, который, посмотрѣвъ на просьбу, передаетъ ее товарищу своему, ничего не говоря; товарищъ его, посмотрѣвъ на нее, и не говоря ничего, передаетъ воеводшѣ, а эта, сдѣлавъ тоже самое, передаетъ слѣдующему. Поступая всѣ одинаково, просьба доходитъ до сторожа, который, свернувъ ее, кладетъ подъ сукно а челобитчику указываетъ дверь. Тотъ, кто скажетъ что нибудь при передачѣ, паказывается фантомъ.

Эта игра, измѣненная въ фанты, вѣроятно намекаетъ на суды нашихъ предковъ.

Хорошъ пригожъ, жениться хочу;

Носящій названіе хорошъ пригожъ, жениться хочу, подходитъ къ дѣвицѣ или дамѣ и говоритъ: хорошъ, пригожъ, жениться хочу! На охотника къ женидьбѣ,

или хороша пригожа, за мужъ хочу.

часто сыплются насмѣшки со всѣхъ сторонъ. И старъ онъ, и малъ, и дуренъ, да какая дура выйдетъ за васъ за мужъ! Иногда подъ шутками высказываютъ горькую правду, и не въ бровь а въ глазъ. Нѣкоторые желаютъ ему жениться, а другіе дѣлаютъ отеческія наставленія, оставить мысль о женидьбѣ, представляя супружество тягостнымъ: холостой человѣкъ, вольная птица, или казакъ свободный; одинокій не тужитъ и не горюетъ, и т. п. Обошедши кругъ хорошъ пригожъ, жениться хочу, становится посединѣ комнаты и разсказываетъ всѣмъ свою неудачу, и объявляетъ: проженили молодца! въ другой разъ онъ не захочетъ жениться. Если же большая часть желала ему жениться, то онъ, объявивъ объ этомъ, проситъ къ себѣ на свадьбу:

Милости прошу,
На свадьбу мою.
Я и бражки наварю,
И вина припасу,
И гостей назову.

Ему обѣщаютъ быть на его свадьбѣ. Кто при обходѣ, хорошъ пригожъ, жениться хочу, не будетъ отвѣчать, или смѣяться, не дѣлая ни какихъ замѣчаній, съ того берутъ фантъ; по набраніи ихъ разыгриваютъ обыкновеннымъ порядкомъ. Съ кого взяли фантъ, тотъ занимаетъ мѣсто ходившаго въ кругу. Если бы случилось взять фантъ съ дѣвицы, то она также отбираетъ мнѣнія, говоря: хороша пригожа, замужъ хочу. При чемъ бываютъ или тѣже насмѣшки, или желаютъ ей поскорѣе замужъ.

Эта игра народная, но презабавная и превеселая. Она часто досаждаетъ тѣмъ, кому отвѣчаютъ на пе-

рекоръ. О, какъ многія хотятъ по скорѣй за мужъ, а многіе поскорѣй жениться, не разбирая: хорошо ли это, или дурно?

Сосѣды.

Дѣвушки и мущины садятся въ кружокъ. Одинъ кто либо подходитъ къ сидяшему съ краю, или къ сидящему посрединѣ и спрашиваетъ его: хорошъ ли вашъ сосѣдъ?—Если онъ отвѣчаетъ хорошъ, то спрашиваетъ другаго; кто скажетъ не хорошъ, то онъ спрашиваетъ его: кто вамъ нравится?—Вотъ этотъ.—Про кого онъ скажетъ, тотъ долженъ ѣсть возлѣ его и поцѣловать, произнеся: здорово сосѣдъ.—И такъ спрашиваютъ всѣхъ поочередно. Кто изъ сосѣдовъ былъ названъ не хорошимъ, тотъ выходитъ изъ своего мѣста и начинаетъ спрашивать, а мѣсто его занимаетъ прежде спрашивавшій.

Не многіе могутъ похвалиться хорошимъ сосѣдствомъ, отъ того добрый сосѣдъ, — кладъ; съ такимъ сосѣдомъ встрѣчаются подружески, желаютъ имѣть его въ сосѣдствѣ и дорожатъ имъ.

Продажа мѣста.

Садятся въ одинъ рядъ дѣвушки и мущины. Одинъ кто либо, обращаясь къ первому сидящему, говоритъ: не угодно ли холста. Угодно.—Сколько?—Одинъ аршинъ. — Послѣ этого онъ даетъ покупщику, какое либо прозваніе, напр. вилки въ затылкѣ, тарелки во лбу.—Потомъ подходитъ къ другому, и даетъ названіе: черезъ заборъ взглянулъ, соборъ проглотнулъ; къ третьей: изъ затона бѣжала, въ карманѣ лапшу держала; къ четвертой: безъ стыда замужъ хочу; къ пятому: безъ стыда жениться хочу, и т. д. Когда раздастъ всѣмъ названія, тогда обращается къ первому: пожалуйте за холстъ денежки. Первый отвѣчаетъ: вилки въ затылкѣ, тарелки во лбу.—Чтобы ни говорилъ правящій деньги, первый долженъ отвѣчать ему одно и тоже, не смѣясь и не переиначивая своего наз-

ванія. Впротивномъ случаѣ берется фантъ. Такимъ образомъ спрашивается у всѣхъ поочередно. Потомъ, по набраніи фантовъ, разыгриваютъ ихъ. При чемъ правящій деньги, разнося фанты, спрашиваетъ: кому что угодно скушать, выпить, сдѣлать и т. п. Сколько разъ спрашиваетъ правящій деньги, столько разъ онъ долженъ цѣловать, пока не поручатъ ему выполнить что либо.

Много есть охотниковъ, берущихъ въ долгъ, и конечно рѣдко отдающихъ. Продавецъ вымаливаетъ тогда за свое же добро, и очень часто ничего не получаетъ. Ему остается въ удѣлъ одно ласковое обнадеживаніе: завтра.

Костыль. Садятся мушины и дѣвушки. Одинъ кто либо изъ играющихъ, выходитъ на средину комнаты съ палкою въ рукѣ и подпирается ею, представляя костыль. Сидящіе поютъ:

Ужъ и такъ ли я коститься могу, могу, (*)
Ужъ и такъ ли я пройтиться могу.
Я могу, могу, по комнаткѣ пройтти,
Я могу, могу, пивца, винца испить.
Вотъ изъ виннаго ковшичка,
Изъ чарочки позолоченой.
Да къ кому я, добрый молодецъ, прійду?
Къ кому костыль прислоню?
Приставлю я, свой костыль,
Ко золоту, ко серебру,
Ко дѣвичью ко терему.
А я самъ поскачу, попляшу,
Своихъ гостей взвеселю.

(*) Упираться на костыль.

Вотъ я тятеньку съ маменькою,
Милого братца со невѣстушкою,
А сестрицу со подруженьками.

Если стоитъ съ костылемъ дѣвица, то поютъ ей тоже самое, за исключеніемъ примѣненія словъ къ ея имени:

Да къ кому я, красна дѣвица, прійду?
Къ кому костыль прислоню?
Приставлю я, свой костыль,
Ко золоту, ко серебру,
Ко мужскому ко терему.
Я сама поскачу, попляшу,
И своихъ гостей взвеселю.
Вотъ я тятеньку съ маменькою,
Милого братца со невѣстушкою,
А сестрицу со подруженьками.

Кому отдаютъ палку, тотъ встаетъ съ мѣста и цѣлуетъ его; потомъ беретъ костыль, становится посреди комнаты, а ходившій садится на мѣсто вставшаго. Костыль не отдаютъ дотолѣ, пока не поцѣлуютъ. Рѣзвые еще пляшутъ съ костылемъ, вовсе пѣніе.

Костыль разыгрываютъ на сговорахъ молодыхъ, потому тутъ постоянно цѣлуются молодые. Эта игра выражаетъ радость счастливой любви.

Цвѣтъ.

Садятся въ кружокъ мущины и дѣвушки. Одинъ изъ играющихъ ходитъ въ кругу и раздаетъ названія цвѣтовъ: бѣлого, алого, синяго, палевого, бланжевого, и т. п., а себя называетъ чертополохомъ. Потомъ, раздавшій названія цвѣтовъ, говоритъ: чертополоховой цвѣтъ прекрасный, алый не хорошъ. — Алый отвѣчаетъ: алый цвѣтъ прекрасный, а синій не хорошъ. Синій отвѣчаетъ: синій цвѣтъ пре-

красный, бѣлой не хорошъ, и такимъ образомъ всякой изъ играющихъ защищаетъ свое названіе. Кто не успѣетъ защитить себя, или скажетъ, что тотъ цвѣтъ прекрасный, съ котораго взяли уже фантъ, то берутъ и съ него фантъ.—По набраніи фантовъ, разыгрываютъ ихъ.

Никто не хочетъ сознаться въ своихъ недостаткахъ; всякій думаетъ и говоритъ: я хорошъ, а тотъ не хорошъ; у того большіе недостатки, а у меня ихъ нѣтъ.—Въ глазу ближняго видятъ соломенку, а въ своемъ не видятъ сучка. Страсти заглушаютъ разсудокъ.

Качели. Внесенныя здѣсь въ число игръ: качели, катанье съ горъ и на саняхъ, не составляютъ собственно игръ. Онѣ по своему назначенію, доставляютъ одно пріятное развлеченіе забавѣ, потѣхѣ и веселой рѣзвости. Но какъ всѣ игры клонятся къ той же цѣли, то и они помѣщены здѣсь, какъ предметъ увеселелій.

Въ югозападной Россіи были извѣстны, еще въ глубокой древности *колыски*. Кіевляне въ праздники святыхъ Апостолъ Петра и Павла и св. Іоанна Крестителя, забавлялись на качеляхъ (*). — Въ какое же время онѣ появились у насъ? Откуда перешли къ намъ? — неизвѣстно. Мы знаемъ, что всѣ восточные народы издревле любили качаться на качеляхъ; а малоазійскіе Греки находили въ качеляхъ особое удовольствіе.

Колыски, въ сѣверо-восточной Россіи называются

(*) Гизель. Синопсисъ о началѣ русск. народа. с. 146.

качелями. — Колыски происходятъ отъ слова колыхаться, а качели отъ качаться, и значутъ одно и тоже.—Всѣ сословія любятъ ихъ; онѣ строются многими у себя дома. Нѣтъ мѣста по Россіи, гдѣ бы не веселились на качеляхъ. Въ какой уголокъ свѣта не перенесите Русскаго, онъ не забудетъ ихъ: состроитъ непремѣнно для наслажденія удалой своей головы, которою не рѣдко поплачивается. Въ старину великокняжескія и царскія дѣти, любили особенно качели; нынѣ высшее дворянство чуждается этого удовольствія, но любитъ смотрѣть на веселящихся: свѣтскій этикетъ удерживаетъ ихъ отъ участія въ народномъ удовольствіи. Однако, у себя на дачахъ, оно устроиваетъ ихъ, будто бы для дѣтей.

Качели дѣлаются разнообразно: въ видѣ креселъ, возковъ, люлекъ, круглыя, на веревкахъ и ящиками, въ коихъ сидящіе оборачиваются черезъ ось, описывая кругъ снизу въ вверхъ. Эти качели производятъ головокруженіе, которое увеличивается еще болѣе на веревочныхъ, и чѣмъ болѣе опасности, тѣмъ болѣе потѣхи. Часто видишъ сидящихъ биткомъ на узенькой дощечкѣ, привѣшенной къ перепрѣлымъ и тоненькимъ веревкамъ, или къ трепещущимъ и гнущимся жердямъ. Сидящіе держатся другъ за дружку, хохочутъ, издѣваются надъ опасностію и несутся подъ небо. Никому не приходитъ на мысль сорваться на лету, и размозжить себѣ голову. Предусмотрительность не входитъ въ соображеніе весельчака, а бѣда въ глазахъ, смерть тутъ же вертится: онъ не думаетъ о ней, онъ не боится ее, — двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать. Съ такою философіею Русскій любитъ сильныя ощущенія: ему давай потѣху, разгульное веселіе, чтобы въ глазахъ темнѣло, бокамъ было памятно, —

хоть голова съ плечъ долой! Тутъ потѣшенье его. — Вокругъ его неизъяснимое удовольствіе и неподдѣльная радость, вылетающая изъ груди звонкой пѣснію.— Тутъ на качеляхъ разсыпаются пѣсни, свистятъ, играютъ на флейтѣ или на кларнетѣ. Нигдѣ нѣтъ столько разнообразныхъ качелей, какъ въ Петербургѣ, и простой народъ веселится здѣсь непринужденно, какъ у себя дома. Въ народные праздники: во время масляницы, свѣтлой недѣли, на гуляньи въ Екатерингофѣ и т. п., нарочно устроиваются качели и горы.

Катанье съ горъ и на саняхъ.

Не менѣе доставляло удовольствія нашимъ предкамъ катаніе съ ледяныхъ горъ, по льду и на конькахъ. Великокняжескія дѣти имѣли въ кремлевскомъ дворцѣ свои горы, и нынѣ ихъ не оставляютъ: Царскія дѣти, аристократы и живущіе по городамъ и деревнямъ. Всѣ любятъ кататься зимой съ ледяныхъ горъ, а лѣтомъ съ деревянныхъ. Горы чисто русская забава.

Катаніе на саняхъ въ хорошіе зимніе дни, составляетъ гораздо еще большее удовольствіе какъ для купечества, такъ и дворянства. Въ столицѣ хорошее общество, отправляясь за городъ на пикникъ, разнообразитъ его катаніемъ на саняхъ.

Карты.

Карты, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изобрѣтены въ Италіи а по мнѣнію другихъ во Франціи. За подлинно извѣстно, что находящіяся изображенія на картахъ, принадлежатъ французскому живописцу Жакемену Грингонеру, который нарисовалъ ихъ въ 1392 г., для больного и слабоумнаго короля Карла VI. Нѣкоторые думаютъ, не безъ основанія, что карточныя изображенія служили первымъ шагомъ къ изобрѣтенію книгопечатанія.—Масти картъ имѣли прежде особое свое значеніе, нежели нынѣ: черви представляли духовныхъ, пики военныхъ, трефи или кресты земледѣльцевъ, бубны жен-

щинъ, по склонности ихъ къ удовольствію. Четыре короля представляли: пиковый царя Давыда, подъ коимъ разумѣли Карла VII., преслѣдуемаго своимъ отцемъ, какъ Давидъ былъ преслѣдуемъ царемъ Сауломъ; бубновый, Александра македонскаго, червоный Юлія Цезаря а трефовый: Карломана, императора нѣмецкого. Трефовая дама была Марія анжуйская, жена Карла VII; бубновая, прекрасная Рахиль, подъ коею разумѣли Агнесъ Сорель; пиковая, Минерва, орлеанская дѣвица Анна д'Аркъ; червонная, Юдифъ, королева баварская Изабелла, жена Людовика добраго. Валеты означали оруженосцевъ: Ожье, Ланело, Лагира и Гектора, изъ нихъ два первые были рыцари Карла В., а два послѣдніе полководцы Карла VII — Прочія карты, отъ туза до десятки, означали воиновъ. (*)

Карты занесены къ намъ иностранцами, не ранѣе XVII. в. — Во многихъ отношеніяхъ нѣтъ игры столь вредной, какъ карты. Сначала занимались ими для препровожденія времени, потомъ стали выдумывать и изучать многообразныя игры, злоупотребленія которыхъ послужили къ пагубѣ семействъ и обществъ. Царь Алексѣй Михайловичь строго воспрещалъ играть, и велѣлъ играющихъ злонамѣренно въ карты, подвергать наказанію, какъ за воровство. Петръ Великій запретилъ военнымъ проигрывать болѣе рубля мѣди. При Императрицѣ Елизаветѣ усилилась картежная игра. Канцлеръ гр. Бестужевъ-Рюминъ, такую имѣлъ къ ней страсть, что прославился даже за границей. Король прусскій, Фридрихъ В., называлъ его отчаяннымъ картежникомъ. Тогда играли въ ландскнехтъ, квинтичъ, штоссъ, фараонъ, макао, гальбцвельфъ, горку, три листика, въ красную

(*) Diction. des oirgin. ed. 1777 г., in 8.

и черную, въ фаро, пикетъ и миог. др. Игроки ставили на девятку и туза, большія суммы. — Встарину Германцы, проигравъ все свое имущество, проигрывали даже женъ и дѣтей. — Почти такая же страсть господствовала между нашими предками, и она проникла было въ простое сословіе; но народъ одумался, сталъ креститься отъ игры, какъ отъ дьявольскаго навожденія, проклиналъ ее и игрока: «чтобы ему не спалось два мѣсяца, чтобы трясла его годовая лихорадка, чтобы глаза его выклевалъ черный воронъ, бѣлый филинъ и сѣрая сова; чтобы вползла ему въ чрево, змѣя подколодная; чтобы печенку его съѣла бышенная собяка; чтобы сердце его высохло, какъ кора на деревѣе, если кто будетъ играть въ карты.» Простой народъ, называемый обыкновенно грубымъ, необразованнымъ, понялъ все зло отъ игры и пренебрегъ ее съ негодованіемъ, Простой народъ разумѣетъ, подъ словомъ игрока: отъявленнаго мота, развратника, пьяницу и плута. Въ одной хороводной пѣснѣ, невѣста, выбирая себѣ жениха, спрашиваетъ у своихъ подругъ:

Сосѣдушки, собратушки,
Скажите вы мнѣ:
Каковъ человѣкъ?

Ей отвѣчаютъ:

Онъ пьяница, пропоица,
Картежной игрокъ.

Этого мнѣнія уже было довольно для нее.

Еще есть старинная пѣснь:

Бѣсъ проклятой дѣло намъ затѣялъ,
Мысль картежную въ сердце намъ всѣялъ.

Дайте намъ карты, здѣсь олухи есть. —
Сенька Разинъ, Свиной и Гаврюшка,
Ванька Каинъ и лжехристъ Андрюшка!
Хоть дѣла ваши громки,
Прахъ противъ нашихъ картежныхъ дѣлъ. (*)

Въ старые годы любили говорить о волшебникахъ, колдунахъ, звѣздочетахъ, видѣніяхъ; говорили о томъ: кто видѣлъ бѣса, и какъ онъ училъ картежной игрѣ, или отдавалъ аду, проданную душу за деньги; говорили нѣкоторые отчаянные, какъ бы они желали поучиться игрѣ у демона искусного, — даже между ними не всѣ бываютъ ловкіе. — Все это показываетъ какое имѣли встарину понятіе о картахъ, особенно между простыми людьми.

Названія карточной игры, многочисленны. Употребляемыя понынѣ игры, суть: въ дурачки, свои козыри, носки, мельникъ, мушка, пикетъ, тентире, бостонъ, гальбцвелфъ, вистъ, преферансъ, палки и банкъ (фараонъ). Послѣдняя игра есть самая разорительная, справедливо преслѣдуемая правительствомъ. Въ наше время такъ заразились игрою въ карты, что мало найдете домовъ, гдѣ бы не играли, и все на деньги. Отъ бѣднаго чиновника до сибарита, отъ старой дамы до прелестной дѣвушки, все занято картами; куда не войдете, почти вездѣ играютъ; тотъ лишній въ обществѣ, кто не отличается на зеленомъ полѣ; тотъ уменъ, кто искусенъ въ игрѣ. — Кто знаетъ тонкости картежныя, тотъ имѣетъ право указывать, поправлять, учить и стоять выше другихъ, — потому что въ картежномъ ис-

(*) Исторія о Ванькѣ Каинѣ изд. 1788. Москва, ст. 100–101. Здѣсь помѣщ. еще истор. француз. мошенника Картуша.

куствѣ видятъ какое-то отличное достоинство. Мало обществъ, гдѣ бы ни играли; тотъ скученъ, кто станетъ разговаривать объ умныхъ вещахъ или просвѣщеніи. Есть цѣлыя мѣста и города, кои прославились игрою въ карты.

Многія изъ дамъ до того пристрастились къ игрѣ, что проводятъ ночи за картами, не думая о семействѣ; матери забываютъ своихъ малютокъ а дѣвицы не смѣютъ оставить гостей, или вечернее собраніе, не дождавшись окончанія игры. — Часто онѣ просиживаютъ до разсвѣта. Танцовальные вечера мало занимаютъ молодыхъ людей; все устремляется играть, и всегда случается, что не достаетъ кавалеровъ для танцовъ, по причинѣ страсти послѣднихъ къ картамъ. Я самъ видѣлъ много разъ, что дамы предпочитали игру танцамъ. Находятся нѣкоторыя изъ дамъ до того пристрастившіяся, что въ самой болѣзнѣ занимаются картами. Есть праздные и легкомысленые молодые люди, которые занимаются картами, какъ промысломъ; многіе изъ нихъ впадаютъ въ бѣдность и нищету отъ проигрышовъ, а наконецъ дѣлаются пьяницами и развратниками. Есть примѣры, что дѣти съ семи лѣтъ пріучаются къ игрѣ: сначала для препровожденія времени, а потомъ для препровожденія денегъ. Такою страстію очумлены многія семейства, которыя отъ этого разоряются и гибнутъ. (*)

(*) Многими постановленіями запрещалась картежная а азартная игра, и злонамѣренныхъ игроковъ велѣно предавать уголовному суду.

Улож. гл. XXI. п. 15. «а которые воры на Москвѣ и въ городахъ воруютъ, карты и зернью играютъ, и проигрався воруютъ, и такихъ всякихъ чиновъ людямъ имая, приводить въ

Нерѣдко злонамѣренные игроки составляютъ свои сообщества, ловятъ охотниковъ и обираютъ ихъ до послѣдняго. Неопытные попадаются имъ въ сѣти и погибаютъ. — Если приглашаютъ кого либо на чашку чая, то это значитъ для игры, и того приглашаютъ, кто играетъ. Просвѣщенный человѣкъ не годится имъ, добрый и умный не ихъ прихода. Кажется, что болѣе занимаются картами, нежели науками. Отчаяннымъ игрокамъ ни почемъ проиграть нѣсколько тысячъ и болѣе. — Между тѣмъ, если бы сотая часть изъ проигранной тысячи была ими удѣлена въ пользу общественную: на просвѣщеніе, науки, о, съ какою благородной гордостію можно бъ было указать на такихъ любителей наукъ.—Ими достойно бы хвалились современники, а отдаленное потомство не забыло бы ихъ. Увы! столько на свѣтѣ богачей, и

приказъ, и тѣмъ ворамъ чинить указъ тотъ же, какъ писано выше сего о татѣхъ,—т. е: судить уголовнымъ судомъ.

Указъ 1696 г. февр. 18. и. 26.: тѣмъ людямъ, у кого карты и зернь вынутъ, велѣть ихъ бить кнутомъ.—Ук. 1717 г. дек. 11., чтобъ никто не игралъ въ деньги, подъ тройнымъ шрафомъ имѣющихся денегъ въ игрѣ. Ук. 1733 г. генв. 23: за превое преступленіе по вышеозначенному 1717 г. указу, тройнымъ взятіемъ имѣющихся денегъ и остального въ игрѣ, и изъ нихъ давать объявителю объ игрѣ третью часть, а двѣ доли на госпиталь. Будеже кто въ ономъ преступленіи явится вторично, таковыхъ сверхъ онаго взятья, сажать въ тюрьму на мѣсяцъ а подлыхъ (простого сословія) бить батогами не щадно, а за третіе преступленіе, сверхъ взятія денежного, оное наказаніе умножить вдвое, а кто уже за тѣмъ пойманъ будетъ, съ таковымъ поступать жесточае, смотря по важности дѣла.—Въ слѣдъ за эттмъ идетъ рядъ указовъ, подтверждающихъ запрещеніе азартной игры, какъ то: 1747 г. мар. 11., 1761 г. іюн. 16., 1763 г. іюл. 21, 1766 г. генв. 30., 1782 апр. 8., 1787 г. мая 28., 1801 г. іюл. 11., 1919 г. іюн. 19., 1832 г. марта 12., и Уставъ благоч. ст 257, пунк. 1.–6.

столько добра многіе изъ нихъ проигрываютъ! — Не заслуживъ добраго имени, отчаяные игроки часто умираютъ въ нищетѣ и въ презрѣніи. И тѣ, кои причиною ихъ бѣдствій, не имѣютъ ни малѣйшаго къ нимъ ни состраданія, ни человѣколюбія. Проигравшіеся оканчиваютъ жизнь въ мученіяхъ совѣсти и голода, и губители ихъ не подаютъ имъ даже куска черствого хлѣба.

Ни въ Германіи, ни во Франціи, не играютъ съ такимъ пристрастіемъ въ карты: тамъ повсюду есть свои общества, гдѣ проводятъ время въ танцахъ и другихъ забавахъ; курятъ цыгары, сидя за пивомъ, и разсуждаютъ о предметахъ промышленности, торговлѣ, художествѣ, просвѣщеніи, однимъ словомъ: о всемъ томъ, что питаетъ сердце и просвѣщаетъ умъ. — Я всякій разъ приходилъ въ восторгъ отъ ихъ собраній, и завидовалъ имъ. —

II. ХОРОВОДЫ.

I. ВЕСЕННІЕ и II. ЛѢТНІЕ.

I. Весенніе: значеніе хоровода, созываніе дѣвушекъ въ хороводъ, приглашеніе парней въ хороводъ, садить хрѣнъ, страсть дѣвушекъ къ забавамъ, алая заря, вѣночки или женихъ ищущій невѣсту, выборъ невѣстъ, при долинѣ соловей, пташка на кусту, казачекъ удалой, при дубровѣ во краяхъ, со пути со города, шляпа мурманка, яртынь трава, лугъ лужечекъ, около городу ходила я, ясное золото, оленюшка, дубовая лава, пряха, утеня; царевъ, сынъ королевъ; свѣтлый князь, храбрый князь, сиротинушка, сватовство, женихъ по сердцу, высматривающій невѣсту, Бориса женить, тоска дѣвушки, подушечка, тоска молодой женщины по своей родинѣ, красная дѣвица, дороговизна на дѣвицъ, игры, довольный мужъ своею женой, сходбище, посѣвъ льна, никольщина, бранье ягодъ, байданъ. II. Лѣтніе: русая коса, невѣста, сравненіе новыхъ родственниковъ, замужъ; любить не люблю, отказать не хочу; подарокъ, покорище дѣвицы, женихъ, коверъ, замужняя жизнь, женина любовь, ревнивая жена, ревнивый мужъ, женинъ разладъ, старый мужъ и молодый мужъ, вдова, гуляй—гуляй, разгульная жена, молодецкій сынъ, Донъ Ивановичъ, бурлаки, заинька, гуси, синичка, воробушекъ, воробушки, воложанинъ, ящеръ, селезень, пиво варить, макъ растить, просо сѣять, бранье льна, плетень, барское угощеніе; вьюнъ и кругъ (олонецкіе хороводы).

II. ХОРОВОДЫ.

I. ВЕСЕННІЕ И II. ЛѢТНІЕ.

I. ВЕСЕННІЕ ХОРОВОДЫ.

Значеніе хоровода.

Не возможно обозначить времени и мѣста происхожденія хороводовъ, ибо они принадлежатъ глубокой древности, и составляли первоначально часть языческихъ религіозныхъ обрядовъ. Ассиріяне и Вавилоняне, еще за 2000 л. до Р. Х., при приношеніи жертвъ Вавилу, совершали хороводныя пляски вокругъ его жертвенника. У Грековъ возвышались религіозные обряды торжественностію хороводныхъ танцевъ, называемыхъ каравино, и пѣніемъ у жертвенника гимновъ, одними непорочными дѣвушками. Онѣ одѣвались тогда въ бѣлыя платья, и украшали свои головы цвѣточными вѣнками.

Прекрасно изображенъ хороводъ Гомеромъ:

Юноши хорами въ пляскахъ кружатся; межъ нихъ раздаются
Лиръ и свирѣлей веселые звуки; почтенныя жены
Смотрятъ на нихъ и дивуются....
Въ кругѣ ихъ отрокъ прекрасный по звонкорокочущей лирѣ
Сладко бряцалъ, припѣвая прекрасно подъ льняныя струны,
Голосомъ нѣжнымъ, они жъ вокругъ него—пляшучи стройно,
Съ пѣньемъ и съ крикомъ и съ топотомъ ногъ хороводомъ
несутся.—
Юноши тутъ и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ,
Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетяся руками.—

Дѣвы въ одежды льняныя и легкія, отроки въ ризы
Свѣтло одѣты, и ихъ чистотой какъ елеемъ сіяютъ. —
Тѣхъ вѣнки изъ цвѣтовъ прелестные, всѣхъ украшаютъ;
Сихъ золотыя кожи, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ.
Пляшутъ они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной,
То разовьются и пляшутъ рядами, одни за другими. —
Купа селянъ окружаетъ плѣнительный хоръ, и сердечно
Имъ восхищается; два среди круга ихъ головоходы,
Пѣніе въ ладъ начиная, чудесно вертятся въ срединѣ (*).—

Въ послѣдствіи времени хороводы образовали веселіе, однихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, собираясь на лугу въ праздничные дни, пѣли круговыя пѣсни и танцовали, и страсть къ этой забавѣ, до того распространилась между европейскими Греками, что Аспазія, женщина необыкновенной красоты, покровительница наукъ и изящнаго, заставила однажды важнаго философа Сократа, принять участіе въ хороводномъ веселіи. На олимпійскихъ играхъ отличныя пѣвицы и танцовщицы, показывали свое искуство въ хороводахъ. Правители республикъ, знаменитые и великіе люди, присудствовали на этихъ забавахъ, вмѣстѣ съ народомъ. Всеобщее одобреніе и вѣнокъ, служили наградою отличившимся.

Въ древнемъ Римѣ хороводы составляли священные обряды: тамъ дѣвушки пѣли благодарственные гимны, предъ изображеніями боговъ; но когда повсемѣстныя увеселенія, перешли за кругъ освященныхъ обрядовъ, тогда хороводы превратились въ народныя забавы.

Ни одинъ народъ въ Европѣ, кромѣ Славянъ, не

(*) Гнѣдичъ: Иліада Гомера, пѣснь XVIII. стих. 494 – 496, 569-572, 593-600 и 601-605. Изд. 1839 г.

усвоилъ ихъ съ своей жизнею, и никто не сохранилъ ихъ для своей забавы, съ такими многообразными измѣненіями, какъ русскіе Славяне. Германцы, отъ природы мрачные, задумчивые и чуждые веселыхъ забавъ, не знаютъ хороводовъ. Ихъ народные танцы и круговыя пѣсни, не могутъ сравниться съ русской пляскою и восхитительными напѣвами нашихъ, народныхъ пѣсней. Хороводы наши, душа увеселеній дѣвушекъ, слились съ русской жизнію. Нѣтъ деревни, гдѣ бы не совершались они. Дѣвица, которая не принимаетъ участія въ веселости своихъ подругъ, дѣлается предметомъ замѣчаній: вѣрно болитъ у ней сердце? вѣрно нѣтъ здѣсь ея дружка? и для кого ей выказывать себя? Всѣ дѣвушки непремѣнно стараются показать здѣсь свою игривость и непринужденную ловкость; поютъ, рѣзвятся, шутятъ, бѣгаютъ, вертятся попарно и вѣнцемъ, кружатся и раскланиваются. Но хороводныя игры, не вездѣ отправляются единообразно; смотря по мѣстности и пѣсни, онѣ измѣняются или въ дѣйствіи или въ самомъ пѣніи. (*)

Духъ хороводныхъ пѣсней есть семейная жизнь. Въ нихъ живо передано веселье и думы нашихъ предковъ; въ нѣкоторыхъ попадаются колкія замѣчанія о семейномъ бытѣ и его порокахъ. — Время сочиненія хороводныхъ пѣсней и имя сочинителей, неизвѣстны. Судя по слогу, онѣ относятся къ разнымъ вѣкамъ, за исключеніемъ не многихъ, а именно: синичка, макъ ростить, просо сѣять, которыя должны быть XVI в., всѣ прочія XVII и XVIII в. но и эти искажены мѣстностію до того, что нельзя опредѣлить настоящей ихъ

(*) Въ Малороссіи хороводы извѣстны подъ именемъ веснянокъ, въ коихъ однако заключаются весеннія пѣсни.

эпохи. Что же относится до сочинителей, то они были изъ простолюдиновъ, потому что никто другой не могъ выразить, съ такимъ простодушіемъ и такимъ знаніемъ сельскаго житья, какъ тотъ, кто родился, взросъ и наслаждался въ простотѣ природы, неподдѣльными забавами; сочувствовалъ имъ и передавалъ въ тоническомъ распѣвѣ, не гоняясь за вычурными выраженіями.

При наступленіи игръ и забавъ, взякій спѣшитъ на улицу; старики садятся предъ окнами своего дома, а молодые разсыпаются по улицѣ, или становятся въ кружокъ. Мущины составляютъ свои отдѣльные круги, а женщины свои, но каждый, подходящій къ собесѣдникамъ, снимаетъ шапку и привѣтствуетъ: *миръ вашему сидѣнью.* — Ему отвѣчаютъ, снявъ шапки: *поди къ нашему смиренью*; онъ садится съ краю завалины.— Бесѣда идетъ, — о чемъ? Домоводство, пашня, посѣвъ, скотоводство, распоряженія опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, распоряженія начальства, ряды старосты, судъ головы и, гдѣ люди безъ страстей? — пересуды сосѣдовъ или сосѣдокъ перебираются ихъ въ разговорахъ. Въ то же время собесѣдники, не забываютъ любоваться разнообразно живой окрестностью: за рѣчкою пасутся на зеленѣющемъ лугу кони, свободные на нынѣшній день отъ плуга; за рощею чуть видна колокольна ближайшаго села; за пригоркомъ извивается черная полоса дороги, по которой ѣздятъ въ поле. Здѣсь, ближе въ рѣчкѣ, плаваютъ утки и гуси, съ своими малютками. Но живѣе рисуется деревенская улица, протянувшаяся по возвышенному берегу рѣчки. Здѣсь дѣвушки снуются въ разноцвѣтныхъ уборахъ; бѣгаютъ одна за другой; смѣются и любуются своими нарядами. Хорошъ на ней московскій сарафанъ, но эта прекраснѣе въ русскомъ: стянутая подъ взволнованными грудями, шелковымъ поясомъ, какъ она стройна и гибка! На нѣ-

которыхъ набросанъ на головѣ шелковый платокъ, на другихъ золотая лента, съ широкой подизью. Рѣзвыя и легкокрылыя, онѣ идутъ съ конца улицы къ тому мѣсту, гдѣ всегда собираются играть хороводъ; онѣ идутъ и поютъ:

Выходили красны дѣвушки
Изъ воротъ, гулять на улицу.
Выносили соловеюшку на ручникѣ,
Посадили соловеюшку на травыньку,
На муравыньку, на цвѣты лазоревы.
Соловеюшка разсвищется,
Красны дѣвушки распляшутся,
А молодушки расплачутся:
Поиграйте, красны дѣвушки,
Поколь волюшка жить у батюшки,
Поколь нѣгушка у матушки.
Неровенъ женихъ присватается,
Неровенъ, какъ чёртъ навяжется:
Либо старый и удушливый,
Либо малый и недужливый,
Либо ровня, горькій пьяница.
Ужъ я стараго утѣшила,
На осинушку повѣсила;
Ужъ я малаго утѣшила,
Возмахнула, въ воду бросила.
Ужъ со ровнюшкой гулять пошла.

Но не думайте, чтобы душа русской дѣвицы, омрачалась чувствомъ скорбнымъ при этой пѣсни; чтобы она вѣрила жалобамъ молодыхъ женщинъ, которыя вмѣшиваются въ ихъ хороводъ и поютъ эту пѣснь. Дѣвицы самы поютъ ее, и тутъ же смѣются; смотрятъ на парней, которые вьются около веселой ихъ толпы, вертятся и кружатся свободно; потомъ, побравшись онѣ за

руки, составляютъ кругъ, движущійся въ обѣ стороны, и поютъ:

Какъ у насъ во торгу кличь кликали,
А что дорого? а что дешево?
Дорожили красныхъ дѣвушекъ:
Первая во сто рублей,
Другая во тысячу,
А третьей цѣны нѣтъ!
Дешевы во торгу добры молодцы:
По семи молодцовъ за овсяный блинъ,
Восьмой на придачу,
Девятый въ провожаты,
Десятый съ конемъ и съ сѣдломъ
И съ золотой уздой. —

Въ большихъ селахъ собираются хороводы не въ одномъ мѣстѣ, а на обѣихъ концахъ главной улицы. Тогда взоры зрителей развлекаются по обѣимъ сторонамъ. Одинъ хороводъ съ одного конца а другой съ другого, идетъ напротивъ и поетъ:

Возлѣ тыну хожу,
Я каперъ траву сажу.
Не быть капру,
Съ тыномъ ровну;
Не быть свекору,
Противъ батюшки;
А свекрови,
Противъ матушки.

Сошедшись оба хоровода, поютъ вмѣстѣ:

Подойду, подойду,
Подъ Царь—городокъ;

Вышибу, вышибу,
Копьемъ стѣну....

За этимъ мѣняются игры и пѣсни. Порядокъ ихъ зависитъ отъ произвола и выбора хоровода. Почти каждая пѣснь сопровождается мимикою: тихою и плавною. Хороводъ то строится въ ряды, то свивается въ кружокъ, — по содержанію пѣсни. Вотъ идутъ въ одинъ рядъ игривыя дѣвушки и поютъ; потомъ расходятся и вновь собираются, задумывая играть хороводъ. —

Собравшіяся дѣвушки на зеленой полянѣ или на улицѣ, берутся за руки, дѣлаютъ кругъ и начинаютъ созывать подружекъ въ хороводъ. Во время пѣнія онѣ ходятъ кружкомъ: Созываніе дѣвушекъ въ хороводъ.

Травонька, муравонька зацвѣла,
Я вечоръ та молодая, въ хороводѣ не была.
Красна дѣвушка прошаталася,
Съ милымъ дружкомъ каталася.
Мой милой дружекъ, не женатой, холостой,
Онъ приглядчивъ и хорошъ,
На меня молодецъ похожъ. —
Собиралися дѣвушки всѣ во кружокъ,
Расходилися во лѣсокъ,
Садилися на лужокъ:
Гдѣ муравонька и цвѣтокъ. —
Сорывали съ цвѣтовъ цвѣточки,
Надѣвали на головы вѣночки.
Пошли въ хороводъ, пошли въ хороводъ!
Въ хороводѣ веселились,
По забавушкамъ пустились.
Пѣсни славно запѣвали,
Подружечекъ собирали:
Собирайтесь во единой кружокъ!

Запоемъ-те пѣсню нову,
Про радость нашу къ хороводу.

Созываніе дѣвушекъ въ хороводъ, само собой выражаетъ свое значеніе: желаніе дѣвушекъ порѣзвиться.

Приглашеніе парней въ хороводъ.

Однѣмъ дѣвушкамъ скучно играть: онѣ посматриваютъ на парней и горятъ нетерпѣніемъ, чтобы они поскорѣй пристали къ нимъ; даютъ имъ знать о своемъ желаніи, глазами и движеніями; послѣ запѣваютъ призывную пѣснь, въ коей соблюдаютъ прежній порядокъ хоровода.

Собиралися ясны соколы, въ дубровушку;
Слеталися бѣлыя лебедушки, въ зеленую.
Со куста на кустъ перелетывали.
Диди, лади, диди, ладушки!
Собирались всѣ на единой на точекъ.
Между собой таковалися,
Всѣ по парѣ разбиралися.
Диди, лади, диди, ладушки!
Онѣ думали, гадали:
Какъ гнѣздушки завивать будемъ?
Какъ теплыя сооружать будемъ?
Диди, лади, диди, ладушки!
Какъ намъ, дѣвушки, хороводъ собирать?
Какъ намъ, краснымъ, новы пѣсни запѣвать?
Одна дѣвица все придумала, удумала.
Диди, лади, диди, ладушки!
Вы подруженьки любимыя!
Вы красавицы, забавницы,
Сходитесь на лужокъ,
Да и станемъ всѣ въ кружокъ.
Вы сцѣпитесь всѣ за ручки,
И пріймите молодчиковъ съ собой.
Диди, лади, диди, ладушки!
Выходите веселыя, веселитися,

Рѣзвыя пары, сохи собирать;
Пары, пары, пашиньку пахать. —
Бѣлъ леночекъ, время сѣять;
Нельзя время упустить. —

Приглашеніе парней въ хороводъ, показываетъ, что забава дѣвушекъ, безъ участія въ ней мущинъ, скучна, утомительна и единообразна. Только тогда и весело красавицамъ, когда рѣзвятся съ ними беззаботные и игривые молодцы. Тогда и радость, когда веселится безпечность.

Составивъ большой кругъ, берутся дѣвушки за руки. Между тѣмъ одна дѣвушка становится въ кругу а другая, насупротивъ ея, за кругомъ: обѣ онѣ, взявшись за руки, поднимаютъ и опускаютъ ихъ на голову каждой изъ дѣвушекъ, обходя вокругъ всѣхъ до трехъ разъ.— Это значитъ садить хрѣнъ. Въ то время поютъ хороводныя: Садить хрѣнъ.

Ужъ ты хрѣнъ, ты мой хрѣнъ,
Садовый ты мой хрѣнъ!
Кто тебя садилъ?
Кто тебя поливалъ?
Поливала Селифанова жена,
При дороженькѣ жила,
Со удалымъ молодцемъ.
Я ему сулила, я ему дарила,
Два коня вороныхъ,
Двѣ плети шелковыхъ.
Гдѣ калина, гдѣ малина,
Тутъ и дѣвушки сидятъ,
Про межъ себя говорятъ,
Въ хороводъ итти хотятъ.

Обойдя три раза кругъ, при безпрерывномъ пѣніи, садившія хрѣнъ входятъ въ хороводъ и начинаютъ всѣ

кружиться. Если хотятъ продлить игру, то выходятъ другія дѣвушки садить хрѣнъ.

Наши сельскія дѣвушки потѣшаютъ себя, между работой, пѣсенками, которыми смягчаютъ самые тяжелые труды. Имъ бы хотѣлось покинуть работушку и заняться лучше хороводомъ, потому сговариваются между собою: какъ бы намъ дѣвушки, зачать хороводъ!— Забавы и игры, удѣлъ молодости, высказывается въ этой игрѣ.

Страсть дѣвушекъ къ забавамъ.

Составивъ хороводный кругъ, дѣвушки и мущины поютъ всѣ вмѣстѣ:

Ты зоря ли, моя зоринька,
Зоря вечерняя, игра наша веселая!
Вы играйте красны дѣвушки,
Покудова вы у батюшки,
У родимыя у матушки.
Отдадутъ насъ во чужи люди,
Во незнамые, не знакомые.
Намъ не будетъ такой волюшки!
Бѣлы руки грязью замараются,
Лице отъ солнца закрасивѣется. —
Свекоръ батюшка, у воротъ стоитъ;
Онъ меня, младу, домой зоветъ.
Я нейду домой, не слушаю:
Не доиграны наши игры,
Не допѣты наши пѣсеньки,
Не добаины басеньки.

Послѣ этого становится въ средину парень. Онъ, представляя свекра, выполняетъ угрозы и старается разогнать дѣвушекъ домой. При послѣднемъ стихѣ: красныхъ дѣвокъ высылать,—онъ беретъ дѣвушку насильно, выталкиваетъ ее изъ круга и гонитъ домой, покрикивая: вотъ я тѣ, разгулялась! домой!—Дѣвуш-

ки начинаютъ снова пѣть, и продолжаютъ пѣть дотолѣ, пока парень не прогонитъ всѣхъ изъ круга и не разгонитъ.

Ужъ вы дѣвушки, красавицы!
Не пора ли вамъ игры оставлять?
Не полно ли вамъ пѣсни распѣвать?
Мы оставимъ всѣ гулянья, —
Насъ домой всѣхъ кричатъ!
Родной батюшка зоветъ,
Родна матушка грозитъ.
Намъ не хочется итти
Намъ охотно погулять,
Въ хороводѣ поиграть. —
Разудалой молодецъ,
Своимъ дѣтушкамъ отецъ:
Онъ и бѣлой, кудреватъ,
Красныхъ дѣвокъ высылать.

Эта игра выражаетъ явно, что дѣвушки веселились бы вѣчно, если бы не останавливали ихъ. Дѣвицы думаютъ, что онѣ родились для однихъ веселостей, забывая, что всему есть время: время забавамъ и время благоразумію. Мечтательность и вѣтреность, неразлучные спутники красавицъ.

Въ срединѣ круга сидитъ горюющая дѣвушка: она тужитъ, что ее не пускаютъ веселиться. Алая заря.

Разсвѣтала алая заря,
Разсвѣтала алая заря;
Растужилась, расплакалась,
Красна дѣвушка душа,
У батюшки во терему сидючи.
Проснлася красна дѣвица,
У родимой матушки,

Къ подружечкамъ съ рукодѣльемъ посидѣть.—
Ее мати не пускала, рукодѣлья не давала.

Она бѣгаетъ въ отчаяніи по кругу.

Красавица съ горечи бѣжала,
Во темныя во лѣса: не увижу ли дружка?
Вы лѣса мои, лѣсочки,
Приклонитеся къ землѣ,
И развѣйтесь всѣ зеленые листы. —
Вы прикройте меня отъ жару,
Сберегите мнѣ лицо. —
Лице бѣло потускнѣло,
На жару оно сгорѣло.

Подъ березою сидѣла, сама себѣ говорила:

Участь моя горькая,
Зла нещастная судьба!

Дѣвушка плачетъ отъ горя, — а горе дѣвушки, когда не даютъ ей воли: тогда всякая изъ нихъ клянетъ свою судьбу.

Привела меня судьба,
Плакать вѣчно навсегда. —
Много слезъ дѣвушка проливала.
Всѣ листочки потопляла.

Является въ кругу парень, представляя себя стрѣляющимъ изъ ружья; потомъ онъ зоветъ свою суженую. Дѣвушка является на его голосъ и обнимаетъ молодца.—

Добрый молодецъ дознался
И во лѣсочикъ отправлялся.
Во ружейце стрѣлялъ,
Громкимъ голосомъ кричалъ:

Ау! милая моя!
Выходи-ка ты сюда.

Всѣ дѣвушки считаютъ себя несчастными, когда не даютъ имъ воли; въ то время онѣ готовы бросить отеческій свой домъ, и всякой ихъ ласкатель, — уже ихъ суженый; о будущемъ не разсуждаютъ.

Вѣночки, или женихъ ищущій невѣсту.

Одна изъ дѣвушекъ, ходящая въ хороводномъ кругѣ, представляетъ жениха, ищущаго невѣсту. — Когда поютъ хороводныя: имя невѣсты, тестя, тещи, шурина, своячиницы; тогда мнимый женихъ выводитъ всякій разъ изъ круга, любимую имъ дѣвушку, и ставитъ ее подлѣ себя. —

А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, вокругъ городочку,
Хожу ль я, найду ли я,
Ласкову себѣ невѣсту.
Ты будешъ мнѣ, красна дѣвушка, невѣстой.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, вокругъ городочку,
Ищу ль я, найду ли я,
Ласковаго себѣ тестика.
Ты будешъ мнѣ, ласковой тестикъ.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку,
Ищу ль я, найду ли я,
Ласкову себѣ тещу. —
Ты будешъ мнѣ, ласкова теща.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку,
Ишу ль я, найду ли я,
Ласковаго себѣ шурина.
Ты будешъ мнѣ, ласковый шуринъ.
А я вью вѣночки, вью зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку,

Ищу ль я, найду ли я,
Ласкову себѣ своячину, —
Ты будешъ мнѣ ласкова своячина.

Набравши упоминаемыхъ въ пѣснѣ особъ, хороводныя начинаютъ пѣть о приготовленіи къ сватьбѣ, а женихъ обращается съ поклономъ къ тестю, тещѣ, свояку и своячинѣ. — Онъ кланяется, когда поютъ ихъ имена. Когда же станутъ посылать ихъ къ чорту, тогда женихъ прогоняетъ въ шею своихъ родственниковъ, и оставляетъ при себѣ одну свою жену.

А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку —
Ласковой тестюшка вари-ка пива.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку —
Ласкова теща, пеки пироги.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку —
Ласковой свояк, осѣдлай коня.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку—
Ласкова своячина, шей-ка ширинку.
А я вью вѣночки, зеленочки!
Хожу ль я, хожу вокругъ городочку.—
Выпивши пива, пошелъ къ черту.

Тесть выталкиваетъ свояка изъ круга, и всякій разъ выталкиваетъ тѣхъ, про кого скажутъ къ чорту.

Съѣвши пироги, пошла къ черту теща.
Изъѣздивши коня, поди къ черту шуринъ.
Износивши ширинку, поди къ черту своячина.
А мы съ тобой невѣста, пойдемъ плясати.

Жена увидѣвъ, что мужъ прогналъ всю ея родню, сердится на него и бросаетъ его самого. — Мужъ упрашиваетъ ее, кланяется, цѣлуетъ и все напрасно. Жена оставляетъ домъ мужа, и уходитъ къ своимъ роднымъ.

Вѣночки изображаютъ мужа, женившагося по расчетамъ: онъ ссорится съ свой роднею, гонитъ ее изъ своего дома и наконецъ доводитъ до крайности свою жену молодую, еще въ медовыхъ мѣсяцахъ,—которая сама оставляетъ его. — Сколько таковыхъ примѣровъ на свѣтѣ!

Выборъ невѣстъ.

Составляется два ряда играющихъ: въ одномъ находятся невѣсты, называемыя царевы, а въ другомъ женихи, называемые бояре. Обѣ половины, побравщись за руки, отходятъ на извѣстное разстояніе, и когда поютъ женихи: вы царевы, и т. д., тогда начинаютъ сходиться оба ряда, другъ противъ друга. — Когда поютъ невѣсты: вы бояре и т. д., тогда начинаютъ отступать обѣ половины. Такимъ образомъ продолжаютъ приступать и отступать, пока не скажутъ: вотъ вамъ невѣсты! Обѣ половины поютъ по перемѣнно.—При требованіи невѣстъ: покажите халатъ, сапоги и шляпу, — женихи имъ показываютъ. Разыгрывая выборъ невѣстъ, наряжаются всѣ какъ можно щеголеватѣе, особенно женихи: у нихъ и рубашка красная, и сапоги вымазанныя, и шляпа поярковая съ троусовымъ перомъ; у нихъ и глаза говорятъ: молодецъ я! Ретивое бьется и кажется, кричитъ подпрыгивая: жениться хочу!

Вы царевы пропустите въ города,
Пропустите въ города!
Вы бояре, вамъ за чемъ въ города?
Вамъ за чемъ въ города?
Вы царевы, намъ невѣстъ выбирать,
Намъ невѣстъ выбирать.
Вы бояре у насъ невѣсты не вырощены,

И цвѣтно платье не сряжено.
Вы царевы, намъ цвѣтно платье
Не нужно, да не нужно.
Вы бояре покажите жениховъ,
Покажите женихóвъ.
Вы царевы, вотъ вамъ женихи,
Вотъ вамъ женихи.
Вы бояре покажите:
Есть ли у нихъ халаты,
Есть ли у нихъ халаты?
Вы царевы, вотъ вамъ халаты,
Вотъ вамъ халаты.
Вы бояре, покажите сапоги,
Покажите сапоги.
Вы царевы, вотъ вамъ сапоги.
Вотъ вамъ сапоги.
Вы бояре, покажите шляпы,
Покажите шляпы
Вы царевы, вотъ вамъ шляпы,
Вотъ вамъ шляпы.
Вы бояре, вотъ вамъ невѣсты,
Вотъ вамъ невѣсты.

Указавъ на невѣстъ, т: е: на всѣхъ дѣвушекъ, предоставляется парнямъ выборъ любой, и не рѣдко отъ шутокъ доходитъ до дѣла. — Кому изъ дѣвушекъ непріятно скорѣе за мужъ? — Но то бѣда, что женихи разборчивы. — Не смотря на странную привычку жениховъ, а всего болѣе на ихъ вкусъ причудливый: кому нравится чернобровая а кому голубоокая, кому тонкая а кому толстенькая, дородная, румянная, пылкая, кипящая вулканомъ страстей, а кому чтобы и нѣжная и мягкая, — причудливый вкусъ мущинъ! — а какой вкусъ дѣвушекъ? — мы не знаемъ, только знаемъ одно, что онѣ черезъ чуръ взыскательныя, разборчивыя и часто рады, когда отыщутъ имъ жениха: хоть ку-

лыкъ, да лишь бы не просидѣть въ дѣвушкахъ. Случается на грѣхъ, что жениху нерѣдко понравится сатана, лучше яснаго сокола. — Кто жъ послѣ этого не разборчивъ? — Дѣвушки? — нѣтъ! — Мущины? — нѣтъ! Неразборчивъ тотъ, кто перезрѣлъ, и въ доказательство этого сами дѣвушки говорятъ: вотъ вамъ невѣсты, выбирайте, кто вамъ понравится — это значитъ, что онѣ давно были узаконенныя невѣсты, а теперь перезрѣлыя, потому выбирайте: вотъ вамъ невѣсты!

При долинѣ соловей.

Въ кругу стоятъ парень и дѣвушка: оба они горюютъ; парень посматриваетъ на свою дѣвушку, она отворачивается отъ него.

При долинушкѣ калинушка стояла,
На калинушкѣ соловей пташка сидѣлъ,
Тоньку ягоду клевалъ,
Спѣлу, зрѣлу, переспѣлу.
Я устала красна дѣвушка,
Соловьевъ пташекъ шугать, —
Надокучило мнѣ по саду гулять.
Прилетали къ соловью два сокола сизы,
Взяли, брали соловья изъ сада.
Посадили соловья въ высокомъ терему,
Заставляли соловья пѣсенку запѣть.
Ужъ ты пой соловей, голосистой распѣвай!
Приутѣшъ сокола, при кручинѣ при такой;
Взвесели при печалѣ, красну дѣвушку душу.
Что ты молодецъ не женатъ? —
Мнѣ жениться давно хочется.
Хуже себя взять не хочется,
Черезъ дворъ живетъ молода вдова,
У ней есть дочка молода,
Молода, хороша, Машинька душа.
Какъ и по мосту, мосточку,
Ой калина, ой малина!
По калиновому частому,
Селезень переходитъ,

Сѣру утку переводитъ.
Ой калина, ой малина! —
Калинъ мостикъ обломился,
Сѣра утка потонула.

Дѣвушка скрывается изъ круга, парень плачетъ по ней.

Ой калина, ой малина!
Тужетъ, плачетъ селезень:
Какъ бы мнѣ ее не жаль,
И не сталъ бы я тужить.
Ой калина, ой малина! —
Калинъ мостикъ возмостился.

Дѣвушка является въ кругу, парень тутъ радуется и они оба обнимаются и цѣлуются. Дѣвушки, называемыя въ предпослѣднемъ стихѣ утками, — удивляются перемѣнѣ своей подругѣ, которая первоначально не любила его и не хотѣла итти за него за мужъ. — Безчисленное множество примѣровъ, что дѣвушки сначала не любятъ, а потомъ полюбятъ; сначала клянутся, что готовы лучше лишить себя жизни, нежели итти за мужъ за немилаго, не по сердцу, а потомъ сами влюбляются въ немилаго. По этому выходитъ: что мущина, будь не много получше бѣса, полюбится красавицѣ, слѣдовательно: должно ли вѣрить женскимъ клятвамъ, и ихъ отчаянію? — по большой части всё притворное.

Сѣра утка всплыла.
Ой калина, ой малина!
Селезень возрадовался:
Они стали цѣловаться,

Протчія утки дивоваться
Ой калина, ой малина!

Смыслъ этого хоровода выраженъ уже выше: т: е: что многія дѣвушки, обнаруживая притворную ненависть, облекаютъ ее въ любовь. —

Дѣвушка ходитъ въ кругу; она прикрывается платкомъ, стыдясь смотрѣть на своихъ подругъ. Пташка на кусту.

Сидитъ пташка во саду, (*)
На яблонкѣ во кусту:
Хорошо пташка поетъ, —
Она весело живетъ. —
Охъ ты пой, распѣвай,
Тоску, скуку забывай.
Если пѣсенокъ не пѣть,
Хлѣба соли не имѣть,
Во снаряды не ходить,
Про любовь не говорить.
Ты полянка, поляночка моя,
Да и гдѣ ты, поляночка, погуливала?
Да и гдѣ ты, поляночка, разгуливала?
Не слыхать про тебя. —
Ровно не было тебя!
Какъ на бѣлой зарѣ,
Проявилася красна дѣвка на дворѣ;
Какъ на бѣлой зарѣ, проявилася. —
Вотъ всѣ дѣвушки говорятъ,
На красну дѣвицу глядятъ.

(*) *Пташка на кусту* и *при дубровѣ во крайхъ*, помѣщенныя здѣсь въ числѣ хороводовъ, собственно суть плясовыя; но какъ ихъ разыгриваютъ вмѣсто хороволовъ (въ волгскомъ уѣздѣ саратовской губ.), то потому онѣ внесены сюда.

Не дивитесь, не глядитесь, подруженьки мои!
Не дождавши дружка,
Я сама съ милымъ пришла.

Она выводитъ изъ круга парня, который, обнявъ ее, ходитъ съ нею. —

Лучше сперва запоемъ-те казачка,
Про того ли казачка, про забавнйчка.
Ты казакъ, казач ,

Дѣвушки скачутъ и пляшутъ.

Казакъ, миленькой дружекъ!
Тебѣ скачемъ, тебѣ пляшемъ,
Тебѣ пѣсеньки поемъ,
Тебѣ честь отъ (*) воздаемъ. —
Поздно на дворѣ, намъ пора со двора,
Ты прости казачекъ.

Казакъ, котораго разыгривалъ парень, уходитъ изъ круга; дѣвушка прощается съ нимъ и клянется любить его во вѣкъ.

Прости, сердце мое!
Я любить тебя буду,
И во вѣкъ не забуду.

Ежедневные и ежечасные примѣры, свидѣтельствуютъ, что дѣвушки клянутся любить вѣчно, по гробъ. И если бы кто осмѣлился разлучить нѣжныхъ любовниковъ, на этомъ свѣтѣ; то они соединятся на томъ свѣтѣ, ужъ на вѣки. Тамъ, говорятъ они,

(*) *Отъ*, сокращенное вотъ.

сердца нѣжныя будутъ дышать невинностію, и чуждыя пылкой страсти, коварной измѣны, будутъ жить безъ слезъ, обнимаясь и цѣлуясь, вѣчно, вѣчно. И только тамъ будутъ ворковать свободно: я твоя! я твой! и всякій разъ признаніе будетъ запечатлѣваться поцѣлуемъ чистѣйшей любви, — а та, какая была на этомъ свѣтѣ, — про то знаютъ одни любовники страстные. —

Казачекъ расхаживаетъ въ кругу, и поигриваетъ въ гудочекъ. Дѣвушки, кружась вокругъ его всѣмъ хороводомъ, припѣваютъ подъ гудокъ, иногда и пляшутъ.

Казакъ удалой.

Изъ за лѣсу, перелѣсу, шелковая трава!
Ходилъ, гулялъ, донской казакъ,
Ой люшеньки, ой люли!
Онъ гулялъ, во гудочекъ игралъ,
Онъ невѣсту выбиралъ.
Ой люшеньки, ой люли!

Тутъ останавливается хороводъ, выходитъ изъ круга дѣвушка и останавливается предъ казакомъ, который играетъ подъ голосъ пѣсни:

Выходила дѣвушка, тонка и долга
Ой люшеньки, ой люли!
Бѣлоличка, круглоличка, хороша!
Хорошая, пригожая,
Поди за мужъ за меня.
Ой, люшеньки, ой люли!
А не пойдешъ за меня,
Спокаешься навсегда.
Ой люшеньки, ой люли!
Воспомянешъ ты меня,
Удалого молодца.
Ой люшеньки, ой люли!

Здѣсь перестаетъ играть казакъ, только поютъ однѣ дѣвушки:

Пойтить было къ сосѣду,
Спросить про его.
Ой люшеньки, ой люли!
Сударушки, сосѣдушки! каковъ человѣкъ?
Онъ пьяница, пропивается,
Ой люшеньки, ой люли!
Пропьетъ весь домикъ,
За единой стаканчикъ. —

Дѣвушка оставляетъ его съ презрѣніемъ, а казакъ удалой свиститъ себѣ.

Таковы удалые женихи! Удастся, хорошо; не удастся, свиститъ себѣ. Бранитъ невѣсту, поноситъ ея достоинства и весь родъ ея, — и въ добавокъ говоритъ: я самъ отказался.—И если бы я хотѣлъ, какъ бы не отдали за меня, удалого молодца!

При дубровѣ во краяхъ.

Тутъ дѣвушки кружатся въ продолженіи почти всей игры. Стоящая въ кругу дѣвушка, ходитъ весело и любуется собой. Для этого выбирается бѣлолицая, круглолицая, не большая ростомъ и всѣхъ нарядпѣе.

При дубровѣ во краяхъ,
При зеленыхъ лугахъ,
Тутъ цвѣточки разцвѣтали.
Промежъ самыхъ цвѣтовъ.
Красны дѣвушки гуляли;
Красные цвѣточки, алые,
Красныя дѣвушки, румяныя.
Хорошія, пригожія,
Заразили молодцевъ,
Въ хороводѣ, при народѣ.
А мы пѣсню запоемъ,

Про чужую сторону.
Какъ чужая сторона,
Разлучила молодца;
Разлучила молодца,
Отъ матери, отъ отца.
Мнѣ не нуженъ отецъ, мать,
Жаль сударку покидать.
Возьму Любушку съ собою,
Не оставлю безъ себя.
Я знаю, разумѣю,
Какъ въ разлукѣ трудно жить:
Мнѣ въ разлукѣ съ нею не жить,
Лучше жизнь свою лишить.
При долинѣ, при равнинѣ,
Раззеленой кустъ стоитъ.
Какъ на кустикѣ зеленомъ
Соловеюшка сидитъ,
Звонко, громко онъ поетъ,
Въ теремъ голосъ подаетъ.
Какъ во этомъ терему,
Всѣ забавы и прохлады,
Развеселая сама жизнь.
Тамъ цвѣточки разцвѣтали,
Красны дѣвушки гуляли:
Что лучше всѣхъ, то сударушка моя!
Она сама собой не величка,
Бѣлымъ лицомъ круглоличка.
Она ходитъ всѣхъ наряднѣе,
Нельзя Любушку не признать.

Молодецъ выходитъ изъ круга, подходитъ къ ходящей въ кругу дѣвушкѣ, снимаетъ шапку и кланяется ей; потомъ беретъ ее за руку и цѣлуетъ при народѣ.

Признавалъ, узнавалъ,
Одинъ молодецъ удалъ.

Онъ за рученьку бралъ
Прочь отъ дѣвушекъ отзывалъ,
Онъ полою одѣвалъ, при народѣ цѣловалъ (*).

Вездѣ гордятся дѣвушки своей красотой, и вездѣ онѣ умѣютъ побѣждать.

Со пути со города.

Въ кругу хоровода ходитъ парень, отеческій сынъ. Дѣвушки поютъ:

Откуда, откуда молодецъ?
Откуда отецкой сынъ?
Вы люди добрые! я со пути, со города,
Со пути со дороженьки,
Со дальной сторонушки.—
Покажи-ка молодецъ,
Свою шляпу черную

Онъ снимаетъ съ себя шляпу, поднимаетъ ее высоко, и говоритъ: вотъ! у меня шляпа пуховая. — Дѣвушки продолжаютъ пѣть:

Вотъ вамъ люди добрые,
Шляпа черная, шелковая.
Откуда, откуда молодецъ?
Откуда отецкой сынъ?
Вы люди добрые! я со пути, со города,

(*) Когда парню по сердцу дѣвушка, тогда онъ обходится съ нею свободнѣе, чтобы всѣ видѣли, что онъ любитъ ее; ходитъ съ нею вмѣстѣ, дозволяетъ себѣ вольность: обнимать и цѣловать, забывая, что посторонніе это видятъ. Но любовь вездѣ слѣпая; часто парень, прижимая свою милую, прикрываетъ ее полой своей одежды, чтобы защитить стыдливость отъ укоризненыхъ взглядовъ, потому сказано здѣсь: онъ полою одѣвалъ при народѣ цѣловалъ.

Со пути со дороженьки,
Со дальной сторонушки.—
Покажи-ка молодецъ,
Свои кудри русые.

Онъ скидаетъ шляпу.—Вотъ кудри мои русые. Надѣваетъ шляпу и ходитъ по кругу. Дѣвушки поютъ:

Вотъ вамъ, люди добрые,
Мои кудри русые.
Откуда, откуда, молодецъ?
Откуда отецкой сынъ?
Вы люди добрые! я со пути, со города,
Со пути со дороженьки,
Со дальной сторонушки.—
Покажи-ка молодецъ,
Свои руки бѣлыя.

Онъ поднимаетъ руки вверхъ и говоритъ: вотъ вамъ, мои руки бѣлыя.—Дѣвушки продолжаютъ:

Вотъ вамъ, люди добрые,
Мои руки бѣлыя!
Откуда, откуда молодецъ?
Откуда отецкой сынъ?
Вы люди добрые! я со пути, со города,
Со пути со дороженьки,
Со дальной сторонушки. —
Покажи-ка молодецъ,
Свою молоду хозяюшку.

Онъ подходитъ къ дѣвушкамъ, ищетъ ее между ними, и которая ему нравится, выводитъ на средину круга и говоритъ: вотъ вамъ! моя молода хозяюшка. Тутъ обнимаетъ ее и цѣлуетъ. — Дѣвушки поютъ:

Нате вамъ, люди добрые,
Молоду мою жену.
Моя-то жена чернобровая,
Черноглаза, разхорошая душа!

Шляпа мурманка

Въ кругѣ разхаживаетъ пьяной панъ, вдали его стоитъ панья. — При уроненіи имъ шляпы, онъ требуетъ, чтобы жена подняла и подала ему.

Ѣхалъ панъ отъ князя пьянъ,
Уронилъ шляпу мурманку (*).
Гаркалъ панъ на свою панью молодую:
Подь сюды, панья моя молодая!
Подыми, подыми, мою шляпу мурманку.

Панья отвѣчаетъ съ хороводными:

Я тебѣ, панъ, не служанка;
Я служанка родимому батюшкѣ,
Родимой матушкѣ.

Тутъ поютъ однѣ хороводныя:

Ѣхалъ панъ отъ князя пьянъ,
Уронилъ шляпу мурманку.
Гаркалъ панъ на свою панью молодую:
Подь сюды! подь сюды!
Панья молодая!
Подыми, подыми,
Мою черну шляпу мурманку.

(*) *Мурманки*, старинныя шапки, вышиною болѣе полъ-аршина; онѣ опушивались дорогимъ мѣхомъ, и ихъ носили Великіе Князья и бояре. Въ торжественныхъ выходахъ не снимали ихъ съ своихъ головъ.

Панья поднимаетъ и надѣваетъ ему на голову.

Я тебѣ панъ, служанка,
Подыму тебѣ черну шляпу мурманку,
Надѣну шляпу на буйну головку. (*)

Мужья поступали прежде съ своими женами, какъ съ служанками. Потому этотъ хороводъ выражаетъ деспотическую власть мужей.

Яртынь трава.

Дѣвушки и парни поютъ вмѣстѣ, побравшись за руки. Одна дѣвушка ходитъ печальная.

Кто у насъ, кто у насъ,
Яртынь траву притопталъ? —
Притоптали яртынь травку,
Заволжинскіе бояре:

Парень, представляющій бояровъ, ходитъ за дѣвушкой, — это значитъ, что онъ ловитъ ее:

Ловили они душу, красну дѣвушку:
Красна дѣвушка не давалась,

Она убѣгаетъ отъ него, прикрываясь платкомъ:

Во лѣсочекъ удалялась,
Тонкимъ листомъ укрывалась.

Однако бояринъ словилъ ее, и это значитъ, что онъ отыскалъ ее, — и повелъ къ жениху.

(*) По употребленію здѣсь словъ: панъ, панья, гаркалъ и мурманка, должно полагать, что этотъ хороводъ принадлежитъ къ стариннымъ.

Отыскали дѣвушку въ лапуху,
Во горькой во травѣ,
Близь ключевой воды.
Повезли дѣвицу,
Во Царевъ городокъ: (*)
Чѣмъ ты насъ, Царь, пожаловашъ?—
Жаловалъ намъ Царь,
День за ночь, во сто рублей;
За недѣлю годъ, во тысячу.

Это намекъ на тѣ прежніе обычаи, когда сваты ѣздили сватать изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ. Ласками и хитростями, они успѣвали, а дѣвушка: хочъ не хочъ, должна была принять вѣнецъ въ церквѣ Божіей.

Лугъ лужечекъ.

Собравшіяся дѣвушки на зеленой полянѣ, или на ровномъ мѣстѣ, кружатся и поютъ. При этомъ онѣ топчутъ ногами, представляя, что онѣ топчутъ траву:

Лугъ ты мой, лугъ зеленной!
Зеленъ лугъ, лужечекъ.—
Кто тебя топталъ?
Да кто толочилъ? —
Топтала дѣвица,
Другая вдовица,
Третья молодица.
У той молодицы,
Мужа дома нѣтъ.
Уѣхалъ мужъ во Москву,

(*) Имя города Царева — примѣненіе къ мѣстности. — Эта пѣснь взята изъ г. Царева, саратовской губ. Должно замѣтить, что при этой пѣсни всякій разъ вставляется имя того города, въ которомъ разыгрываютъ этотъ хороводъ.

Бѣлилъ закупать.
Какъ пріѣхалъ муженекъ,
Во единой во денекъ;
Привезъ онъ бѣлилъ,
Сталъ жену дарить.

Тутъ дѣвушка въ шляпѣ, представляющая мужа, идетъ къ ходящей въ кругу дѣвушкѣ, беретъ ее за руку, ставитъ ее посреди круга, и даетъ ей платокъ, вмѣсто бѣлилъ; она сердито отворачивается, бросаетъ на землю и не глядитъ на своего мужа. — Дѣвушки поютъ, вмѣстѣ съ мнимымъ мужемъ:

Ты пріими-ка жена, не ломайся!
Ты пріими-ка душа, не гордися.
Поглядите, люди добрые!
Какъ жена меня не любитъ,
На добраго молодца не глядитъ.
Я поѣду молодецъ, во Китай городъ,
Я куплю своей женѣ,
Гостинчекъ дорогой.
Такой гостинчекъ, — башмаки.
Ты пріими жена, не ломайся!
Ты пріими душа, не гордися.

Она бросаетъ башмаки на землю. Дѣвушки поютъ:

Поглядите-ка люди добрые!
Какъ жена меня не любитъ,
На добраго молодца не глядитъ,
Я поѣду молодецъ, во Китай городъ,
Я куплю своей женѣ гостинчекъ.
Такой гостинчекъ дорогой,
Щелковую плетку.
Ты пріими жена, не ломайся!
Ты пріими душа, не гордися.

Она тотъ часъ обращается къ нему, обнимаетъ его и цѣлуетъ. — Дѣвушки поютъ:

Поглядите-ка люди добрые!
Какъ жена мужа любитъ,
Изъ глазъ своихъ не спускаетъ:
Гдѣ не сойдется, все поклонится,
И другъ съ дружкой поцѣлуются.

При этомъ они цѣлуются, а кругъ расходится врозь.

Сдѣлавшись женой, надобно быть покорной, а не своенравной. Прадѣды наши управлялись, съ дражайшими своими половинами, очень скоро,—плеткой. Конечно, этого средства нельзя допустить въ нашъ вѣкъ, но и въ наше время ни одному мужу приходитъ мысль, — разумѣется мысль варварская, несообразная при нѣжности нашего прекраснаго пола, — чтобы прибѣгнуть иногда къ смирительной пружинѣ: отъ того, что горькой опытностію дознано: пагубна воля жены.

Около городу ходила я.

Около хороводнаго круга, представляющаго городъ, ходитъ молодая жена и побрякиваетъ перстнями. Когда пропоютъ: поклонись ты пониже,—молодецъ выходитъ изъ круга, кланяется ей, и потомъ прижимаетъ ее.

Около городу ходила я!
Во тѣмъ ли городу
Золоты перстни мѣняю. —
Отворяй-ка ворота, господинъ!
Подойди-ка господинъ, поближе,
Поклонись-ка ты пониже,
Прижми къ сердцу по плотнѣе.

Молодая жена, отлучающаяся изъ дому по произволу, приноситъ съ собой подарочки, а слабый мужъ

принимаетъ ее. Онъ хотя догадывается, откуда приноситъ жена; однако онъ думаетъ: обуха плетью не перешибешъ. — Философія добросердечныхъ рогоносцевъ.

Молодка пляшетъ въ кругу, и ей нѣтъ надобности ни до своего дома, ни до родныхъ. Ясное золото.

Ясное золото разгаралося,
Я млада разыгралася.
За мной молодой,
Посолъ за посломъ:
Поди-ка молода,
По скорѣе со двора.
На тебя свекоръ раскручинился,
Со той со кручины, голова болитъ.—
Худо можется.

Много на свѣтѣ женщинъ, для которыхъ, хоть все пропадай въ домѣ, только бы имъ повеселиться.

Побравшись за руки, дѣвушки ходятъ при пѣніи то въ ту, то въ другую сторону; между тѣмъ одна изъ дѣвушекъ, ходитъ въ кругу съ дѣтьми, и представляетъ всѣ дѣйствія оленьи. Оленьюшка.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Выходила оленюшка
Съ малыми оленятками.
Вирила, охъ ли съ оленятками! (*)
Выходила она во зеленые луга.
Вирила, охъ ли во лужечки!
Щипала, срывала травоньку зеленую,
Вирила, охъ ли зеленую!

(*) Вирила, есть сокращеніе пастушечьяго крика: виръ, вири, ля, ля!

Кормила, питала дѣтокъ своихъ малыихъ,
Вирила, охъ ли малыихъ!
Сопущалась оленюшка со крутиго бережка,
Вирила, охъ ли бережка!

Дѣвушка останавливается съ оленятками у ключа, для напоенія ихъ.

Подходила со малыми оленятками ко ключику,
Вирила, охъ ли къ студеному!
Поила оленюшка своихъ дѣтушекъ.
Ключевой водой,
Вирила, охъ ли ключевой водой!
Выходила оленюшка, изъ подбережка крутого,
Вирила, охъ ли крутого!
Гдѣ ие взялся свирѣпый левъ
Вирила, охъ ли свирѣпой звѣрь!

Выбѣгаетъ парень въ видѣ льва, и разтерзываетъ оленью; дѣти разбѣгаются съ визгомъ.

Поймалъ, схватилъ оленюшку.
Вирила, охъ ли оленюшку!
Разстерзалъ оленюшку, безвинную,
Вирила, охъ ли безвинную!
Разбѣжались оленятушки, малые дѣтушки,
Вирила, охъ ли дѣтушки!
По дикой степѣ уральской (*)
Вирила, охъ ли по уральской!
Во глухую полночъ, во темную,
Вирила, охъ ли во темную!

(*) Въ уральской степѣ не водятся львы, и эта пѣснь примѣнена уральскими жителями къ своей мѣстности.

По прошествіи нѣсколько времени, сбѣгаются дѣти къ своему пепелищу и тамъ рыдаютъ о своемъ несчастіи.

Пришли оленятушки ко теплу гнѣздушку,
Вирила, охъ ли гнѣздушку!
Возопили оленятушки громкимъ голосомъ,
Вирила, охъ ли голосомъ!

Беззащитное семейство, по смыслу этой пѣсни, гибнетъ, потому именно что беззащитное. — Остающіяся сироты рыдаютъ на своемъ пепелищѣ, и только одно имъ утѣшеніе, что не запрещаютъ имъ плакать по своемъ горѣ.

Дубовая лава.

Въ срединѣ круга сидитъ печальная дѣвушка, представляющая женщину. Между тѣмъ дѣвушки и парни, побравшись за руки, поютъ:

Какъ на рѣченькѣ на рѣчицѣ,
Лежитъ лавонька дубовая,
Дубовая доска, досченая.
На той лавонькѣ, на дубовой,
Сидитъ шведонька молодая,
На ней шубенька голубая,
Перепоясочка шелковая.

Нѣсколько парней выбѣгаютъ изъ круга, подхватываютъ шведку:

Гдѣ не взялись драгуны,
Молоды души, кавалеры.
Взяли шведоньку, подхватили,
Во колясочку посадили:

Продолжаютъ пѣть:

Вдоль Москвы шведку провозили.

Шведка плачетъ. — Тогда одни изъ парней утѣшаютъ ее, другіе играютъ, а остальные пляшутъ.

Стала шведонька слезно плакать,
А драгуны утѣшать:
Приударили въ барабаны,
Въ сиповочки заиграли.

Видя веселящихся, шведка забываетъ свое горе, и начинаетъ плясать съ ними. Хороводные поютъ:

Стала шведонька веселѣе,
Начала шведка плясать.
Поплясавши поклонилась:
Исполать, вамъ драгуны!
Вы умѣете шведку брать,
И горазды шведку утѣшать. —

Плѣнъ въ иноземной землѣ, часто забывается, когда развлекаютъ забавами. — Эта пѣснь сочинена на плѣненныхъ шведокъ, во время войны Петра I съ Карломъ XII.

Праха. Одна изъ дѣвушекъ ставитъ въ срединѣ круга свой гребень и садится гутъ прясть. Во время пряденія она дремлетъ, переваливается съ бока на бокъ, бьется головой объ пряслицу, хватается за нее руками, зѣваетъ, потягиваесся и начинаетъ снова прясть; потомъ опять дремлетъ и качается во всѣ стороны. Дѣвушки поютъ:

Дрема дремитъ за гужелью (за гребенемъ)
Гужель портитъ,
Шелкъ теребитъ.
Полно дрема, дремати,
Пора дрема перестати!

Вонъ дрема, свекоръ—батюшка идетъ,
Грозу тебѣ несетъ.
Вотъ я встану, погляжу!

Пряха вскакиваетъ, смотритъ вокругъ себя и потомъ бѣгаетъ по кругу. Послѣ снова садится за свою работу и дремлетъ по прежнему. — Дѣвушки поютъ:

Ой ли, люди злолукавы!
Не видя люди, видятъ;
Не слыша люди, слышатъ. —
Дрема дремитъ за гужелью.
Гужель портитъ,
Шелкъ теребитъ.
Полно дрема, дремати,
Пора дрема перестати.
Вонъ свекровь твоя идетъ,
Грозу несетъ.
Вотъ я встану, погляжу!

Она бросаетъ гребень, бѣгаетъ по кругу, смотритъ на всѣ стороны и снова садится. Дѣвушки поютъ:

Нони люди злолукавы!
Не видя люди, видятъ;
Не слыша люди, слышатъ.
Дрема дремитъ за гужелью.
Гужель портитъ,
Шелкъ теребитъ.
Полно дрема, дремати,
Вонъ дрема, лида идетъ (мужъ)
Грозу несетъ, плеть шелкову.
Вотъ я встану, погляжу!

Между тѣмъ другая дѣвушка выходитъ изъ круга и несетъ жгутъ, замѣняющій плеть. Пряха просы-

пается и видя мужа съ плетью, принимается усердно за свою работу.—Мужъ кричитъ: ты, што ли сонуля! лѣнивица,—заработалась! Ночъ не спала, все бѣгала.— Замахивается жгутомъ и начинаетъ хлестать. Жена бѣгаетъ по кругу, мужъ кричитъ: проучу! тебѣ все веселитися съ парнями, играть съ ребятами молодыми, не женатыми. — Жена выбѣгаетъ изъ круга и голоситъ: забилъ меня мужъ! забилъ меня мужъ! умучилъ окаянный.

Не такъ ли дѣлается иногда въ быту простолюдиновъ? — Нѣтъ, гораздо еще въ высшемъ. — Жены не досыпаютъ ночей, дремлютъ, ходя днемъ, — и все будто бы трудились, работали всю ночъ; будто бы ихъ мужья — тираны, не даютъ имъ ни покою, ни отдыха, заставляя работать тяжелую работушку, не одну ночъ, а всѣ темныя зимнія ноченьки; съ разсвѣтомъ, не слетаютъ еще пѣтухи съ насѣстей, жена уже работай! — Между тѣмъ какъ жена, или многія жены, проводили *ночъ* въ играхъ и забавахъ, все съ молодыми да съ не женатыми. По неволѣ жены дремлютъ, а въ дремотѣ какихъ не привидится грезъ, разныхъ забавъ, и эти забавы превращаются потомъ въ пламенное желаніе на яву.

Утеня. Побравшись дѣвушки за руки, ходятъ кругомъ то въ одну, то въ другую сторону; но измѣненіе ихъ движеній, совершается по содержанію пѣсни:

Плыла утеня (*)
Черезъ сине море.

(*) Этотъ стихъ поется еще такъ: Шла, шла утеня. — Утки плаваютъ, а не ходятъ по морю; но этотъ стихъ болѣе сообразенъ съ тоническимъ складомъ русскихъ стиховъ.

Шла̄, шлӑ ўтēня̆,

— Какъ, какъ утеня,
Ноженьки обмочила?

Шаркая ногами, дѣвушки показываютъ:

— Этакъ утеня,
Этакъ сѣрая,
Ноженьки обмочила! —
Плыла утеня,
Черезъ сине море.
Какъ, какъ утеня,
Крылушки обмочила?

Дѣвушки машутъ руками:

Этакъ утеня,
Этакъ сѣрая,
Крылушки обмочила! —
Плыла утеня
Черезъ сине море.
Какъ, какъ утеня,
Крылушки встрепенула?

Дѣвушки хлопаютъ въ ладоши:

Этакъ утеня,
Этакъ сѣрая,
Крылушки встрепенула! —
Плыла утеня,
Черезъ сине море.
Какъ, какъ утеня,
На бережокъ садилась?

Дѣвушки присѣдаютъ:

Этакъ утеня,
Этакъ сѣрая,
На бережокъ садилась!

Этимъ оканчивается хороводъ и начинается другой. — Выраженіе этой игры есть одна веселость и рѣзвость, ищущая новыхъ забавъ.

Царевъ, сынъ королевъ.

Мущины и дѣвушки, взявшись за руки, составляютъ кругъ, который называется городомъ. Вокругъ города ходитъ въ шляпѣ царевъ, сынъ королевъ. Кружокъ, стоя на одномъ мѣстѣ, поетъ:

Царевъ, сынъ королевъ,
Кругъ города ходитъ,
Кругъ города ходитъ.
Царевъ, сынъ королевъ,
Городъ высматриваетъ,
Городъ высматриваетъ.
Царевъ, сынъ королевъ,
Невѣстъ выбираетъ,
Невѣстъ выбираетъ.
Царевъ, сынъ королевъ,
Войди сударь въ городъ,
Войди сударь въ городъ,

Кругъ разступается и царевъ, сынъ королевъ, входитъ въ его средину; потомъ кругъ сходится и продолжаетъ пѣть:

Царевъ, сынъ королевъ,
Стань государь, прибодрися,
Стань государь, прибодрися.

Онъ подпирается руками въ бока.

Царевъ, сынъ королевъ,
Низесинько поклонися,
Низесинько поклонися.

Онъ снимаетъ шляпу и раскланивается всѣмъ.

Царевъ, сынъ королевъ,
Низесинько поцѣлуйся,
Низесинько поцѣлуйся.

Онъ подходитъ къ одной изъ дѣвушекъ, становится предъ нею на колѣна, цѣлуетъ ея руку и отдаетъ ей шляпу.—Въ простомъ сословіи играютъ точно также, за исключеніемъ, когда мущина станетъ на колѣна предъ дѣвушкою, тогда и она становится предъ нимъ. Дѣвушка, предъ коею стоялъ на колѣнахъ мущина, выходитъ изъ круга, и дѣлается *царевой, дочерью королевой.*

Одинъ изъ молодцевъ ходитъ гордо въ кругѣ, и указываетъ повелительной рукою на свои владѣнія, представляя изъ себя князя. Свѣтлый князь.

Ходитъ нашъ свѣтлый князь,
Около своего города,
Ходитъ около своего высокаго.
Ищетъ нашъ свѣтлый князь,
Ищетъ нашъ добрый князь,
Свою ли свѣтлую княжну,
Свою ли добрую княжну. —
Ходитъ, ходитъ князь,
Ходитъ кругомъ города;
Онъ сѣчетъ, онъ рубитъ
Своимъ мечемъ ворота.
Скоро ли свѣтлый князь?
Сыщетъ красну дѣвицу?

Князь останавливается и одинъ оканчиваетъ:

Ужъ я ли гдѣ найду,
Красну дѣвицу княжну?
Ту ли дѣвицу княжну,
Златымъ перстнемъ подарю? —

Храбрый князь. Хороводные раздѣляются на двѣ половины, и каждая изъ нихъ стоитъ во время пѣнія, другъ противъ друга. Храбрый князь разхаживаетъ спѣсиво между обѣими половинами, и поетъ съ ними.

Княжій сынъ хороберъ,
Что ходишъ, что гуляешъ?
Княжій сынъ хороберъ,
Что ты примѣчаешъ?
Подруженьки мои!
Я хожу не гуляю,
Ищу свою молодую.
Вѣдь моя-то молодая,
Вѣдь моя-то княжна,
Во теремѣ сидитъ,
На ней вѣнчикъ горитъ;
Сарафанъ камчатный,
Убрусецъ весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Яры яхонты въ ушахъ,
Два алмаза въ глазахъ. —

Послѣ этихъ словъ сходятся хороводные, дѣлаютъ общій кругъ, и ходя поютъ:

Ой князь хороберъ!
Не ищи молодой,
Во теремѣ высокомъ.
Ввойди въ хороводъ,
Возьми молодую,
Возьми свою княжну.

Князь хороберъ выводитъ одну дѣвушку изъ круга, а хороводные оканчиваютъ:

Княжій сынъ хороберъ
Сыскалъ красну дѣвицу,
Душу княжну,
Свою молодую. —

Царевъ сынъ королевъ, свѣтлый князь и храбрый князь, означаютъ выборъ невѣстъ.

Дѣвушка, представляющая *сиротину*, лежитъ на сырой землѣ одна одинохенька, и горюетъ: никто не утѣшаетъ ее! — Вокругъ ея ходятъ хороводные и поютъ: Сиротинушка.

Подлѣ рѣчки ракитовъ кустъ,
За кустомъ сиротинушка.
На кусту соловейка пѣлъ,
А сиротинушка высвистывалъ:
Во пиру во бесѣдѣ
Было много гостей,
Только не было соловсюшки,
Моей голубушки.
Подлѣ рѣчки ракитовъ кустъ
За кустомъ сиротинушка,
На кусту соловейка пѣлъ,
А сиротинушка высвистывалъ:
Вотъ идетъ она,
Будто пава плыветъ!

Въ это время выходитъ изъ круга дѣвушка и останавливается предъ сиротинушкой; хороводъ продолжаетъ пѣть, а съ нимъ сиротинушка и дѣвушка.

Мнѣ жаль тебя, сиротинушка,
Жаль твоего батюшки,
А болѣ жаль матушки.
У батюшки съ матушкой
Я одна во всемъ дому;

У мила дружка во терему,
Я послушница свекровушки.
У тебя сиротинушка,
Ляжу я у сердечушка. —

Сироты не безъ добрыхъ людей и не безъ помощи. Есть люди, которые сами спѣшатъ на помощъ горемыкъ, и оживляютъ ихъ не однимъ теплымъ участіемъ, но дѣломъ, не ожидая за то никакихъ суетныхъ похвалъ. Доброе дѣло, сама по себѣ похвала и награда.

Сватовство.

Хороводъ образуется изъ двухъ половинъ: на одной находятся отдѣльно мушины, на другой дѣвушки и молоденькія женщины; всѣ они переплетаются руками. На мужской половинѣ стоятъ женихи, а на женской невѣсты. Каждая половина поетъ попеременно, такимъ образомъ, что пѣніе одной половины составляетъ предметъ вопросовъ, а другой отвѣты, и во время вопросовъ и отвѣтовъ, обѣ половины то сходятся, то отступаютъ. Эти движенія представляютъ игривую картину хоровода, который разыгриваютъ съ особой веселостію.

Бояре! да вы почто пришли?
Молодые! да вы почто пришли?
Княгини! да мы невѣстъ смотрѣть,
Молодыя! да мы невѣстъ смотрѣть.

Бояре показываютъ жениха, и по требованію княгинь представляютъ имъ богатую одежду, по которой судили въ старину, и теперь судятъ, о достоинствѣ жениха. Княгини приглашаютъ бояръ со всѣмъ ихъ поѣздомъ въ теремъ, и тутъ оканчиваютъ сватовство.

Княгини! во се нашъ женишекъ,
Молодыя! во се нашъ женишекъ.
Бояре! покажите кафтанъ.
Молодые! покажите кафтанъ,
Княгини! во се нашъ кушакъ,
Молодыя! во се нашъ кушакъ.
Бояре! покажите сапоги,
Молодые! покажите сапоги.
Княгини! во се нашъ сапожокъ,
Молодыя! во се нашъ сапожокъ.
Бояре! идите во теремъ,
Молодые! поздороватися.

Иногда оканчиваютъ:

Бояре! поздороватися
Молодыя! со всѣмъ поѣздомъ.

Играющіе сватовство, часто дѣлаютъ произвольные вопросы, того требуетъ самая игра, потому что отъ разнообразныхъ вопросовъ, зависитъ продолженіе забавы. Вопросы предлагаютъ не объ одномъ платьи, но о наружности жениха, его сердцѣ, нравѣ и проч.

Игра въ сватовство, объясняетъ достаточно значеніе хоровода.

Въ срединѣ хороводнаго круга ходитъ дѣвушка; она ищетъ жениха; хороводныя поютъ: Женихъ по сердцу.

Во саду ли было подъ яблонью,
Во зеленомъ подъ кудрявою,
Соловей выщекочетъ,
Молодой выщекочетъ.
Во терему дѣвицы,
Во высокомъ терему,
Красныя играютъ,
Подруженьки говорятъ:

Ужъ ты, слышишъ ли?
Красная дѣвица,
Свѣтъ моя душа!
Тебя батюшка кличетъ,
Тебя свѣтъ родной кличетъ.

Невѣста отвѣчаетъ своимъ подругамъ:

Охъ вы, свѣтъ мои подруженьки!
За чемъ раньше не сказали?
Я право не слыхала.

Хороводныя начинаютъ снова:

Во саду ли было подъ яблонью,
Во зеленомъ подъ кудрявою,
Соловей выщекочетъ,
Молодой выщекочетъ. —
Въ хороводѣ красны дѣвицы,
У воротъ стоятъ.
Въ хороводѣ красны дѣвицы,
Всей околицей играютъ.
Ужъ ты, слышишъ ли?
Красна дѣвица,
Свѣтъ моя душа!
Тебя подруженьки манятъ,
Молодой по дороженьки идетъ.

Одна изъ дѣвушекъ, представляя парня, подходитъ къ невѣстѣ, которая отвѣчаетъ въ то время хороводу:

Охъ вы, свѣтъ мои подруженьки!
Я давно сама завидѣла,
Я сама къ нему иду!

Вотъ еще другая хороводная пѣснь, того же содержанія; т. е. женихъ по сердцу.

Что по гриднѣ князь,
Что по свѣтлой князь,
Наше солнушко, любимый князь похаживаетъ.
Что соколій глазъ,
Молодецкій глазъ,
Какъ на пташечекъ, младыхъ дѣвицъ, посматриваетъ:
Что у ласточки,
У касоточки,
Бѣлу грудь, сизы крылья потрогиваетъ.
Парчевый кафтанъ,
Сапоги сафьянъ,
Золоту казну и соболи показываетъ.
Веселымъ лицомъ,
Краснымъ словцомъ,
Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываетъ.
Не мани насъ, князь!
Не гадай насъ, князь!
Наше красно солнушко! дѣвицы говорятъ.
Не златой казнѣ,
Но твоей красѣ
Свои сердца, давно мы отдали. —
Ты взгляни хоть разъ!
Ты вздохни хоть разъ!
И любую выбирай изъ насъ.

При играніи этого хоровода, дѣвушка, представляющая жениха, ходитъ по гриднѣ, и долгое время ни на кого не смотритъ: расхаживаетъ величаво и тщеславится своей красотою; потомъ она, посматриваетъ на дѣвушекъ, и всѣ думаютъ о себѣ. Наконецъ останавливается предъ той, которая ей по сердцу, и при послѣднемъ словѣ: *и любую выбирай изъ насъ*, она отдаетъ ей свой перстень. — Тогда хороводъ оканчиваетъ:

Ходилъ нашъ князь,
Выходилъ князь:
Себѣ подругу, нашу дѣвицу.

Жениховъ много, а невѣстъ еще болѣе; но не всякая дѣвушка поручаетъ себя на поруки вѣчныя, не осмотрѣвшись и не обдумавшись хорошенько. Если женихъ по сердцу, то она не разбираетъ уже, и не видитъ даже явныхъ его недостатковъ, — другая крайность!

Высматривающій невѣсту.

Хороводныя переплетаются руками, и ходя кругообразно, притопываютъ ногами:

Около сыра дуба,
Растетъ чернь черница;
А во той ли во черницѣ,
Черный соболь скачетъ.
Поскачи, поскачи соболь,
По чисту полю;
Поплыви, поплыви утя,
По тиху Дунаю.
Ищи себѣ друга,
Котораго любишъ.
Скачите вы дѣвушки, пляшите.
Вы холостые не смотрите.
Смотрючи дѣвушку не взяти,
Взять не взять по любви,
По батюшкиному благословенью,
По матушкиному умоленью.

По окончаніи пѣсни хороводныя разнимаютъ руки, и бьютъ въ ладоши.—Эта самая пѣснь поется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ прибавленіемъ, къ каждому стиху припѣва: люли, люли.

Около сыра дуба
Люли, люли, дуба!
Растетъ чернь черница,
Люли, люли черница!

А во той ли во черницѣ,
Люли, люли, во черницѣ!
Черенъ соболь скачетъ,
Люли, люли, скачетъ!
Поскачи, поскачи, соболь,
Люли, люли, соболь!
По чисту полю,
Люли, люли полю!
Поплыви, поплыви, утя,
Люли, люли, утя!
По тиху Дунаю,
Люли, люли, Дунаю!
Ищи себѣ друга,
Люли, люли, друга!
Ищи себѣ любушку,
Люли, люли, любушку!
Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растетъ чернь черница!
Люли, люли, черница!
А во той ли во черницѣ,
Люли, люли, во черницѣ!
Красныхъ дѣвицъ хороводъ,
Люли, люли, хороводъ!
Скачите вы дѣвушки, пляшите,
Люли, люли, пляшите!
Вы холостые не смотрите,
Люли, люди, не смотрите!
Смотрючи дѣвушку не взяти,
Люли, люли, не взяти!
Взять ли не взять по любови,
Люли, люли, по любови!
По батюшкиному благословенью!
Люли, люли, благословенью!

По матушкиному умоленью,
Люли, люли умоленью! (*)

Бориса женить. Мущины и дѣвушки, побравщись за руки, становятся въ кружокъ; избранный играть Бориса, ходитъ въ шапкѣ въ срединѣ круга, а хороводъ поетъ:

Ходилъ Борисъ, гулялъ Борисъ,
По хороводу дѣвичью, по молодичью.
Искалъ Борисъ ласковой тещи, привѣтливой невѣсты,
Нашелъ Борисъ ласкову тещу и привѣтливу невѣсту,
Просилъ Борисъ всѣхъ людей на свадьбу.

Борисъ снимаетъ шапку, кланяется на всѣ стороны:

Добрые людв! пожалуйте на свадьбу:
Свадьбу играть, Бориса женить.

Борисъ подходитъ къ хороводу, цѣлуетъ избранную имъ дѣвушку: поцѣлованная беретъ у него шапку, въ ознаменованіе того, что она дѣлается женою его.

Эта пѣснь, измѣненная мѣстностію, поется еще иначе:

Ходилъ Борисъ по хороводу,
Да по дѣвичью да по молодичью.
Искалъ Борисъ ласковой тещи, хорошой невѣсты.
Сыскалъ Борисъ ласкову тещу и добрую невѣсту.
Добрые люди! пожалуйте на свадьбу:
Хлѣба съ солью кушать,

(*) Сахар. Сказаніе русск. народа, между хороводными пѣснями № 38 изд. С.П.Б. 1841 г.

Бѣлова лебедя рушать,
Пива съ медомъ пити.
Охти мнѣ горе! охти мнѣ гореванье!
Разхулили да разговорили
Борисову то тещу,
Борисову невѣсту:
Будто Борисъ пропоица.—
Добрые люди! не жалуйте на свадьбу:
Хлѣба съ солью кушать,
Бѣлова лебедя рушать,
Пива съ медомъ пити. —
Хлѣбъ соль не пасено,
Вино не курено,
Пиво не варено. (*)

Неудачная женидьба Бориса, напоминаетъ многихъ Борисовъ. Но еще хуже, если Борисы женившись, не могутъ потомъ справиться съ своей женою. Вотъ образецъ по этому предмету, изъ малороссійской хороводной игры. Становятся дѣвушки въ кружокъ, въ срединѣ его садится молодая женщина, предъ которою воткнута въ землю палка; она представляетъ, что прядетъ. Хороводъ поетъ:

Та черезъ село,
Черезъ Бондарывку;
Понявъ старый,
Молодую жинку. —
Ищежъ ны понявъ,
Та хвалыцця быты;
Та похваляецця съ товарищемъ,
Нагайку купыты.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!

(*) Пѣсн. изд. С. П. Б. 1819 г. ч. 4 № 86.

Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
Поихала жинка,
Та до батька въ гости.
Ныдиля минае,
Жинки нимае.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
И друга минае,
Жинки нимае.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
И третя минае,
Жинки нимае.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
Четверта иде,
Жинка иде.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
Жинки побоявся,
Въ кропиву сховався,
Бороною скрывся.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
Бороною скрывся,
Синцемъ притрусывся.

Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку!
Ой первое лыхо,
Кропива жарс;
А друге лыхо,
Борона даве;
А третье лыхо,
Синце коле. —
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку.
Четвертое лыхо,
Горобецъ скаче,
Жинци скаже.
Навчу я, навчу,
Молодую жинку!
Навчу я, навчу,
Молодесыньку.

Еще есть малороссійская пѣсенка, которая очень хорошо обрисовываетъ слабость мужей; ее часто разыгриваютъ въ хороводѣ. Тутъ дѣвушки только ходятъ вокругъ:

Была жинка мужика,
Пишла позываты;
Присудылы мужику,
Щей жинку прохаты.
Ой простыжъ, моя мыла,
Що ты мене была.
Куплю тебе цеберъ меду,
Коновочку пыва.
Ой видъ пыва болытъ спына,
А видъ меду голова.
Купыжъ мени горилочки,
Щобъ я весела була.

Тоска дѣвушки.

Неизвѣстное для дѣвушки чувство, волнуется съ давняго времени. Чтожъ это за чувство? Это чувство,—любовь! Если дѣвушка тоскуетъ, то это значитъ, что она начинаетъ любить. Ей тогда пріятно и сладостно думать объ немъ; ей тогда не сказано очаровательно мыслить, что онъ ее любитъ. Однако, она часто спрашиваетъ самую себя: любитъ ли онъ меня? И сама себѣ отвѣчаетъ, дрожащимъ голосомъ: не любитъ! Въ этихъ словахъ отражается живо, вся жизнь дѣвушки, предающейся пламеннымъ порывамъ любви. Она хочетъ видѣть, что ей дорого: лобызаетъ его мысленно въ глаза, въ уста, и наслаждается своимъ предметомъ, созданнымъ въ ея мечтательномъ упоеніи. Она уже обнимаетъ его одной рукою, прижимается къ его груди, осыпаетъ безпрестанно огненными поцѣлуями, ждетъ взаимныхъ отвѣтовъ, но ей никто не отвѣчаетъ. Она въ отчаяніи!—Горячка мечтательной любви проходитъ, и она перестаетъ увлекаться любимымъ идеаломъ, — только не надолго. Тоска дѣвушки опаснѣе любви. — Вотъ объясненіе: дочъ живетъ съ отцемъ; она ожидаетъ его домой, завтра по утру, но для ней все равно, — *хоть онъ будетъ, аль не будетъ*, онъ не уменьшитъ ея тоски. — Хороводныя, взявшись рука за руку, ходятъ вокругъ, при пѣніи

Изъ за бору, бору,
Изъ за зеленаго;
Стучала, гремѣла,
Быстрая рѣчка,
Обрастала рѣчка;
Калиной, малиной.
На калиновомъ мосточкѣ,
Сидѣла голубка:
Поженьки мыла,
Перемывала,

Свое сизо перышко,
Перебирала;
Свою русу косу,
Расчесывала.
Перебравши сизо перье,
Сама взворковала:
Завтра поутру,
Батюшка будетъ,
Хоть онъ будетъ,
Аль не будетъ,
Тоски не будетъ.
Вдвое, втрое у голубки
Печали пребудетъ.

Тутъ дѣвушки разрываютъ кругъ, вытягиваются въ одинъ рядъ и пляшутъ. (*)

Играютъ однѣ дѣвушки, и весьма рѣдко съ ними мущины. Избранная играть подушечку, ходитъ съ платкомъ въ рукѣ и пляшетъ, а прочія, образовавъ около нея кругъ, поютъ: Подушечка.

Молодушка, молодушка,
Да ты молодая!
Подушечка, подушечка,
Да ты пуховая!
Кого любишь, кого любишь,
Того поцѣлуешь;
Пухову подушечку, тому подаруешь,

Дѣвушка, кому отдаетъ платокъ, того цѣлуетъ.

(*) Эта пѣснь почти таже самая, что напечатана въ запискахъ о Сибири с. 114 и у Сахар. Сказан. руск. нар. издан. 1841 г, между хороводн. пѣснями № 39.

Тебя люблю, тебя люблю,
Тебя поцѣлую;
Пуховую подушечку, тебѣ подарую.

Поцѣлованная дѣлается молодушкою; игра повторяется, пока не наскучитъ.

Кого люблю, тому сердце отдаю.

Вотъ смыслъ этого хоровода.

Тоска молодой женщины, по своей родинѣ.

Молодая женщина, завезенная на дальную сторону, тоскуетъ по своей родинѣ. Хотя она пишетъ къ своимъ роднымъ, но все для ней горе и кручинушка; одна только старость въ состояніи измѣнить ее горе.

Здѣсь хороводъ составляется, какъ предидущій; въ средину хоровода входитъ дѣвушка, которая поетъ вмѣстѣ съ играющими.—Эта пѣснь, по словамъ нѣкоторыхъ, разыгрывается и на посидѣлкахъ.

Вдоль по дороженькѣ,
Летитъ соколъ молодецъ.
Соколъ, мой соколъ,
Залетная птица!
Ты проѣзжай, доброй молодецъ. —
Привезъ меня молоду,
Въ чужу дальную сторону,
Ссушилъ, скрушилъ меня!
Велѣлъ еще забыть,
Родиму сторону!
Напишу ль я грамотку,
По бѣлому бархату,
Чистымъ, краснымъ золотомъ!
Отошлю ль я грамотку,
Въ свой родимой край:
Къ родимому батюшкѣ,
Къ родимой матушкѣ!

Напишу ль про себя, —
Все горе и кручинушка!

У меня ли молодой,
Много слезь въ очахъ?
Прикажетъ ли батюшка,
Родимая матушка,
Танцовать и плясать —
Пока старость не пришла!
Ужъ какъ старость прійдетъ,
Всѣ печали забьетъ (*).

Красная дѣвица.

Дѣвушки очаровываютъ не однихъ молодыхъ, но и стариковъ своими пламенными очами.—И кто не испытывалъ ихъ силы? И кто не разъ вздыхалъ по нимъ, обворожительнымъ прелестямъ красавицы?—Хороводъ, воспѣвая красоту глазъ, становится въ кружокъ; тутъ онъ не берется за руки, но, стоя на одномъ мѣстѣ, поетъ:

У насъ во селѣ,
Всѣ дѣвицы пригожи.
Пригожи и румяны,
Съ огненными очами.
Ужъ и что завидятъ,
Все очаруютъ. —
У насъ во селѣ,
Вдовушка живетъ;
У ней дѣвица дочъ,
Что твоя малина!
Во теремѣ сидитъ,
Узоры вышиваетъ.
Узоры вышиваетъ,
Для милаго дружка. —

(*) Сахар. Сказаніе русскаго народ. между хороводн: пѣсни № 40, и Снегир. Руск. простонар. праздники ч. 2. с. 92.

Очи, очи ясны!
Сокрушили молодцевъ.
Одного то не сгубили,
То соколъ ее душа.

Дорого-визна на дѣвицъ. Эта пѣснь составлена конечно угодниками дѣвушекъ. Имъ льстятъ повсюду, и въ самыхъ пѣсняхъ поютъ имъ лесть.—Хороводные не составляютъ никакого круга, а стоятъ двѣмя половинами, другъ противъ друга, и поютъ поперемѣнно.

Первая половина

Тонка, гибка жердиночка,
Черезъ рѣченьку лежала,
Что никто не пройдетъ!
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы, безобразы.
Смѣть ли старыхъ бабъ спросити:
Что въ городу вздешевѣло!

Вторая половина

Вздешевѣли, вздешевѣли, молодыя бабы,
На овсяной блинъ, по три бабы.
А четвертая провожата,
А пятая на придачу.

Первая половина:

Тонка, гибка жердиночка,
Черезъ рѣченку лежала,
Что никто не пройдетъ!
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы, безобразы. —
Смѣть ли старыхъ бабъ спросити:
Что въ городу вздешевѣло?

Вторая половина:

Вздешевѣли, вздешевели, добры молодцы,
Еще восемь молодцевъ на полъ деньги.
А девятый провожатый,
А десятый на придачу.

Первая половина:

Тонка, гибка жердиночка,
Черезъ рѣченку лежала,
Что никто не пройдетъ!
Только шли, прошли добры молодцы,
Смѣть ли добрыхъ молодцовъ спросити:
Что въ городу вздорожало?

Вторая половина:

Вздорожали, вздорожали красны дѣвушки,
По сту рублей одна дѣвица,
По тысячи ея коса,
А по двѣ ея краса.

Послѣ этого составивъ общій кругъ, ходятъ кругомъ, и всѣ повторяютъ вмѣстѣ послѣдніе четыре стиха.

Игры.

Дѣвушки приглашаютъ на свои игры молодую женщину, одну изъ бывшихъ своихъ подругъ. Она хочетъ итти, но свекровь не пускаетъ ее. Свекровь заставляетъ работать и смотрѣть за домомъ. Прошла дѣвическая жизнь, а съ нею утонули всѣ радости! Молодая женщина досадуетъ, сердится и грозитъ перепортить, перебить все въ хозяйствѣ, и потомъ вытти къ подруженькамъ и вдоволь наиграться.—Это изображеніе сердца такой молодой женщины, которая желала бы только веселиться, и это желаніе, свойственное

вполнѣ женскому чувству, выражаетъ упорныя страсти: для женщины нѣтъ никакихъ препятствій. Жить въ вихрѣ удовольствія, искать безпрестанно новыхъ чувствованій, восторговъ и сладостей, вотъ стихія прекраснаго, но слабаго созданія. Подумайте, въ тонкихъ жилочкахъ розовой красавицы, течетъ огненная кровь, кровь наслажденія, и какъ не забыться! А существо непостоянное, какъ женщина,—не будемъ строги!—не думаетъ о послѣдствіяхъ: давай ей только игры.

Въ хороводный кругъ становится смѣлая и молодая женщина. Игроки ходятъ вокругъ ея, и поютъ съ нею:

Какъ за горницею, за повалушею,
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ,
Говорятъ мои подруженьки,
На игрища итти.
А меня молодешеньку,
Свекорь не пускаетъ.
Свекорь батюшка заставляетъ:
Гумно чистить,
Метлой мести;
И поле боронить,
И дѣтей качать.

Ужъ я въ сердце взойду:
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,
И борону изрублю,
И дѣтей уложу.
Сама молодешенька
На игрища пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.

Какъ за горницею, за повалушею,
Не въ гусли играютъ,

Не въ свирѣли говорятъ,
Говорятъ мои подруженьки,
На игрища итти. —
А меня молодешеньку,
Свекровь не пускаетъ,
Свекровь матушка заставляетъ:
Красенца ткать,
Конопли брать,
На поле ходить,
И сѣно косить,
Избы истопить,
По воду сходить,
Дѣтей накормить,
И спать уложить. —

Ужъ я въ сердце взойду:
Красна изорву,
Берды изломаю,
Конопли потопчу,
На поле не пойду,
И домой не зайду,
Сама молодешенька
На игрища пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.

Точно такъ же разыгриваютъ слѣдующую пѣснь:

Какъ у нашихъ у воротъ,
Какъ у нашихъ у воротъ,
Люли, люли у воротъ!
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Люли, люли, хороводъ!
Молодушекъ табунокъ,
Молодушекъ табунокъ,
Люли, люли, табунокъ!

Меня дѣвки кликали,
Меня дѣвки кликали,
Люли, люли кликали!
На улицу поиграть,
На улицу поиграть,
Люли, люли, поиграть!
Въ хороводѣ поплясать,
Въ хороводѣ поплясать,
Люли, люли, поплясать!
Меня свекоръ не пустилъ,
Меня свекоръ не пустилъ,
Люли, люли, не пустилъ!
Хотя пустилъ, пригрозилъ,
Хотя пустилъ, пригрозилъ,
Люли, люли, пригрозилъ!
Гуляй сноха, да не долго,
Гуляй сноха, да не долго.
Люли, люли, да не долго!
А я млада гуляла,
А я млада гуляла,
Люли, люли, гуляла!
До саминькихъ пѣтушковъ,
До саминькихъ пѣтушковъ,
Люли, люли, пѣтушковъ!
Какъ зорюшка занялась,
Какъ зорюшка занялась,
Люли, люли, занялась!
А я млада поднялась,
А я млада поднялась,
Люли, люли, поднялась!
На встрѣчу мнѣ деверекъ,
На встрѣчу мнѣ деверекъ,
Люли, люли, деверекъ!
Деверюшка, батюшка,
Деверюшка, батюшка,
Люли, люли, батюшка!

Проведи меня домой,
Проведи меня домой,
Люли, люли, домой!
До моего двора,
До моего двора,
Люли, люли, двора!
До высока терема,
До высока терема,
Люли, люли, терема
Подхожу я ко двору,
Подхожу я ко двору,
Люли, люли, ко двору!
Свекорь ходитъ по двору,
Свекорь ходитъ по двору,
Люли, люли, по двору!
Повѣсивши голову,
Повѣсивши голову.
Люли, люли, голову!
Станетъ свекорь младу бить,
Станетъ свекорь младу бить,
Люли, люли, бить!
А ты меня отними,
А ты меня отними!
Люли, люли, отними!
Не отнимешъ, прочь поди,
Не отнимешъ, прочь поди,
Люли, люли, прочь поди!

Одинъ мужъ, женившійся неудачно на первой женѣ, горевалъ и тосковалъ отъ нея. Женился на другой, но она была постоянно веселая, такъ что не за чемъ было ходить къ сосѣдамъ, чтобы поразвеселиться. Въ самомъ его домѣ было довольно веселья.—Эта пѣснь выражаетъ насмѣшку, надъ чрезмѣрно тоскливою и безгранично веселой женою. Довольный мужъ своей женой.

Играющіе, образовавъ хороводный кругъ, ставятъ

посрединѣ его: мужа и жену, и ходя съ ними, поютъ про житье-бытье.

На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами развѣтала;
На той калинушкѣ соловей,
Громко пѣсни распѣвалъ,
Холостому вѣсть подавалъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться,
А тебѣ красна дѣвушка,
Пора русу косу расплетать.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ найбольшему атаману:
Чѣмъ онъ меня подаруетъ?
Подарилъ меня женою,
Глупою не разумною:
Я за гудокъ, она за прялку;
Я въ гудокъ играть, она горевать.
Не за чемъ въ люди на кручину:
Дома кручинушки довольно. —
На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами разцвѣтала;
На той калинушкѣ соловей,
Громко пѣсни распѣвалъ,
Холостому вѣсть подавалъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться,
А тебѣ старобразой,
Съ дѣвками не водиться. —
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ найбольшому атаману:
Чѣмъ онъ меня подаруетъ?
Подарилъ меня женою,
Умною и разумною:
Я за гудокъ, она за пѣсни;
Я въ гудокъ играть, она плясать.
Не за чемъ въ люди на веселье, —
Дома веселыца довольно.

Сходбище представляетъ радостное свиданіе старыхъ знакомыхъ, послѣ долгой ихъ разлуки. — Игра эта разыгривается весною, когда сходятся изъ заработокъ въ свою деревню. Каждый приноситъ съ собою прибыль, полученную имъ въ зимнюю заработку, и всякій спѣшитъ повидаться поскорѣе съ своими родными и старыми друзьями. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, говоритъ пословица, и своя деревня знаетъ *кожнаго* своего. Дѣвушки и мущины, привѣтствуютъ другъ друга, и какъ старые знакомые, сходятся въ праздничное время, составляютъ веселый хороводъ, который называется сходбище; въ срединѣ становятся молодецъ и дѣвушка; хоръ поетъ: Сходбище.

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой красна дѣвица,
И близехонько сходилися,
Низехонько поклонилися.
И говоритъ доброй молодецъ:
Здорова ль живешъ, красна дѣвица?
Здорова живу, милъ сердечный другъ.
Каково ты жилъ безъ меня одинъ?
Давно другъ съ другомъ не видалися,
Говоритъ дѣвка улыбаючись:
Что съ той поры, какъ разстался,
Говоритъ ей другъ сердечной. —
Мы пойдемъ, душа Марьюшка, гулять;
Мы на рубль возьмемъ зелена вина,
А на другой меду сладкова;
За двѣ гривеньки сладкихъ пряниковъ.
Красна дѣвица ему въ отвѣтъ:
Я пойду ль гулять, мой милъ, сердечный другъ?
Я боюсь, боюсь, роднова батюшки,
Я боюсь и родимой матушки.
Тутъ разстался и прощался,
Другъ съ другомъ цѣловался.

Ты прости, прости, доброй молодецъ.
И доброй молодецъ отвѣчаетъ:
Прости, моя душа, красна дѣвица!

Посѣвъ льна.

Составивъ хороводъ мущины и дѣвушки, поютъ посѣвъ льна, ходя кругомъ: то въ ту, то въ другую сторону:

Ой дидъ, ой лада!
Засѣвали дѣвки бѣлъ ленъ,
И травой ленъ,
Съ травою небылою, съ повилою.
Ой дидъ, ой лада!
Засѣвали дѣвки бѣлъ ленъ,
Мнѣ пойти молоденькой,
Къ батюшкѣ свекору.
Ужъ ты батюшка свекоръ,
Пособи-ка льну полоти!
Мнѣ несчастіе въ человѣкѣ,
Мнѣ на ласковомъ сговорѣ,
И на низкомъ поклонѣ.
Я невѣстушка съ тобою,
Я съ тобою молодою.
Ой дидъ, ой лада!
Засѣвали дѣвки бѣлъ денъ.
Мнѣ пойти молоденькой,
Къ матушкѣ свекрухѣ.
Ужъ ты матушка свекруха,
Пособи-ка льну полоти.
Ой дидъ, ой лада!
Мнѣ несчастіе въ человѣкѣ,
Мнѣ на ласковомъ сговорѣ,
Мнѣ на низкомъ поклонѣ. —
Я невѣстушка съ тобою,
Я съ тобою молодою.

Точно такъ же поютъ брату и деверю, съ приложеніемъ ихъ именъ, и тѣмъ оканчиваютъ.

Посѣвъ льна разыгриваютъ еще иначе.

Выбираютъ изъ играющихъ мать, одну дочь или двѣ, и ставятъ ихъ въ срединѣ круга. — Всѣ прочія ходятъ около нихъ и поютъ:

Подъ дубровою ленъ, ленъ,
Подъ зеленою ленъ, ленъ,
Таки ленъ, таки ленъ, люли ленъ!

Одна дочь начинаетъ пѣть, а за нею и весь хороводъ:

Научи меня мати,
На ленъ землю пахати.

Хороводъ останавливается, и всѣ нагибаются; мать, тоже нагнувшись къ землѣ, показываетъ дочерямъ, какъ пашутъ землю, припѣвая, а за нею весь хороходъ:

Да вотъ эдакъ дочи, дочушки,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!

Дочери перенимаютъ всѣ ея движенія. Потомъ хороводъ начинаетъ снова ходить кругомъ и пѣть.

Подъ дубровою ленъ, ленъ,
Подъ зеленою ленъ, ленъ,
Таки ленъ, таки ленъ, люли ленъ!

Дочери припѣваютъ:

Научи меня мати,
Зеленъ ленъ полоти.

Мать отвѣчаетъ съ хороводомъ:

Да вотъ эдакъ дочи, дочушки
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!

Сопровождая движеніями, какія обыкновенно бываютъ при поленіи льна. Дочери подражаютъ всѣмъ ея движеніямъ. По окончаніи словъ матери, хороводъ кружится и снова начинаетъ:

Подъ дубровою ленъ, ленъ,
Подъ зеленою ленъ, ленъ
Таки ленъ, таки ленъ, люли ленъ!

Дочери припѣваютъ:

Научи меня мати,
Зрѣлый ленъ брати.

Мать отвѣчаетъ по прежнему;

Да вотъ эдакъ дочи, дочушки
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!

—

Научи меня мати
Какъ ленъ вязати.

—

Да вотъ эдакъ дочи, дочушки, и т. д.

На всякій вопросъ дочерей, отвѣтъ матери единообразный и всегда сопровождается хороводомъ. Вотъ вопросы:

Научи меня мати,
Спѣлый ленъ сбирати,

—

Научи меня мати,
На телегу ленъ класти.

—

Научи меня мати,
Мой ленъ съ поля убирати,

—

Научи меня мати,
Зрѣлый ленъ сушити.

—

Научи меня мати,
Ленъ мой молотити.

—

Научи меня мати,
Какъ ленъ мой слати.

—

Научи меня мати,
Какъ ленъ мой собрати

—

Научи меня мати,
Какъ мнѣ ленъ мой мяти.

—

Научи меня мати,
Какъ мнѣ ленъ трепати,

—

Ты не эдакъ дочи, дочушки,
А вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ

—

Научи меня мати,
Тонкой ленъ прясти.

Тутъ дочери заглядываются на молодцевъ, и дѣлаютъ имъ глазики, какъ умѣютъ. Хороводъ продолжаетъ.

Научи меня мати,
Мою пряжу мотати.

—

Все не эдакъ дочи, дочушки.
А вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ.

Дочери уже не охотно исполняютъ наставленіе ма-

тери, машутъ руками и ширинками; а парни скидаютъ шапки и имъ кланяются

Научи меня мати,
Какъ красна мнѣ ткати. —

—

Да вотъ эдакъ, дочи, дочушки,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ. —

Хороводъ возобновляетъ пѣснь:

Подъ дубровою ленъ, ленъ,
Подъ зеленой дряпный ленъ
Таки ленъ, таки ленъ, люли ленъ!

—

Научи меня мати,
Съ молодцемъ гуляти.
А я сама пойду,
И съ молодцемъ плясати буду.

Послѣ этаго дочки, берутъ за руки парней, а мать кричитъ на нихъ:

А вотъ я васъ дочи, дочушки,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ!

Показываетъ тѣлодвиженіями, какъ она станетъ бить ихъ. Но дочки не слушаютъ матушки своей, пляшутъ припѣвая:

Да вотъ эдакъ, моя мати,
Вотъ такъ, такъ, да вотъ эдакъ.

Мать треплетъ ихъ за непослушаніе, и усаживаетъ на землю. Но дочери вскакиваютъ, начинаютъ плясать и веселиться снова. Всеобщій смѣхъ раздается надъ

матерью, которая не умѣла воспитать своихъ дочерей. Для этой игры избираютъ ловкихъ дѣвушекъ и проказницъ. — Выраженіе этаго хоровода: гони природу въ дверь, а она влетитъ въ окно.

При всемъ однообразіи пѣніи посѣва лена, поютъ его однако съ большими отмѣнами:

Мы молодушки пашиньку пахали,
Изъ рукавчика бѣлъ ленъ разсѣвали,
Изъ рукавчика, изъ тонкого льняпаго. —
Уродился нашъ леночекъ,
Высокъ, мѣлокъ волокнистой.
Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Бѣлъ леночекъ колотить будетъ? —
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Бѣлъ ленокъ намачивать будетъ?
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Бѣлъ леночекъ обминать будетъ? —
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Бѣлъ леночекъ вышрядать будетъ? —
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Бѣлъ леночекъ ткать будетъ?
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Бѣлъ леночекъ бѣлить будетъ? —
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою. —

Да съ кѣмъ то мнѣ, молодушкѣ,
Подканое шить будетъ?
Я невѣстушка съ тобою,
Я голубушка съ тобою.
Давай-ка невѣстушка,
Шитое дѣлить съ тобою.
Да не время мнѣ, золовушка,
Шитое дѣлить съ тобою.
Я сдѣлалась не здорова,
Головой стала больна. —
Ты невѣстуша обманщица, проказница;
Обманула, провела меня. —

Никольщина.

Народный, весенній праздникъ. Въ день Николы собираются попировать у знакомыхъ и родныхъ, на открытомъ воздухѣ, близь храмовой церкви. Въ старину приготовляли, на этотъ праздникъ: брагу, вино, пироги и варили въ полѣ щи и молошную кашу. Иногда поселяне, сдѣлавъ складчину, пировали всѣ вмѣстѣ. При такомъ случаѣ избирался изъ среды ихъ особый хозяинъ, который назывался *старостою*: онъ все устраивалъ для общаго веселія. Бѣдные и нищіе принимались всѣми радушно.—Иногда пировали по нѣскольку дней сряду, — но пиръ не начинался и не оканчивался безъ храмового священника. При разгульномъ весельи составлялись хороводы, въ которые вмѣшивались и женщины и старики. Если играли однѣ дѣвушки, то въ срединѣ ихъ хороводнаго круга, ставилась ловкая кумушка, избранная изъ дѣвушекъ, которая своею язвительной игрою и насмѣшливыми тѣлодвиженіями, на счетъ пирующихъ, заставляла многихъ коситься.

Нѣтъ постоянного правила для хоровода Никольщины. Круги составляютъ, какъ вздумаютъ. Иногда ходятъ кругомъ, а потомъ вытягиваются въ прямую линію, или

свившись въ кружокъ, вертятся и пляшутъ; иногда, взявшись за руки, дѣлаютъ первыя двѣ пары ворота, чрезъ которыя проходятъ остальныя и сходятся въ кругѣ. — Самыя пѣсни поютъ здѣсь по произволу.— Въ прилагаемой здѣсь пѣснѣ попадаются слова, которыя совершенно не русскія, по юго западной Руси, наприм: *подлавица, залавица, чеботы, швецъ и* проч. но за всѣмъ тѣмъ эта пѣснь усвоена Русскими:

Въ юго-западной Руси празднуютъ Никольщину такъ же, какъ Русскіе: пьютъ вино, и брагу; ѣдятъ пироги, яичницу и веселятся тоже по нѣсколько дней, только не поютъ этой пѣсни: —

Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Вотъ со дѣвушки вѣнокъ,
Вотъ со молодушки платокъ,
Ужъ со старой старушки,
Вотъ шелковой платокъ. —
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь.
Чей вѣнокъ толочу, волочу,
Чей вѣнокъ толочу, волочу,
По надлавочью, по залавочью?
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Я не дамъ вѣнка топтать,
Я не дамъ вѣнка толочить,
Я сама ли выскочу.
Я сами ли выпляшу. —
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Чей платокъ толочу, волочу,
Чей платокъ толочу, волочу,
По улицѣ, по скамѣечкѣ?

Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя веселитесь!
Я не дамъ платка топтать,
Я не дамъ платка толочить,
Я сама ли выскочу,
Я сама ли выпляшу. —
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Чей шелковой толочу, волочу,
Чей шелковой толочу, волочу,
По улицѣ, до задворицѣ?
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Я не дамъ шелкова топтать,
Я не дамъ шелкова толочить,
Я сама ли выскочу,
Я сама ли выпляшу!
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Ты старушка, стара,
Не подъ силу молода;
Ты станомъ коротка,
Ты плечами широка.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Я станомъ коротка,
Я плечами широка;
А на эти то плеча,
Три рябиновыхъ дубца,
Три дубца распареные.
Три дубца разжареные! —
Ужъ вы, дѣвушки, играйте
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Я повернула, пошла,
Будто ягода красна,
Будто земляника хороша!
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,

Ужъ вы, дѣвушки, веселитесь!
А у тѣ, что за чеботы?
Ты обейка-чеботы,
Ты пробей-ка чеботы.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, дѣвушки, веселитесь!
Мнѣ не мужъ ихъ купилъ,
Мнѣ никто заводилъ,
Заводилъ Константинъ,
На свои шесть алтынъ. —
Хоть истончутся,
Хоть изломятся:
Мой батюшка то швецъ,
Мой женихъ-то купецъ,
Моя матушка прядѣюшка,
Мнѣ вервицу напрядетъ.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя веселитесь! (*)

Бранье ягодъ.

Это насмѣшка надъ тѣми дѣвушками, которыя ходятъ въ лѣсъ по ягоды и потомъ возвращаются безъ ягодъ. Послушаемъ, какъ запоютъ намъ хороводныя насмѣшницы, пока не наберутъ ягодъ. Дѣлаютъ хороводный кругъ, въ срединѣ его ходитъ одна дѣвушка, которая собираетъ ягоды, дотрогиваясь рукою до земли.— Изъ многихъ сообщенныхъ мнѣ пѣсней, правильнѣе, по моему мнѣнію, слѣдующая:

Пошли дѣвушки въ темны боры,
Пошли красныя въ лѣсъ по ягоды;
Ой люли, люли, по ягоды!
Всѣ дѣвушки ягодъ понабрали,

(*) Сахар. Сказ. Русск. нар., между хоровод. пѣснями N° 47; отсюда она позаимствована, по причинѣ полноты.

Всѣ красныя понабрали
Ой люли, люли, понабрали!
Одна дѣвка ненабрала,
Одна дѣвка лишъ гуляла.
Ой люли, люли, гуляла!
И горько растужилась:
Стала плакать, горевать,
Ой люли, люли, горевать!
Горю не чѣмъ помочь! —
Къ подругамъ взмолилась.
Ой люли, люли, взмолилась!
Подруженьки, голубушки,
Голубушки мои, сложитеся.
Ой люли, люли, сложитеся!
Вы сложитеся по ягодкѣ,
Вы бросьте мнѣ по горсточкѣ.
Ой люли, люли, по горсточкѣ!
У меня ли молодой,
У меня ли горемычной.
Ой люли, люли горемычной!
Отецъ не родной,
И мать не родная,
Ой люли, люли не родная!
У меня ли молодой.
Отецъ свекорь, мать свекровь!
Ой люли, люли, свекровь!
И бьютъ и журятъ,
По напрасну бранятъ.
Ой люли, люли, бранятъ!
Подруженьки не сложилися,
Голубушки не сложилися,
Ой люли, люли, не сложилися!
Подруженьки отвѣтъ держатъ,
Голубушки говорятъ.
Ой люли, люли, говорятъ!
Никто велѣлъ за кустомъ ходить,

Никто велѣлъ по полямъ бродить.
Ой люли, люли, бродить.

Еще поютъ.

Пошли дѣвки въ сыры боры,
Пошли красны въ лѣсъ по ягодки
Ой люли, люли, въ лѣсъ по ягодки!
Всѣ дѣвушки по набралися,
Всѣ красныя понаѣлися!
Ой люли, люли, понаѣлися!
Одна дѣвка не набралася!
Одна дѣвка не наѣлася,
Ой люли, люли, не наѣлася!
Сама ходючи, растужилася,
Растужившися взмолилася.—
Ой люли, люли, взмолилася!
Стала плакати,
Подругъ кликати,
Ой люли, люли, кликати!
Подруженьки, вы голубушки,
Вы голубушки сложитеся
Ой люли, люли, сложитеся!
Мнѣ сложитеся по ягодкѣ,
Ахъ бросьте мнѣ по горсточкѣ!
Ой люли, люли, по горсточкѣ.
У меня вить младешинькой,
Не родной отецъ, не родная мать.
Ой люли, люли, не родная мать!
Подруженьки не сложилися,
Голубушки не сложилися,
Ой люли, люли, не сложилися!
Въ отвѣтъ держатъ подруженьки,
Въ отвѣтъ держатъ голубушки.
Ой люли, люли, голубушки!
Никто велѣлъ за кустомъ ходить,
Никто велѣлъ по полямъ бродить
Ой люли, люли, по полямъ бродить!

Байданъ. «Байданъ вечерняя игра сельской молодежи. Слово это вѣроятно татарское, остатокъ обычаевъ тѣхъ временъ, когда Россія находилась подъ игомъ Татаръ. Эта игра извѣстна только въ юго-восточной Россіи.—Первый байданъ бываетъ въ Ѳомино воскресенье, оканчивается въ послѣднее воскресенье, предъ петровымъ постомъ; онъ сходенъ или тождественъ съ хороводомъ. При захожденіи солнца, когда стада возвращаются съ полей, молодые парни, дѣвушки, молодки и женатые, поужинавъ засвѣтло, собираются на зеленый лугъ играть въ байданъ. — Сюда сходятся господскіе люди съ балалайками, пастухи съ рожками, обвитыми березкой, съ дудками кленовыми, тростниковыми и искусные пѣсельники. Тутъ начинаютъ пѣть, плясать и играть; вся деревня веселится. Подъ звукъ музыки раздаются плавнымъ хоромъ, многообразныя пѣсни.»

«Весеннія игры, превращены въ саратовской губер. въ *байданъ*.»

Такое истолкованіе забавъ, представленное г. Леопольдовымъ (*), вовлекло меня сначала въ большую ошибку. Я раздѣлялъ съ нимъ мнѣніе, что всѣ весенія игры носятъ названіе байдана, если не по всей юго-восточной Россіи, то по крайней мѣрѣ по всему саратовскому краю. Г. Леопольдовъ, сказавъ въ общемъ очеркѣ, что байданъ разыгривается въ юго-восточной Россіи, не обозначилъ: въ какихъ именно мѣстахъ? — Изъ этого выходитъ, что онъ самъ не зналъ,—и сказалъ безъ всякой повѣрки.—Употребленіе байдана въ юго-восточныхъ мѣстахъ, казалось мнѣ тѣмъ правдоподобѣе, что саратовскій край былъ нѣкогда гнѣздилищемъ Татаръ, а особенно городъ Ца-

(*) См. Стат. опис. сар. губ. ч. 1. с. 72-73. изд. 1839 г.

ревъ, въ коемъ находилась столица Золотой Орды. Онъ сказалъ еще, что байданъ есть тождественная игра хороводу. — Имѣвъ случай находиться въ саратовской губер. и преимущественно въ тѣхъ уѣздахъ, кои заселены Татарами, я любопытствовалъ знать: есть ли байданъ? Тутъ я распрашивалъ сначала у Русскихъ, живущихъ между Татарами: какъ играется байданъ?— Они смотрѣли на меня съ удивленіемъ и не понимали, что я спрашивалъ у нихъ. — Я повторялъ это нѣсколько разъ, они едва понимали меня, и отвѣчали, что никогда не слыхали про эту игру. — Тогда я обратился къ самымъ Татарамъ. — Они отвѣчали, что вовсе не знаютъ байдана, и даже нѣтъ у нихъ этого слова. Да гдѣ же употребляется байданъ? Стало быть гдѣ нибудь около Саратова! Я досадовалъ, что не могъ добиться толку. — Будучи въ Саратовѣ, не одинъ еще разъ, я сталъ распрашивать по прежнему у Русскихъ и у Татаръ, — но и тутъ они отозвались совершеннымъ цевѣдѣніемъ. Я подумалъ, что они не хотятъ сказать мнѣ правды, потому спросилъ въ одной деревнѣ: играютъ ли здѣсь байданъ? Мнѣ отвѣчали рѣшительно: нѣтъ! — Только одна дѣвушка на вопросъ мой, отвѣчала мнѣ смѣючись: *байда*. — А что это байда? — спросилъ я. Такъ себѣ байда, отвѣчала она. Когда наскучитъ намъ, тогда мы поемъ пѣсни, бѣгаемъ и кружимся. — Вотъ и вся наша байда. — Не хороводъ ли это? — Нѣтъ! — Какъ начинаете играть въ байда? — Когда намъ вздумается, мы кричимъ своимъ подругамъ: полно баить та, давайте въ байда — Да что жъ значитъ онъ? Такъ себѣ, *баемъ-да!* — А это что *баемъ-да?* Сидимъ, разговариваемъ, иногда *баемъ да поемъ*. — И только? — И только, иногда баемъ, да всселимся до самой полуночи. — Такъ вотъ

въ чемъ дѣло, подумалъ я. — Слово *баемъ да* — превращено въ байданъ!

Не приведи случай быть на мѣстѣ, я спорилъ бы, что существуетъ байданъ, и думаю, что всѣ поступили бы одинаково со мною всѣ тѣ, которые читали про байданъ. — На татарскомъ языкѣ во все нѣтъ байдана, а есть однозвучное ему *бадьянъ*, значущее: блюдо, чашу, изъ которой пьютъ Татары воду или пиво; есть еще сѣмя бадьянъ. — Находится еще однозвучное байдану *майданъ*, только на арабскомъ языкѣ. Оно значитъ мѣсто конскаго бѣга и мѣсто битвы; въ этомъ значеніи употребляютъ его Татары, напр. въ пѣснѣ про богатыря Шюкерли: *Майданъ гюрзиси урульды, анекердимъ Шюкерли.* т: е: на мѣстѣ битвы взмахнулъ кистенемъ, и я увидѣлъ Шюкерли. — Изъ всего этого выходитъ, что если байданъ неизвѣстенъ всему саратовскому краю, то тѣмъ болѣе въ юго-восточной части Россіи.

Не довольствуясь однако розыскиваніемъ байдана по саратовской губ., я обратился съ вопросами къ любознательнымъ юго-восточной Россіи людямъ, живущимъ въ екатеринославской и херсонской губ., и послѣ двухгодичной, утомительной переписки, всѣ отвѣчали положительно, что никогда не слыхали о байданѣ. — Одинъ только извѣстилъ, что водороты по р. Волги называются майданами, а другой, что между Татарами употребляется игра сабаганъ или сапаганъ, котораго правильное произношеніе зависитъ отъ мѣстного употребленія. Сабаганъ состоитъ въ томъ, что собираются Татары на поле, и тамъ совершаютъ скачку на лошадяхъ, борятся и предаются другимъ гимнастическимъ забавамъ.—Казанскіе Татары забавляются въ сабаганъ при стеченіи народа, какъ мнѣ разсказывали, и по большей части послѣ рамазана (поста), который приходится

въ сентябрѣ мѣсяцѣ. — Во многихъ мѣстахъ Малороссіи и землѣ донскихъ казаковъ, употребляется понынѣ слово *майданъ*, въ значеніи площади, а иногда въ смыслѣ сборнаго мѣста. —

II. ЛѢТНІЕ ХОРОВОДЫ.

Начнемъ съ любимой игры дѣвушекъ невѣстъ,—съ русой косы. — Кто не воспѣвалъ косу? Кто не писалъ ей похвалъ? Въ какой странѣ свѣта не составляетъ она украшеніе дѣвушекъ? На Руси въ почести русая коса, въ Малороссіи черная коса.—Коса въ славѣ, и самая красавица гордится ею. Въ сельской жизни она убирается розовой лентою, чешется роговымъ гребнемъ, умывается снѣжной водою или настоемъ изъ полевыхъ душистыхъ травъ. Не вѣкъ любуется дѣвица прелестью косы! Наступаетъ время, въ которое она оставляетъ ее съ плачемъ, — это предъ вѣнчаніемъ. Безутѣшная невѣста сидитъ на скамьѣ, подруги горюютъ съ нею и поютъ на прощаніе русой косѣ. Приходитъ сваха и безжалостно расплетаетъ косу; потомъ рѣжетъ и прячетъ волоса подъ кику. Слезы льются ручьемъ! Невѣста лишилась косы, а съ нею дѣвической своей свободы; съ потерею косы только видится ей одно горе впереди. — Русая коса.

При расплетаніи косы дѣвушки становятся хороводомъ, вокругъ мнимой невѣсты, и поютъ: —

Подъ окномъ дѣвка сидѣла,
Подъ окномъ, окномъ косящетымъ:
Русу косу плела, къ себѣ дружка ждала.
Погляжу я въ окошечко,

Не идетъ ли милой мой?
Ахъ! милой идетъ, яснымъ соколомъ летитъ,
Бѣлыми рученьками помахиваетъ,
Свѣтлыми кудрями потряхиваетъ.
Я встрѣтила середь широка двора,
Съ радостью милова за руки взяла.
Повела милова во свой теремъ,
Посадила милова подъ своимъ окномъ.
Дивись, мой милой, русой косѣ!
Ахъ, косинька коса, дѣвичья краса!
Ужъ ты изсушила меня молодца,
Вынула румянецъ изъ бѣлаго лица.
Изъ бѣлаго лица, удалаго молодца!
Не крушись мой милъ сердечной:
Русая коса на утѣху рождена,
На утѣху рождена, тебѣ обречена.—
Русая коса, коса косынька,
Расплетайся скорѣй!
Красна дѣвица!
Выдь за меня замужъ скорѣй. (*)

Еще поется иначе:

Какъ у насъ во околицѣ,
Какъ у насъ во свѣтлицѣ,
Подъ окномъ дѣвка сидѣла
Подъ краснымъ косящетымъ:
Буйну голову чесала,
Свою русу косу плела,
Къ себѣ дружка милаго ждала.
Поглядку млада въ окошко,
Ужъ не идетъ ли милой другъ?
Ужъ какъ мой милъ идетъ,

(*) Русая коса поется различно, но эта пѣснь помѣщена здѣсь потому, что она мнѣ кажется плавнѣе.

Что ясень соколъ летитъ,
Шапочку охорашиваетъ,
Бѣлыми руками помахиваетъ,
Черными кудрями потряхиваетъ.
Я выходила молода,
Изъ высока терема,
На широкой дворъ;
Встрѣчала друга милаго:
За бѣлы руки хватала,
Въ высокъ теремъ вводила,
Подъ косящето окно сажала.
Ужъ ты милой другъ,
Порадуйся со мной:
Подивись моей русой косѣ!
Ахъ ты косынька, коса,
Коса дѣвичья краса!
Ужъ какъ ты ли, русая коса,
Изсушила меня молодца.
Потускнѣли черны очи,
Позавялъ румянецъ на лицѣ,
Нѣту удали у добраго,
Нѣту радости у молодчика. —
Не плачь, не горюй,
Другъ сердечной мой!
Моя русая коса,
Не на горе рождена;
Моя русая коса,
На роду тебѣ обречена.
И по батюшкину повелѣнью,
И по матушкину согласію,
Расплетаетъ мою косу,
Разладница сваха.
Ужъ ты, русая коса,
Расплетайся поскорѣй;
Ужъ ты красная дѣвица,
Выдь скорѣй за меня. —

Невѣста. Дѣвушки собираются въ полѣ и сговариваются: кому быть невѣстой, а кому свахою? Тутъ завязывается между ними споръ: каждая хочетъ по скорѣй услышать имя жениха, но каждая стыдится его. — Сваха становится въ срединѣ круга, и каждая изъ дѣвушекъ старается стать на такомъ мѣстѣ, чтобы послѣднее слово пѣсни *повелъ*, пало на нее. — Онѣ поютъ:

Стояло тутъ косово дерево,
Вью, вью, вью, лелю!
Въ той деревнѣ тыночекъ стоитъ.
Какъ въ томъ тыночкѣ бесѣда сидитъ,
Въ той бесѣдѣ пляшутъ дѣвицы.
Мимо тутъ ѣхалъ удалой молодецъ,
Снявши шапочку да дѣвкѣ челомъ,
Слѣзши съ коня, онъ руку подаетъ.
Дѣвица ему и поклонилась,
Красна ему и руку подала.
Взявши съ тыночка за руку повелъ,
Вью, вью, вью, лелю! (*)

На кого пало послѣднее слово *повелъ*, тотъ выходитъ изъ круга. — Ту же пѣсню начинаютъ свова пѣть и продолжаютъ ее, пока не берется условленное число невѣстъ. — Потомъ сваха становитъ каждую невѣсту отдѣльно, и ходя вокругъ нихъ поетъ, и тутъ уже на кого падетъ послѣднее слово *повелъ*, та признается всѣми невѣстою, и ей выйти скоро замужъ. Прочія дѣвушки завидуютъ ей. Вездѣ зависть, но зависть дѣвушки происходитъ отъ нетерпѣнія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повторяютъ *люли* и *лели* послѣ всякаго стиха. Слѣдующая пѣснь, выражающая одно и тоже, поется съ прибавленіемъ люли. —

(*) Прачъ: Собр. пѣсн. ч. 1. с. 58.

Какъ у нашихъ у воротъ,
Стоитъ озеро воды.
Ой люли, ой люли,
Стоитъ озеро воды!
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротичкамъ приводилъ!
Ой люли, ой люли,
Къ воротичкамъ приводилъ!
Къ веревочкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ.
Ой люли, ой люли,
Красной дѣвкѣ приказалъ!
Красна дѣвица душа,
Сбереги добра коня.
Ой люли, ой люли,
Сбереги добра коня!
Сбереги добра коня,
Коня семи тысячнаго.
Ой люли, ой люли,
Коня семи тысячнаго!
Не сорвалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила.
Ой люли, ой люли,
Не сломилъ бы удила!
Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ.
Ой люли, ой люли,
Словно павушка плыветъ!
На ней платье голубое,
Лента алая въ косѣ.
Ой люли, ой люли,
Лента алая въ косѣ!
На головушкѣ перо,
Хоть пять сотъ рублей дано.
Ой люли, ой люли,
Хоть пять сотъ рублей дано!

Хоть пять сотъ рублей дано,
Стоитъ тысячи оно.
Ой люли, ой люли,
Стоитъ тысячи оно!

Сравненіе новыхъ родственниковъ.

Въ этомъ хороводѣ становятся дѣвушки въ кружокъ, и взявшись за руки то сходятся, то расходятся и поютъ.—Разыгрываютъ осенью и во время свадьбы. —

Репѣй стелется, растелается,
Ой дидъ мой, репѣй,
Ой лада молода!
Да не быть репью,
Съ тыномъ ровну;
Да не быть свекру,
Супротивъ батюшки моего.
Ой дидъ мой, репѣй,
Ой лада молода!
Репѣй стелется, растелается,
Ой дидъ мой, репѣй,
Ой лада молода!
Да не быть репью,
Съ тыномъ ровну;
Да не быть свекрови,
Супротивъ матушки моей.
Ой дидъ мой, репѣй,
Ой лада молода!
Репѣй стелется, растелается,
Ой дидъ мой, репѣй,
Ой лада молода!
Да не быть репью,
Съ тыномъ ровну;
Да не быть ладу,
Супротивъ братцевъ моихъ. (*)

(*) Лада означаетъ въ этой пѣсни жену. Въ словѣ о полку Игоревѣ принято въ такомъ же значеніи, наприм: «уже намъ

Кто не хочетъ замужъ? Дѣвушки молчатъ, а это молчаніе есть убѣдительное доказательство пламеннаго ихъ желанія. Спросите у сердца дѣвушки, и вѣрно оно скажетъ: я замужъ хочу! Посмотрите на милень- Замужъ.

своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати.» Въ нарѣчіи *ладно*, въ прилагательномъ *ладный*, означаютъ хорошо, хорошій а отнюдь не милый, какъ объясняетъ И. В. Савельевъ – Ростиславичъ (см. Славянскій сборникъ с. 246 изд. 1845 г.) словомъ *ладый*. – Самая лада не всядѣ употребляется въ пѣсняхъ въ смыслѣ жены, и часто *ладо*, *лада*, какъ *дидъ* и *ладо*, замѣняютъ окончательный пѣсельный припѣвъ, подобно лелю, ой люли, люшеньки, вѣю, вью, вью, и т. д. – Въ такомъ смыслѣ поставленъ здѣсь припѣвъ дидъ. – Въ саратовской губерніи, собираясь дѣвушки играть хороводъ или пѣть пѣсень, говорятъ: *давайте дидикать*, т. е. пѣть дидъ и ладо, потому здѣсь почти каждая пѣсень разыгривается съ припѣвомъ: ой дидъ, ой ладо. – Нѣкоторые думаютъ, что Ладѣ вѣроятно былъ посвященъ весенній праздникъ красной горки (Снегир. Русск. простонар. праздники вып. III с. 27.), и что Лада была богиня между русскими Славянами. – Эту богиню выдумалъ польскій лѣтописецъ Стрыйковскій, и она никогда не была чествуема между нашими предками. – И. В. Савельевъ-Ростиславичъ утверждаетъ (см. Славянскій сборникъ, с. 245), что божество Ладо было извѣстное всѣмъ племенамъ славянскимъ, ссылаясь на надпись, найденную недалеко отъ Сальцбурга, въ монастырѣ св. Павла. Въ той надписи находится: Latobio sac (rum) pro salute Nam. Sabiniani et Iuliae Babillae Vindonia mater v (oto) s (olvit) l (oco) l (egitimo) m (onumentum). Но Латобія не есть лада. – Онъ говоритъ еще, что «Славяне задунайскіе много поютъ свадебныхъ пѣсень въ честь богинѣ Ладѣ.» – Очень жаль, что не указано мѣстъ изъ задунайскихъ пѣсень. Я никогда не читывалъ, чтобы при ихъ свадьбахъ пѣли въ честь богинѣ Ладѣ. – Потомъ, желая подтвердить свое мнѣніе, что въ богемскомъ словарѣ Mater verb. слово Лада однозначущее съ Венерою: Venus, dea libidinis, Cytherea, говоритъ, что въ густинской лѣтописи (с. 256–257.) Лада названа «*богомъ* женитвы, веселія, утѣшенія

кое розовое созданіе, оно такъ и говоритъ: я замужъ хочу! Дѣвушки разборчивы въ выборѣ жениховъ, а это и есть причина, что переборъ столько дѣлаетъ помѣхъ въ семейныхъ домахъ.

Хороводъ составляется изъ взрослыхъ обоего пола. Молодецъ ходитъ вокругъ хоровода, высматриваетъ себѣ невѣсту, а хороводъ поетъ:

и всякаго благополучія.» — Развѣ все равно, что Лада и богиня Венера, Лада и богъ со многими свойствами, какъ то: богъ женитвы (женидьбы?) веселія, утѣшенія и всякого благополучія. — Послѣ всѣхъ своихъ выводовъ онъ заключаетъ, что въ русскомъ языкѣ *лада, ладушка* значатъ мужа, — слѣдовательно лада уже не есть ни богиня, ни богъ а просто мужъ.

Ищущимъ Ладу въ созвучіяхъ, не доставало указать на *Ладонъ*, которая у Грековъ именовалась иногда дракономъ, оберегавшимъ гесперидскіе съ золотыми яблоками сады, или на ту Ладонъ, которая въ Аркаліи была рѣка, коея дочъ Метопія находилась, по баснословнымъ разсказамъ, въ замужствѣ за Азопомъ, рѣчкою ѳивскою. —

Draco, qui poma ipsa servabat, Typhonis et Echidniae filius, Ladon vocabatur.
Errantesque locum sacrum venere, ubi Ladon
Aurea servabat flaventia mala decora
Anguis terrigena, hic ubi coelo attolitur Atlas.
Illum curabant nymphae praedulce canentes,
Hesperides truncum amplexus sed ab Hercule caesus
Is fuit.

Cum esset etiam Ladon fluvius Arcadiae, cujus filia fuit Metope uxor Asopi Thebani fluminis, è qua Thebe nympha urbi nomen dedit. Hunc serpente a terra natu fuisse, terstatur Pausan. at non e Typhone et Echidna, ut ait Apollon. enarrator.—Natalis Comitis Mythologiae, c. 734–735, кн. VII. издан. Франкф. 1596. года.

Въ заключеніи можно сказать словами Ювенала:

Nec pueri credunt, nisi qui nondum aëre lavantur.

Чрезъ кругъ летитъ соколъ,
Калина, малина моя!
Глядитъ и посматриваетъ,
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныя замужъ,
Калина, малина моя!
Охъ ты дѣвушка душа,
Поди замужъ за меня;
Не пойдешъ, спокаешься,
Вспомянешъ меня. —
Чрезъ кругъ летитъ соколъ,
Калина, малина моя!
Глядитъ и посматриваетъ,
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныя замужъ,
Калина, малина моя!
Сосѣдушки, собранушки:
Каковъ заѣзжій гость? —
Спохвалили молодца,
Иду замужъ за тебя!
Калина, малина моя!
Иду замужъ за тебя!

Еще поютъ:

Молодецъ кудреватый,
Надёжа моя!
Разчесалъ милый кудри,
Утѣха моя!
Заигралъ милый въ гусли,
Надёжа моя!
Какъ струна струнѣ молвитъ:
Утѣха моя!

Пора молодцу жениться,
Надёжа моя!
На душѣ ли на вдовицѣ?
Утѣха моя!
Не женись холостой,
Утѣха моя!
Не женись молодецъ,
Надёжа моя!
На вдовѣ своенравной,
Надёжа моя!
Расчесалъ милый кудри,
Утѣха моя!
По алому кафтану,
Надёжа моя!
По парчевому камзолу,
Утѣха моя!
Заигралъ милый въ гусли,
Надёжа моя!
Какъ струна струнѣ молвитъ:
Утѣха моя!
Пора молодцу жениться,
Надёжа моя!
На душѣ ль красной дѣвицѣ?
Утѣха моя!
Женись молодецъ,
Надёжа моя!
Женись холостой,
Утѣха моя!
На дѣвицѣ красной,
Надёжа моя!

Молодецъ выбралъ себѣ невѣсту и беретъ ее. — Игра переходитъ потомъ на другаго. Въ иныхъ мѣстахъ молодецъ ищетъ невѣсты, играя на балалайкѣ. —

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей приводятъ на этотъ

случай, какъбы общепринятую при хороводныхъ пѣсняхъ:

Черезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!
Черезъ нашъ хороводецъ,
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина моя!
Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!
За крестьянскаго ль сына,
Калина, малина моя!
У крестьянскаго сына
И толочь и молоть,
Рѣшетомъ подсѣвать,
Калина, малина моя!
Черезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!
Черезъ нашъ хороводецъ,
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя
Пора краснымъ замужъ,
Калина, малина моя!
За боярскаго сына,
Калина, малина моя!
У боярскаго сына
Окошки косыя,
Собаки борзыя,
Калина, малина моя!
Черезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!
Черезъ нашъ хороводецъ,
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!

Пора красныхъ замужъ,
Калина, малина моя!
За старостина сына,
Калина, малина моя!
У старостина сына
Прянички сладенькіе,
Медъ сыченой, —
Калина, малина моя!

Любить не люблю, отказать не хочу.

У кого что на умѣ, у того и на дѣлѣ. Дѣвушки взявшись за руки, составляютъ хороводъ. Тутъ кумушка управляетъ хороводомъ дѣвицъ, и она намекаетъ на ихъ жениховъ часто по имени, а нетерпѣливыя дѣвушки иногда проговариваются сами.

Какъ пошли наши подружки,
Въ лѣсъ по ягоды гулять!
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Въ лѣсъ по ягоды гулять!
По черную черничку,
По красну земляничку.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
По красну земляничку!
Онѣ ягодъ не набрали,
Подруженьку потеряли!
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Подруженьку потеряли!
Любимую подружку,
Свѣтъ Катеринушку.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Свѣтъ Катеринушку!
Не въ лѣсу ли заблудилась?
Не въ травѣ ли заплелась?
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Не въ травѣ ли заплелась?

Какъ бы въ лѣсу заблудилась,
То бы лѣсы преклонились.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
То бы лѣсы преклонились!
Какъ бы во травѣ заплелась,
Трава бы шелкомъ повилась.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Трава бы шелкомъ повилась!
Пойду я по тропинькѣ,
Найду я три елиньки.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Найду я три елиньки!
Подъ елинькою кровать,
На кроватѣ-то перина.
Вѣю, вѣю, вью, вью.
На кроватѣ-то перина!
На кроватѣ-то перина,
На перинѣ-то свѣтъ Катерина.
Вѣю, вѣю, вью, вью.
На перинѣ-то свѣтъ Катерина!
Передъ ней стоитъ дѣтина,
Онъ и проситъ Катерину.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Онъ и проситъ Катерину!
Коли любишъ, такъ скажи,
А не любишъ откажи.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
А не любишъ откажи!
Я любить не люблю,
Отказать не хочу.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Отказать не хочу!

Я любить не люблю, отказать не хочу, вполнѣ раскрываетъ женское сердце, которое на все готово, если рѣшится. — Еще есть и другая пѣснь:

Околь Дону, околь Дону,
Около тихаго Дону,
Доброй молодецъ гуляетъ,
Доброй молодецъ гуляетъ,
Табунъ коней загоняетъ,
Кони, кони вороные!
На нихъ узды золотыя,
Чепраки парчевые,
Подковы серебряныя.
Ужъ ты, дѣвица душа!
Догадайся, догадайся!
Ужъ я рада бы догадаться,
Роднаго батюшки боюсь;
Я боюсь, я боюсь отца,
Да потѣшу молодца.
За то его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца. —

Подарокъ.

Въ другихъ мѣстахъ хороводная игра подарокъ, носитъ названіе *приданое невѣсты* и разыгрываютъ лѣтомъ. Ее поютъ такъ же предъ дѣвичникомъ, когда готовятъ приданое. Подарокъ есть игра свадебная, употребляется найболѣе въ сѣверной Россіи. Если свадьбѣ случиться быть лѣтомъ, то выносятъ невѣстину перину и кладутъ ее на траву; дѣвушки дѣлаютъ кругъ около перины и пѣснію напоминаютъ, что уже нѣтъ между ними одной.—

Какъ у насъ во садику,
Много было цвѣтовъ посѣяно,
А не много ихъ уродилося. —
Какъ у насъ ли во теремѣ,
Много было красныхъ дѣвушекъ,
А теперь не много осталося.

Сваха выходитъ изъ круга, садится на перину и говоритъ: ну дѣвушки, не горюйте, запойте-ка пѣс-

ню веселую. Одна изъ нихъ отвѣчаетъ ей: охъ сваха, сваха! ты свела нашу подругу изъ нашего двора. Другія между тѣмъ начинаютъ пѣть:

Какъ у насъ во дворѣ,
Какъ у насъ во широкомъ,
Люли, люли, во широкомъ!
Стоятъ дѣвушки въ кругу,
Стоятъ дѣвушки въ кругу.
Люли, люли въ кругу!
Одной лишъ нѣтъ, какъ нѣтъ,
Одной-то нѣтъ, свѣтъ Марьюшки,
Люли, люли, Марьюшки!
Она ждетъ пождетъ къ себѣ,
Друга милаго, суженаго!
Люли, люли, суженаго!

Послѣ словъ, выражающихъ ожиданіе невѣсты, какъ здѣсь: она ждетъ пождетъ къ себѣ, друга милаго суженаго, — сваха переворачиваетъ перину, сбиваетъ и потомъ стелетъ; дѣвушки поютъ:

Стелю, стелю перинушку,
Стелю, стелю пуховую,
Люли, люли, пуховую!
Кого люблю, кого люблю,
Кого люблю, тому подарю,
Люли, люли, подарю!
Не дарикъ большой, а любовной, —
Пуховую перинушку.
Люли, люли, перинушку!
Ты выди, свѣтъ Марьюшка,
Ты бери за бѣлы руки суженаго,
Люли, люли, суженаго!
Дари суженаго подаркомъ,
Дари ряженаго перинушкой!
Люли, люли, перинушкой!

По окончаніи пѣнія выходитъ изъ круга дѣйствительная невѣста, и даритъ своихъ подругъ розовыми ленточками. — Сваха спрашиваетъ ее: полно, ты ли невѣста? — Сваха сватушка, отвѣчаетъ она со вздохомъ: не сама ли ты засватала!—Въ это время выходитъ мать невѣсты и даритъ сваху бѣлымъ или краснымъ платкомъ, и говоритъ ей: родимая! полно-тѣ вопрошать.— Подруги берутъ невѣсту подъ руки, сажаютъ ее на перину и вносятъ въ комнату, съ окончательнымъ припѣвомъ:

Дари суженаго подаркомъ,
Дари ряженаго перинушкой.
Люли, люли, перинушкой!

Покорище дѣвицы.

Здѣсь принимаютъ участіе не однѣ дѣвицы, но и молодые парни. Составивъ хороводъ, ходятъ кругомъ и поютъ: первый стихъ весьма протяжно, а вторый скоро:

Ахъ по морю! ахъ по морю!
Ахъ по морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бѣлая моя. —
Ни тряхнется, ни тряхнется,
Ни тряхнется, ни ворохнется,
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ.
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую мою.
Онъ кровь пустилъ, онъ кровь пустилъ,
Онъ кровь пустилъ, по синю морю.
Онъ перушки, онъ перушки,
Онъ перушки пустилъ по чисту полю;
Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,

Онъ пухъ пустилъ по подъ небесью. —
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась,
Красна дѣвица душа!
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя мои,
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную.
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся, доброй молодецъ.
Богъ на помочъ! Богъ на помочъ!
Богъ на помочъ красна дѣвица душа!
Она жъ ему, она жъ ему,
Она жъ ему ни поклонится.
Добро дѣвка, добро дѣвка,
Добро дѣвка, дѣвка красная моя!
Будетъ время, будетъ время,
Будетъ время и поклонишься мнѣ.
Будешъ стоять, будешъ стоять,
Будешъ стоять у кроватушки моей.
Будешъ держать, будешъ держать,
Будешъ держать шелковую плеть въ рукахъ.

Съ окончаніемъ пѣсни одна изъ дѣвушекъ, признанная *за покорище*, кланяется своему молодцу, а иногда и всѣ дѣлаютъ поклоны, каждая своему парню.—

Покорище дѣвка значитъ покорная дѣвица. Она должна смириться предъ своимъ женихомъ, и должна помнить, что когда сдѣлается его женой, тогда она будетъ стоять у его кровати и разувать съ него сапогъ, изъ котораго онъ возьметъ плеть и будетъ ее бить, въ знакъ его власти надъ нею. Игра покорище дѣвицы, есть любимѣйшая у поселянъ. Почему? Потому что здѣсь участвуютъ тѣ, которые имъ милы по сердцу и желанію, отъ того и всѣ прочія для нихъ *игры не иг-*

ры. Здѣсь имъ позволено и смѣяться, глядѣть другъ на друга и жать руку. Всегда дѣвушки любятъ такія игры, въ коихъ допускается свободное потѣшеніе.

Поютъ эту самую пѣснь съ сокращеніемъ, но смыслъ ея одинъ и тотъ же:

Какъ по морю синему
По синему хвалынскому,
Плыветъ стая гусей сѣрыхъ,
Другая стая лебединая.
Ходилъ, гулялъ доброй молодецъ:
Онъ застрѣлилъ лебедь бѣлую.
Кровь пущалъ въ сыру землю,
Пухъ пущалъ по чисту полю.
Собирались красныя дѣвушки,
Пуху брати лебединаго. —
Мимо ѣхалъ доброй молодецъ,
Богъ помочь вамъ, красныя дѣвушки!
Пуху брати лебединаго.
Всѣ дѣвушки поклонилися,
Одна дѣвка не поклонилась.
Грозилъ парень красной дѣвушкѣ:
Добро дѣвка, добро красная,
Станешь дѣвка у кровати стоять,
Станешь красная горючія слезы ронять. —

Женихъ. Это насмѣшка надъ заѣзжими женихами, которые, сватаясь и перебирая долго невѣстами на своей сторонѣ, женятся наконецъ на чужой. Люди смѣются надъ таковыми женихами, дѣвушки осыпаютъ ихъ укоризнами.

Мущины и дѣвушки дѣлаютъ кругъ; мущины, выбравъ изъ среди себя одного побойчѣе, называютъ его женихомъ и ставятъ посрединѣ; потомъ поютъ:

Какъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ, шелкова трава,
Ой ли, ой ли, ой люшеньки, шелкова трава!
Ходилъ гулялъ донской козакъ, самъ въ скрипку игралъ,
Ой ли, ой ли, ой люшеньки, шелкова трава!
Игралъ, игралъ, выигривалъ, дѣвокъ выбиралъ.

Изъ круга выходитъ дѣвушка, и ходитъ съ женихомъ:

Хорошая, прихожая, поди замужъ за меня!
Не пойдешъ, спокаешься, вспомянешъ меня.

Невѣста отвѣчаетъ:

Пойти было къ сосѣдушкамъ, спросить про тебя:
Сосѣдушки, голубушки, каковъ человѣкъ?

Хороводные отвѣчаютъ:

Онъ пьяница, пропоица, пропьетъ и тебя!

Невѣста смотритъ на жениха съ презрѣніемъ, и говоритъ:

Сосѣдушки, голубушки, не хвалятъ тебя:
Ты пьяница, пропоица, пропьешъ и меня.

Невѣста входитъ въ свой кругъ; начинаютъ снова пѣть:

Какъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ, шелкова трава,
Ой ли, ой ли, ой люшеньки, шелкова трава!
Ходилъ, гулялъ, донской козакъ, самъ въ скрипку игралъ,
Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ.

Изъ круга выходитъ другая дѣвушка, и останавливается предъ женихомъ. —

Хорошая, пригожая, поди замужъ за меня!
Не пойдешъ, вспокаешься, вспомянешъ меня. —

Невѣста обращается къ сосѣдушкамъ, ходитъ съ хороводомъ и отвѣчаетъ:

Пойти было къ сосѣдушкамъ, спросить про тебя:
Сосѣдушки, голубушки, каковъ человѣкъ?

И помолчавъ нѣсколько, она говоритъ ему весело:

Сосѣдушки, голубушки, хвалили тебя.
Вино кури, пиво вари, иду замужъ за тебя!
Ой ли, ой ли, ой люшеньки!
Иду замужъ за тебя.

Женихъ беретъ невѣсту за руку, хороводные повторяютъ:

Ой ли, ой ли, ой люшеньки!
Иду замужъ за тебя.

Тѣмъ оканчивается игра, потомъ выбираютъ другаго жениха, если хотятъ продолжить хороводную шутку надъ женихомъ. —

Дѣвушкамъ пріятно забавляться женихами, но подъ ихъ шуткою бьется пламенное желаніе: скорѣе замужъ! Иногда изъ шуточной игры *женихъ*, онъ дѣлается настоящимъ женихомъ (*)

Коверъ. За нѣсколько дней до выхода замужъ, подруги невѣсты собираются къ ней въ домъ. Тамъ онѣ поютъ

(*) Пѣсенникъ, изд. С. П. Б. 1819 г. ч. 4. с. 57.

съ нею дѣвическія пѣсни, а потомъ выходятъ изъ ея дому хороводомъ на улицу или въ садъ. Въ срединѣ хоровода идетъ дѣйствительнная невѣста, съ бѣлымъ въ рукѣ платкомъ, который представляетъ коверъ. И что же значитъ коверъ?—Тотъ будущій коверъ, на которомъ она должна стоять предъ вѣнчаніемъ съ своимъ суженымъ. Она обязана приготовить коверъ заранѣе и отдать его своимъ дѣвушкамъ. При выходѣ изъ дому, встрѣчаетъ ихъ толпа молодыхъ людей, съ припѣвомъ:

Ты не пой соловей,
Ты не пой молодой,
При долинѣ!
Ты не вей гнѣзда,
Ты не вей гнѣзда,
При теремѣ!

Дѣвушки отвѣчаютъ:

Какъ во теремѣ дѣвица,
Дорогой коверъ вышиваетъ;
Она золотомъ коверъ вышивала,
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужъ кому мой коверъ достанется?
Доставался мой коверъ
Старому мужу.

Невѣста отвѣчаетъ:

Я могу ковра убавить,
Я со всѣхъ сторонъ, со четырехъ,
Я со всѣхъ угловъ, съ золотыхъ.

Хороводныя продолжаютъ:

Какъ во теремѣ дѣвица,
Дорогой коверъ вышиваетъ:

Она золотомъ коверъ вышивала;
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужъ кому коверъ мой достанется?

Невѣста отвѣчаетъ:

Достанется мой коверъ
Ладу милому.
Я хочу ковра прибавить:
Я со всѣхъ сторонъ, со четырехъ,
Со всѣхъ угловъ, съ золотыхъ.

Послѣ этихъ словъ невѣста отдаетъ свой коверъ подругамъ; одна изъ нихъ, представляющая жениха, беретъ ее за руку и выводитъ изъ круга. Прочія дѣвушки не останавливаются на этомъ: каждая изъ нихъ разыгрываетъ невѣсту, съ соблюденіемъ обыкновенныхъ правилъ. Въ иныхъ мѣстахъ играютъ коверъ просто. Собираются дѣвушки въ хорошее лѣтнее время на лугъ, выбираютъ изъ себя невѣсту и поютъ хороводный коверъ. —

Замужняя жизнь.

Многія изъ замужнихъ весьма часто вспоминаютъ о своемъ дѣвичествѣ; не разъ вскручинется молодушкѣ, когда она припомнитъ прошлую, беззаботную свою жизнь. Неволя замужней жизни ясно обозначена въ пѣсни, сочиненной не безъ причины на этотъ случай. Тяжелыя работы нашихъ женщинъ, а требованій еще болѣе отъ ихъ мужей, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ, что поселянки многократно горюютъ о невозвратной своей волюшкѣ. Родимая не отягощала свою дочь работами, родимый не бралъ ее съ собою боронить поле,—а теперь? замужняя молодушка дѣлай то, что мужъ прикажетъ; ходи по терновымъ кустамъ и пекись на солнцѣ, не досыпай ночей и работай до поту. —

Замужняя жизнь, говорятъ нѣкоторые, разыгривается осенью. Нѣтъ, она разыгривается и лѣтомъ и весною, когда вздумается хороводу. Для многихъ забавъ нѣтъ раздѣла времени.—Въ этой игрѣ учавствуютъ не только дѣвушки и молодёжъ, но жены и мужья.—Хороводные, взявшись за руки, поютъ всѣ вмѣстѣ съ избранною ими кумою, которая находятся у нихъ по срединѣ. Она своими движеніями, какъ то: глазъ, плечей, рукъ и проч., указываетъ на жизнь замужней женщины.

Я пойду, пойду, во зеленой садъ гулять,
Поищу я молодова соловья.
Соловей ты мой батюшка!
Ты скажи, скажи, скажи, мой младъ соловей:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Молодушкамъ нѣтъ волюшки,
Краснымъ дѣвушкамъ своя воля гулять.
У молодушки три кручинушки:
Да какъ первая кручинушка,
Слать пуховую перинушку;
А другая-то кручинушка,
Растворяй жена широки ворота;
А какъ третья-то кручинушка,
Ѣдетъ, ѣдетъ, мой ревнивый мужъ домой;
Онъ везетъ, везетъ, гостинецъ дорогой:
Шелкову плетку, кнуто кнутовое:
Да ударитъ меня межъ бѣлыхъ плечъ!
Стала съ мужа кафтанъ скидавати,
Часты пуговки растегивати.
Хоть и рученьки бѣлешеньки,
На рукахъ ли золоты перстни,
Только стану, стану, мужа разувать.
Про замужнюю жизнь вспоминать (*).

(*) Сахар. Сказ. Русск. нар. ч. 2. с. 103. У него эта пѣснь полнѣе, нежели помѣщенныя въ другихъ пѣсенникахъ.

При послѣднемъ стихѣ: *про замужнюю жизнь вспоминать*, иногда кума киваетъ головою такъ неосторожно, что иной немедленно бросаетъ игру. Надъ нимъ смѣются а его молодушка дрожитъ, какъ вспомнитъ про свою жизнь. Эта игра одна изъ поучительныхъ для семейнаго быта. — Слѣдующая пѣснь, выражающая отношеніе замужней: къ свекрову, свекрови и мужу, сходствуетъ съ замужней жизнію.

Я въ садъ пойду, во зеленъ пойду,
Ой люли, ой люли!
По бѣлу капусту,
По бѣлъ кочешекъ.
Не успѣла подойти,
Не успѣла подойти,
Ой люли, ой люли!
Бѣжитъ моя золовушка,
Изъ высокаго терема:
Подь невѣстушка домой,
У насъ дома нездорова,
Нѣчто сдѣлалось:
Новы сѣни подломились,
Кроватушки опустились,
Свекоръ батюшка упалъ.
Какъ бы я была вѣстима,
Я бы выше подмостила,
Горючь камень подложила.
Ой люли, ой люли!
Я въ садъ пойду, во зеленъ пойду,
Ой люли, ой люли!
Не успѣла подойти,
Не успѣла заломить.
Ой люли, ой люли!
Бѣжитъ моя золовушка,
Изъ высокова терема:
Подь невѣстушка домой,

У насъ дома нездорова,
Нѣчто сдѣлалось.
Новы сѣни подломились,
Кроватушки опустились,
Свекровь матушка упала.
Какъ бы я была вѣстима,
Я бы выше подмостила.
Ой люли, ой люли!
Я въ садъ пойду, во зеленъ пойду.
Ой люли, ой люли!
Не успѣла заломить,
Ой люли, ой люли!
Бѣжитъ моя золовушка,
Изъ высокова терема:
Подь невѣстушка домой.
У насъ дома нездорова,
Нѣчто сдѣлалось.
Новы сѣни подломились,
Кроватушки опустились,
Твой лада упалъ. —
Какъ бы вѣстима была,
Я бы ниже подмостила:
Я бы перинку подложила;
Ой люли, ой люли!

Женина любовь.

Это есть воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда женскій полъ проводилъ свою жизнь въ теремахъ и свѣтлицахъ; когда ему запрещалось говорить съ холостымъ, глазъ на глазъ; когда дѣвушка выходила замужъ, не зная за кого выходитъ: обязывалась его любить изъ боязни къ одной плети. Игра женина любовь осталась единственно въ хороводахъ, для осмѣянія жестокости самовластныхъ мужей; она не вездѣ въ употребленіи. — Веселой порой разыгрываютъ всѣ вмѣстѣ: мужья, жены, молодцы и дѣвушки.

Старики, посматривая на играющихъ, хвалятъ стараго мужа и говорятъ ему: не давай волюшки молодой женѣ; поживетъ, слюбится. —

Женщины и мущины любятъ эту игру, но не вездѣ соблюдаютъ однообразное правило при разыгриваніи: болѣе или менѣе оно измѣняется по мѣстному разыгриванію. Дѣвицы дѣлаютъ изъ себя кругъ, въ средину круга выступаетъ молодецъ и дѣвица, но чаще двѣ дѣвицы: одна изъ нихъ занимаетъ мѣсто мужа и надѣваетъ на свою голову шляпу а другая представляетъ жену. Хороводныя ходя, поютъ:

Я поѣду жена,
Въ Китай городъ гулять.
Жена моя женушка,
Сердитое сердце твое!
Я куплю тебѣ жена,
Кисеи на рукава.
Жена моя женушка,
Сердитое сердце твое!
Вотъ тебѣ, жена,
Кисеи на рукава!

Представляющая жену ходитъ отворотясь, и не глядитъ на своего мужа. Мужъ подаетъ ей кисею, жена вырываетъ у него изъ рукъ и бросаетъ на землю, хоръ поетъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любитъ:
Гдѣ не сойдется, не поклонится,
Отворачивается. —
Я поѣду жена,
Въ Китай городъ гулять,
Я куплю тебѣ жена,
Золото колечко. —

Мужъ подаетъ ей кольцо, жена отталкиваетъ отъ себя и ходитъ отворотясь.

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любитъ:
Гдѣ ни сойдется, не поклонится,
Отворачивается.
Я поѣду жена,
Въ Китай городъ гулять,
Я куплю тебѣ жена,
Шелковую плетку.
Вотъ тебѣ жена,
Дорогой подарокъ!

Жена смотритъ на своего мужа ласково, мужъ бьетъ ее плеткой, а она кланяется ему; хоръ поетъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена-то мужа любитъ:
Гдѣ ни сойдется, все поклонится
Поцѣлуется.
Жена моя, женушка.
Отходчиво сердце твое! (*)

Женина любовь разыгривается въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ иначе. Играющіе мужа и жены, иногда разыгрываютъ въ комнатѣ и пляшутъ. Всѣ прочіе сидятъ во время пѣнія.—Когда мужъ заглядываетъ въ лице своей жены, тогда она отворачивается отъ него съ сердцемъ. Въ это время поютъ:

Да жена моя женушка,
Ревнивое сердечко!

(*) Сынъ отеч. 1837 г. с. 401.

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любитъ.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любитъ:
И не любитъ его и не смотритъ на него.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Какъ поѣду молодецъ въ Китай городъ гулять.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Да куплю я женѣ кумачные рукава.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Вотъ тебѣ жена, кумачные рукава.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Мужъ кладетъ на плечо жены платокъ, который она сбрасываетъ.

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена мужа не любитъ.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
И не любитъ и не смотритъ на него.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Какъ поѣду молодецъ въ Китай городъ гулять.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Да куплю я женѣ глазетову юбку.
Да жена моя, женушка.
Ревнивое сердечко!
Вотъ тебѣ жена, глазетова юбка!

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Мужъ кладетъ на плечо жены шелковый или другой какой либо платокъ, который она сбрасываетъ сердито, но разсудивъ, что она поступаетъ съ своимъ мужемъ не хорошо, перемѣняется вдругъ: дѣлается внимательнѣе къ словамъ его, и это вниманіе усиливается за всякимъ стихомъ, болѣе и болѣе:

Ну смотрите, добры люди,
Какъ жена мужа полюбитъ,
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Какъ поѣду молодецъ, въ Китай городъ гулять.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Какъ куплю я женѣ да шелкову плётку.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Вотъ возьми, тебѣ жена, шелкова плётка.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Онъ бросаетъ на ея шею скрученый платокъ; она, поправивъ его на себѣ, бѣжитъ къ мужу и смотритъ ему въ глаза.

Вы видите, добры люди,
Какъ жена-то мужа любитъ.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Она любитъ меня, она смотритъ на меня.
Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!
Она смотритъ на меня, поцѣлуетъ меня.

Да жена моя, женушка,
Ревнивое сердечко!

Жена цѣлуетъ мужа и этимъ оканчивается игра.

Припѣвъ пѣсни къ ревнивой женѣ, измѣняется по мѣстностямъ, напримѣръ: въ пензенской губерніи хороводные, избравъ мужа и жену и поставивъ ихъ въ свой кругъ, такъ начинаютъ:

Растворяйтеся широкія ворота!
Какъ поѣду ль я въ Китай городокъ,
Я куплю женѣ подарокъ,
Дорогой китайки.
Ты пріими жена, не ломайся,
А послѣ не кайся.

Мужъ кладетъ ей на шею ширинку, она сбрасываетъ и отворачивается отъ него. Онъ начинаетъ пѣть, а хороводъ вторитъ ему:

Поглядите-ка, добры люди;
Какъ жена меня не любитъ,
Меня молодца ненавидитъ.

Товарищи мужа остановившись, спрашиваютъ его:

Ты скажи-ка намъ,
Бравой хватъ Иванъ:
Что поладилъ ли съ женой,
Ты съ своей молодой?

Мужъ отвѣчаетъ, что онъ не поладилъ еще, и поетъ съ хороводомъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена меня не любитъ,
Меня молодца ненавидитъ.

На мужа сыплются насмѣшки и укоризны, что онъ и плохъ и худъ, что онъ малъ и работать не умѣетъ, и что хотя привезъ женѣ подарокъ, однако никуда не годится. Потомъ начинаютъ снова:

Растворяйтеся широкія ворота!
Какъ поѣду ль я въ Китай городокъ,
Привезу женѣ подарокъ:
Шубку, юбку, тѣлогрѣйку.
Ты прійми жена, не ломайся,
А послѣ не кайся.

Мужъ снова кладетъ подарокъ на плечо жены, которая снова отворачивается отъ него. Его спрашиваютъ: поладилъ ли онъ съ женой? Мужъ отвѣчаетъ съ хороводомъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена меня не любитъ,
Меня молодца не навидитъ.

Надъ нимъ издѣваются по прежнему, называютъ его *кочетомъ* (пѣтухомъ) и намѣкаютъ ему прибѣгнуть къ строгости. Потомъ возобновляютъ пѣснь прежнимъ порядкомъ.

Растворяйтеся широкія ворота!
Какъ поѣду ль я въ Китай городокъ,
Ужъ куплю я женѣ подарокъ
Дорогой подарокъ,—шелковую плётку,
Два аршина съ половиной.
Ну прійми-ка жена, не ломайся,
И теперь покайся.
Ты жена плётку возьми, не гнѣвайся;
Душа радость, не прогнѣвайся.

Мужъ кладетъ на плечо жены плётку. Жена, видя *неминучую* бѣду, оборачивается къ нему, обнимаетъ и цѣлуетъ его. Мужъ, заломивши шапку на бекрень, обращается къ хороводнымъ:

Посмотрите-ка, добры люди,
Какъ жена меня любитъ;
Меня молодца ужъ не ненавидитъ.
Поглядите-ка, люди добрые,
Какъ жена мужа любитъ;
Вокругъ его увивается,
Въ глаза засматривается.
Посмотрите-ка, люди добрые,
Какъ жена съ мужемъ ладно живетъ:
Гдѣ ни сойдется, все цѣлуется.

Въ заключеніи своей радости мужъ и жена *отхвачиваютъ пляску залихватскую*, по выраженію играющихъ, подъ какую нибудь плясовую пѣснь.

Ревнивая жена.

Во всякомъ состояніи ревность есть бичь для семейнаго счастія. Быть мужу ревнивымъ, не умно: это значитъ сомнѣваться въ благородствѣ чувствъ своей жены; но быть ревнивымъ женѣ, еще хуже и не простительнѣе, потому что этимъ самымъ она даетъ поводъ мужу къ нарушенію вѣрности. Напрасно оспариваютъ нѣкоторые, что ревность происходитъ отъ истинной любви. Если бы это была чистая любовь, то никогда бы не ревновали другъ къ другу, Кто истинно любитъ, тотъ вѣритъ въ постоянство. Недовѣрчивость раждаетъ ревность, а отсюда проистекаютъ страданія супруговъ. Мой мужъ, говоритъ жена, не любитъ меня. Это значитъ, что она и прежде могла сомнѣваться въ его любви. Мужья ли скорѣе измѣняютъ женамъ, или жены мужьямъ? Нѣтъ сомнѣнія, что мужья. — Но ктоже этому виной?—Тревож-

ная ревность самыхъ женъ. Вѣрьте въ любовь и будете счастливы. — Иначе непремѣнный разладъ. Отъ этаго произошла поучительнная игра для ревнивыхъ женъ. —

Молодые обоего пола составляютъ хороводъ; избранные изъ нихъ: мужъ и жена, становятся въ кружокъ и поютъ вмѣстѣ, ходя вокругъ:

Какъ у насъ за дворомъ,
Росла трава шелковая,
Ой люли, шелковая!
По той травѣ шла жена,
За нею мужъ горемычный,
Ой люли, шелковая!
Ты постой, моя жена,
Ты подожди, моя жена,
Ой люли, шелковая!
Я сударь не твоя,
Я родимова батюшки,
Ой люли, шелковая!
Какъ у насъ за дворомъ,
Росла трава шелковая,
Ой люли, шелковая!
Шли молодцы, удальцы,
Вели коня подъ ковромъ,
Ой люли, шелковая!
Подъ золотымъ чепракомъ,
Онъ копытомъ землю выбивалъ,
Ой люли, шелковая!
Въ моемъ мужѣ правды нѣтъ,
Съ чужой женой знается,
Ой люли, шелковая!
Со мной же ссорится,
Надо мной цздѣвается,
Ой люли, шелковая!
Чужой женѣ башмаки,
А мнѣ младой фи-фи,
Ой люли, шелковая!

Чужой женѣ сережки,
А мнѣ однѣ слезки.
Ой люли, шелковая!
Я же мужа подарю,
Рубашку ему сошью,
Ой люли, шелковая!
Сошью изъ полотна,
Изъ дерюжнова конца,
Ой люли, шелковая!

Жена выходитъ изъ круга, а мужъ остается одинъ: онъ стоитъ въ задумчивости, потомъ и онъ выходитъ и самъ не глядитъ на жену. Эта разладица мужа и жены, явно обнаруживаетъ семейное неудовольствіе.—Если хотятъ продлить вновь игру, то опять ее составляютъ какъ прежде. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужъ ходитъ въ кругѣ съ полюбовницею, а въ другихъ и всѣ трое: жена, мужъ и его полюбовница. Этотъ хороводъ по выраженію своему сходствуетъ съ хороводомъ: *довольный мужъ своей женой* (*), но по дѣйствію различается: въ первомъ стоитъ въ срединѣ круга одинъ молодецкій сынъ, а сдѣсь мужъ и жена.—

Ревнивый мужъ.

Въ кругу ходитъ старый, сгорбившійся мужъ: онъ кашляетъ и грозитъ своей молоденькой женѣ, стоящей въ сторонѣ отъ него. Когда онъ подходитъ къ ней, тогда она убѣгаетъ и прячется между дѣвушками, уже поющими:

(*) Помѣщено между весенними хороводами. Нельзя не замѣтить, что ревнивая жена гораздо лучше выражаетъ недовѣрчивую свою любовь, въ этихъ словахъ: *да жена моя, женушка, ревнивое сердечко.*

На горѣ, горѣ, дубья стоятъ,
Дубья стоятъ сучковатые.
Ой люли, люли, сучковатые!
У меня ли у младой ревнивый мужъ,
Ревнивый мужъ, окаянный еретикъ.
Ой люли, ой люли, еретикъ!
Посылаетъ меня мужъ,
Въ полночъ по воду одну.
Ой люли, ой люли,
Въ полночь по воду одну,
По холодну ключеву.

Жена идетъ по воду, держа въ правой рукѣ дитя а въ лѣвой ведра, и все это представляетъ она особенными какими либо вещами.

Въ лѣвой рукѣ ведро несу,
Во правой свое дитя держу!
Ой люли, ой люли.
Дитя держу!
Въ ведрѣ вода сколыхалася,
А я млада развопилася,
Ой люли, ой люли, развопилася!
Мое дитя раскричалося:
Ты спи, усни, мое дитятко,
Ой люли, ой люли, мое дитятко!
Ты спи, усни, угомонъ тебя возьми,
Ой люли, ой люли, угомонъ тебя возьми!
Угомонъ возьми, либо бѣсъ утащи,
А меня мдаду погулять пусти. —

Молодой женѣ приторно жить съ старымъ мужемъ, который ни самъ не веселится, ни ее не пускаетъ. Поневолѣ жена захочетъ гулять, а если разгуляется жена, то ужъ горбатого исправитъ могила. Изъ этого выходитъ, что старые мужья причиною своимъ несчасті-

ямъ а молодыя жены не знаютъ за ними своего счастія. —

Женинъ разладъ. Жена долго повиновалась умной строгости своего мужа, наконецъ, соскучивъ ею, уже не хочетъ болѣе слушать его: она идетъ гулять, забываетъ своего мужа и нейдетъ къ нему. Мужъ любитъ жену за однуея красоту, ласкаетъ и обѣщается ей во всемъ дать волю. Торжествующая жена дѣлаетъ съ нимъ условія, мужъ соглашается на все, но когда она огласила себя вольною, тогда мужъ бросилъ ее. — Это есть олицетвореніе слабости мужа, который, бывъ самъ виновнымъ въ волѣ жены, находитъ одно средство въ своемъ горѣ— растаться съ легкомысленною. — Мужъ и жена, стоятъ съ срединѣ хоровода; онн сначала не смотрятъ другъ на друга, потомъ сходятся, смотрятъ и разстаются: жена съ презрѣніемъ а мужъ съ грустью. Играющіе ходятъ вокругъ ихъ и поютъ:

Я малешенекъ у матушки родился,
Я глупешенекъ у батюшки женился,
Привезъ себѣ жену молодую,
Словно грушу зеленую,
Словно яблочко налитое.
А жена то молодчика не возлюбила,
Негодницъ молодчика называла.
Какъ пошла молодая жена,
Какъ сама гуляла безъ меня.
Ровно девять денечковъ, —
Ко мнѣ мужу не бывала;
На десятой денечикъ,
Ко мнѣ мужу жена приходила,
Не дошедши остановилась,
Мнѣ негодяю поклонилась

Жена оборачивается къ мужу:

Ахъ ты мужъ негодный!
Будешъ ли кормить хлѣбомъ?
Мужъ. Сударыня жена!
Буду кормить калачами.
Жена. Будешъ ли негодный!
Меня поить квасомъ?
Мужъ. Буду я поить сытой,
Сытой медовою.
Жена. Будешъ ли не годный!
Пускать меня въ гости?
Мужъ. Сударыня жена,
Ступай вовсе!

Мужъ и жена расходятся, подруги уговариваютъ жену притти и поклониться мужу; она сначала не хочетъ, потомъ идетъ и кланяется ему въ ноги, но мужъ гонитъ ее отъ себя. (*)

Старый мужъ и молодый мужъ.

Одного мущину дѣлаютъ старымъ мужемъ, а другаго молодымъ. Представляющая же невѣсту посматриваетъ грустно на стараго, ходитъ печально по комнатѣ и ломаетъ руки; прочіе поютъ:

Ай горе! ай горе!
Напасть преведикая,
Печаль неутолимая!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
За стараго замужъ итти,
За стараго замужъ итти?

Беретъ стараго за руку и оборачивается къ нему спиною:

(*) Сахар. Ск. русск. нар. ч. 2. с. 85.

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
За стараго замужъ итти,
За стараго замужъ итти.
Ай горе! ай горе!
Напасть превеликая,
Печаль неутолимая!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Старому постелю слать,
Старому постелю слать?

Бросаетъ на полъ грязную тряпку:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Старому постелю слать,
Старому постелю слать.
Ай горе! ай горе!
Напасть превеликая
Печаль неутолимая!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Стараго на постелю класть,
Стараго на постелю класть,

Толкаетъ стараго мужа на тряпку:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Стараго на постелю класть,
Стараго на постелю класть.
Ай горе! ай горе!
Напасть превеликая,
Печаль неутолимая!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Стараго обнимать будетъ,
Стараго обнимать будетъ?

Обнимаетъ воздухъ надъ головою стараго:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Обнимать стараго будетъ,
Обнимать стараго будетъ?
Ай горе! ай горе!
Напасть превеликая,
Печаль неутолимая!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Стараго цѣловать будетъ,
Стараго цѣловать будетъ?

Она цѣлуетъ стараго и потомъ плюетъ не землю:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Стараго цѣловать будетъ,
Стараго цѣловать будетъ.
Ай горе! ай горе!
Напасть превеликая,
Печаль неутолимая!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Стараго подымать будетъ,
Стараго подымать будетъ?

Поднимаетъ стараго и толкаетъ его:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Стараго подымать будетъ,
Стараго подымать будетъ.

Таже дѣвушка, которая горевала, смотритъ иначе на молодого и пляшетъ отъ радости.

Ай радость! ай радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
За молодого замужъ итти,
За молодого замужъ итти?

Беретъ молодого за руку, ведетъ его за собою и любуется имъ:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
За молодого замужъ итти,
За молодого за мужъ итти.
Ай радость! ай радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Молодому постелю слать?

Стелетъ пуховую постель и кладетъ въ головы пуховую подушку.

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Молодому постелю слать,
Молодому постелю слать,
Ай радость! ай радость!
Веселье великое!
Веселье ведикое!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Молодого на постелю класть,
Молодого на постелю класть?

Беретъ молодого за руки и тихо его опускаетъ на постель:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Молодого на постелю класть,
Молодого на постелю класть,
Ай радость! ай радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ
Молодого обнимать будетъ,
Молодого обнимать будетъ?

Прижимаетъ молодого къ своей груди:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Молодого обнимать будетъ,
Молодого обнимать будетъ!
Ай радость! ай радость!
Селелье великое!
Веселье великое!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Молодого цѣловать будетъ,
Молодого цѣловать будетъ?

Цѣлуетъ его страстно:

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Молодого цѣловать будетъ,
Молодого цѣловать будетъ.
Ай радость! ай радость!
Веселье великое!
Веселье великое!
Какъ же мнѣ, какъ же мнѣ,
Молодого подымать будетъ,
Молодого подымать будетъ?

Беретъ молодого подъ руки, подымаетъ осторожно и сажаетъ на приготовленное мѣсто.

Вотъ такъ, вотъ этакъ!
Молодого подымать будетъ,
Молодого подымать будетъ. —

Выходъ дѣвушки замужъ за стараго, выражено еще въ слѣдующихъ двухъ хороводныхъ пѣсняхъ:

По рѣкѣ, рѣкѣ, селезень плыветъ,
Дѣвушкамъ вѣсть несетъ нерадостную:

Скорую грамотку,
По бѣлому бархату. —
Быть тебѣ дѣвушка,
За старымъ за мужемъ;
Быть тебѣ дѣвушка,
Старою бабою, безобразою.
Знала бы я дѣвушка, да вѣдала,
Я бы мылами не умывалася,
Я бы бѣлилами не бѣлилася.
И румянами не румянилася,
Сурмилами не сурмилася.

Еще поютъ:

По морю, по моречку синему,
Плавала, плавала лебедушка бѣлая;
Плакала, плакала, душа красна дѣвушка.
Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ быть,
За стараго замужъ иттить?
Какъ эдакъ и вотъ эдакъ!
Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ,
Старому постель будетъ слать?
Какъ эдакъ и вотъ эдакъ!
Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ,
Стараго спать будетъ калсть?
Такъ эдакъ и вотъ эдакъ!
Какъ то мнѣ, какъ то мнѣ,
Стараго цѣловать будетъ?
Такъ эдакъ и вотъ эдакъ!
Вамъ нечего меня учить,
Я съ старымъ не хочу жить.
Съ старымъ жить мнѣ не хочется,
Къ нему мое сердце не ворочается.
Я пойду замужъ за ровнюшку,
За хольную головушку.
Сама ровнюшки буду постелю слать.

Таки буду, таки буду похаживать,
Буду съ ровней распѣвать,
Правой ручкой обнимать,
Раздушенькой называть —
Таки буду, таки буду поживать,
Буду ровнюшку цѣловать,
Сокровищемъ называть,
Туго къ сердцу прижимать.
Не объ чемъ будетъ плакать, горевать,
Таки буду, таки буду поживать.
Старый женихъ не милъ,
Онъ противенъ и постылъ. —

Быть замужемъ за старымъ, ни кому не нравится:

Жалко дѣвка плакала:
За старого замужъ иду!
Ты старый, ты старый мужъ,
Сгубилъ мою голову,
Всю дѣвичью красоту.
Ой на горѣ калина,
Подъ горою малина!
Тутъ идутъ бояре,
Вскричали Ульяну.
Вспомянетъ ли батюшка?
Ой высоко и далеко!
А я вспомяну и прочъ пойду,
Прочъ пойду и не забуду.

—

Среди Москвы повалуша стоитъ,
За повалушею красна дѣвица сидитъ.
Она плачетъ, какъ рѣка льется:
Потеряла трое золоты ключи,
Съ шелковымъ поясомъ,
Съ серебрянымъ мутовизкомъ (шнуркомъ).
Кто бы мои ключи нашелъ,
За того бъ я замужъ пошла!

Хоть бы за стараго, за малаго,
Хоть бы за ровнюшку за пьяницу.
Идетъ старый изъ улицы,
Онъ правой рукой помахиваетъ,
Золотыми ключьми побрякиваетъ.
Красная дѣвица возговорила:
Пропадай же мои золоты ключи,
Съ шелковымъ поясомъ,
Съ серебряннымъ мутовизкомъ.

Вдова. Хочется ли молодушкѣ оставаться вдовушкой? — Больно вдовушкѣ жить одной. Невольныя воспоминанія тревожатъ ее. Посмотритъ ли она на своихъ гуляющихъ подругъ, у ней забьется сильно сердце: ей нельзя гулять съ ними. — Что скажутъ тогда про вдовушку? Приглашаютъ ли ее на посидѣлки, она нейдетъ: ей не до веселостей. — Въ этой игрѣ представляется печальная вдовушка: она стоитъ на возвышеніи, около нея поетъ хороводъ. Иныя покрываютъ лице вдовушки платкомъ, водятъ ее въ кругу и утѣшаютъ. При словѣ, выражающимъ ея тоску, она оборачивается къ хороводу и представляетъ себя плачущею. Первые два стиха поются протяжно, а послѣдніе коротко и скоро:

Какъ у нашихъ у воротъ,
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Хороводъ, хороводъ,
Ой люли, хороводъ!
Всѣ дѣвки веселы,
Одна лишъ Марьюшка,
Хороводъ, хороводъ,
Ой люли, Марьюшка!
Одна лишъ Марьюшка,
Безутѣшна вдовушка,

Хороводъ, хороводъ,
Ой люли, вдовушка!
Во садику гулятъ,
Личико утираетъ,
Хороводъ, хороводъ,
Ой люли, хороводъ!
Личико утираетъ,
Словечушко говоритъ.
Хороводъ, хороводъ,
Словечушко говоритъ!

Вдова начинаетъ говорить, а послѣ нея хороводъ повторяетъ послѣдніе два стиха.

Мнѣ счастія не видать,
Съ молодцами не гулять.
повтореніе хоровода. Хороводъ, хороводъ,
Ой люли, не гулять!
Меня вы не держите,
Отсюда отпустите.
повтореніе хоровода. Хороводъ, хороводъ,
Ой люли, отпустите!

Хороводъ расплетается и вдовушка выходитъ изъ круга. Мѣсто вдовы занимаетъ по условію другая какая либо дѣвушка. Въ этой игрѣ не участвуютъ мущины.

Вдова очень искусно принаровлена поселянами къ ихъ быту, и эта самая пѣснь поется еще иначе:

Какъ у нашихъ у воротъ,
Люли, право, у воротъ!
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Люли, право, хороводъ!
У точенныхъ у дверей,
Люли, право, у дверей!

Всѣ дѣвки веселы, веселы,
Люли, право, веселы!
Одна дѣвка лучше всѣхъ!
Люли, право, лучше всѣхъ!
Авдотьюшка вдовина,
Люли, право, вдовина!
По бережку гуляетъ,
Люли, право, гуляетъ!
Рукавчикомъ махаетъ,
Люли, право, махаетъ! —
Сердечушкомъ воздыхаетъ,
Люли, право, воздыхаетъ!
Словечушко говоритъ,
Люли, право, говоритъ!
Ахъ! свѣтъ моя сторона,
Люли, право, сторона!
Покровская слобода,
Люли, право, слобода! —
Ужъ мнѣ въ тебѣ не бывать,
Люли, право, не бывать!
Пивца, винца не пивать,
Люли, право, не пивать!
Сладкихъ яблокъ не ѣдать,
Люли, право, не ѣдать!
Съ молодцами не гулять,
Люли, право, не гулять! —

Вмѣсто окончательныхъ стиховъ: люли, право, у воротъ; люли, право, хороводъ—и т. д., другія поютъ: люли, браво, у воротъ, люли, браво, хороводъ—и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что слово *право* переиначено пѣсельниками въ браво, тѣмъ болѣе, что эта пѣснь довольно старинная, пѣвалась прежде иначе, и безъ браво, которое вошло у насъ въ употребленіе едва ли ранѣе конца XVIII вѣка. Вотъ какъ она пѣлась въ старину:

У нашихъ то у воротъ, да у воротъ,
У точенныхъ у дверей, да у дверей,
Стоялъ дѣвокъ хороводъ, да хороводъ.
А всѣ дѣвки веселы, да веселы,
Одна дѣвка лучше всѣхъ, да лучше всѣхъ,
Авдотьюшка вдовина, да вдовина.
По бережку гуляла, да гуляла,
Рукавчикомъ махала, да махала,
Сердечушкомъ вздыхала, да вздыхала,
Словечушко сказала, да сказала:
Ахъ ты свѣтъ, моя сторона, да сторона!
Покровская слобода, да слобода:
Ужъ мнѣ въ тебѣ не бывать, да не бывать,
Пивца, винца не пивать, да не пивать;
Сладкихъ яблокъ не ѣдать, да не ѣдать,
Съ молодцами не гулять, да не гулять (*).

Гуляй, гуляй.

Эта забава сопровождается не однимъ пѣніемъ, но и пляскою. Когда наши добрые мужички поразвеселятся и язычекъ у нихъ поразвяжется, тогда начинаютъ они: *гуляй, гуляй*! Женушки себѣ тоже, только съ молодцами. Мужичекъ и пляшетъ, и поетъ, и скачетъ, и гуляетъ; мужичекъ въ то время и учитъ свою жену: онъ беретъ плётку и напоминаетъ ей про разгулье.— Это характеристическая игра, которая живо рисуетъ разгульную жизнь нашихъ мужичковъ.

Хороводъ составляется изъ дѣвушекъ, молодушекъ и молодцовъ. Побравшись за руки, ходятъ кругомъ, пляшутъ и поютъ:

(*) Нов. и полн. собран. русск. пѣсен. ч. 2. № 178, изд. въ Москвѣ 1780 г.

Какъ у насъ во пиру,
Какъ у насъ во бесѣдѣ;
Ай люли, люли, во бесѣдѣ!
Всѣмъ молодушкамъ весело,
Всѣмъ Иваповнамъ весело;
Ай люли, люли, весело!
Одной молодушкѣ грустно,
Одной молодушкѣ скучно;
Ай люли, люли, скучно!
Ужъ у ней ли старой мужъ,
Ужъ у ней ли старой грибъ,
Ай люли, люли, старой грибъ!
Молодушкѣ погулять,
Молодушкѣ побывать,
Ай люли, люли, побывать!
Съ ребятами поиграть,
Съ неженатыми потолковать,
Ай люли, люли, потолковать!
Запрещаетъ, не велитъ,
Грозитъ бѣдную побить,
Ай люли, люли, побить!
Слезы катятся, играть хочется,
А стару мужу не покорюсь,
Ай люли, люли, не покорюсь!
Отпусти сударь батюшка,
На улицу погулять,
Ай люли, люли, погулять!
Я пошла млада, разгулялась,
Во зеленомъ саду разыгралась,
Ай люли, люли, разыгралась!
Все съ ребятами съ неженатыми, —
Что заря пришла, я домой пошла!
Ай люли, люли, пошла!
Родной батюшка у воротъ стоитъ:
Ты поди, поди, моя бѣдная;
Ай люли, люли, бѣдная!

Твой высокъ теремъ растворенъ стоитъ,
Твой ревнивый мужъ за столомъ сидитъ.
Ай люли, люли, сидитъ!
Шелкова плётка на столѣ лежитъ,
Толстая дубинка передъ нимъ,
Ай люли, люли, передъ нимъ!
Я взошла во высокъ теремъ,
Мой высокъ теремъ затворяется,
Ай люли, люли, затворяется!
Мой ревнивый мужъ подымается,
Шелкову плеть со стола беретъ,
Ай люли, люли, беретъ!
Плётка свиснула, руда брызнула:
Ужъ ты гдѣ была, жена страмница?
Ай люли, люли, страмница!
Я была молода во зеленомъ саду,
Все съ ребятами съ неженатыми,
Ай люли, люли, съ неженатыми!

При окончаніи пѣнія подходитъ подгулявшій мужичекъ и ищетъ своей женушки. Въ кругу прячутъ ее, онъ успѣваетъ открыть и уводитъ ее съ собою, приговаривая: *вотъ я-тъ! все съ ребятами съ неженатыми.* Она просится погулять, мужъ сердится и грозитъ ей.— За тѣмъ снова возобновляютъ игру по желанію.

Разгульная жена.

Кто не знаетъ, какое горе для мужа, когда разгуляется жена его? Увлекаясь страстью къ веселой жизни, она нарушаетъ иногда супружескую вѣрность, которая, въ кругу нашихъ поселянъ, доселѣ священная. Да пребудетъ навсегда ненарушимо и свято супружество! Несчастіе мужей изобрѣло игру разгульной жены, или какъ иные называютъ, *гулливой.* —

Мущины, дѣвушки и женщины, становятся въ кружокъ и поютъ часто укоризненныя слова на жену, прямо не въ бровь а въ глазъ. Порокъ открывается,

несмотря на скрытность женщины: изворотливость ея не смягчаетъ справедливо разгнѣваннаго мужа. Одна изъ женщинъ разыгрываетъ разгульную жену, которую помѣщаютъ въ кружкѣ. Женщина сначала издѣвается надъ разгульною, потомъ начинаютъ пѣть всѣ хоромъ:

Вдоль по улицѣ широкой,
По большой по широкой!
Ой люли, по широкой!
Шли красны дѣвушки,
Шли всѣ молодушки,
Ой люли, молодушки!

Тутъ разгульная поетъ съ дѣвушками:

Дѣвушки подождите,
Меня съ собой возьмите,
Ой люли, возьмите!
Пойду, погуляю,
Я мужа не спрошаю.
Ой люли, не спрошаю!
Мой муженекъ старичишка,
Не пускаетъ на игрища,
Ой люли, на игрища!
Я иду сама гулять,
Съ молодцами поиграть,
Ой люли, поиграть!
Старикъ мой, старичишка,
Отпусти погулять,
Ой люли, погулять!

Хоръ мущинъ отвѣчаетъ:

Я тебя отпущу,
Но домой не пущу,
Ой люли, не пущу!

Весь хоръ:

Съ ребятами гулять,
Ой честь потерять,
Ой люли, потерять!

Разсерженый мужъ уводитъ свою жену. Толпа старушекъ коритъ ее; молодые, едва женившіеся, слушаютъ съ трепетомъ, чтобы нареканіе не пало и на ихъ женъ. Часто мужья старики досадуютъ на эту забаву, но слова изъ пѣсни не выкенешъ, говорятъ имъ насмѣшницы, и игру начинаютъ вновь. Нѣкоторые замѣчаютъ, что эта игра составляетъ любимый хороводъ заокскихъ обитателей; но я видѣлъ ее и въ южныхъ мѣстахъ Россіи, только съ большими измѣненіями и часто приплетаютъ свои припѣвы, нарочно выдуманные на этотъ предметъ. —

Молодецкій сынъ.

Подъ этимъ именемъ иные разумѣютъ скупого, который, заѣхавъ въ чужую сторонушку, не ссоритъ деньгами. Парень долго ходилъ по свѣту, искалъ себѣ жены и наконецъ нашелъ: веселую, какъ онъ самъ; безпечную и игривую, какъ его удальство. Дѣвушки и молодые парни, составивъ хороводъ, становятъ въ срединѣ молодецкаго сына, и ходя вокругъ него, распѣваютъ про житье-бытье молодецкаго сына:

На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами разцвѣтала.
На той ли на калинѣ, сидитъ соловейка,
Весело пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ молодецъ жениться,
Тебѣ красной дѣвушкѣ постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,

Къ найбольшему тамъ атаману:
Чѣмъ меня государь-батюшка подаруетъ?
Подарилъ меня государь-батюшка женою,
Глупою женою, неразумною:
Я за гудокъ, а она за прялку;
Я въ гудокъ играти, а она мотати.
Не за чемъ въ люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.
Подарилъ меня государь-батюшка женою,
Умною женою и разумною:
Я за гудокъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ, а она плясати.
Не за чемъ въ люди по веселье,
Дома весельица довольно. (*)

Говорятъ, что прежде выставляли молодецкаго сына на лице: тутъ дѣвушки бранили его, и если онъ не исправлялся, то наказывали. — Пріятно, очень пріятно слышать, что существовало подобное обыкновеніе на Руси. Въ немъ заключается хорошій урокъ и для нынѣшнихъ щеголей, называющихся *львами и а-ля мужикъ*.

Донъ Ивановичъ.

Изъ пѣсни Донъ Ивановичъ, сдѣлали хороводную забаву. Что такое значитъ Донъ Ивановичъ? Должно ли его принимать за имя рѣки, или за похожденіе обитателя рѣки Дона? Языческіе Славяне боготворили рѣки: Дунай, Бугъ, Волховъ и др., но про Донъ ничего намъ неизвѣстно. Въ народныхъ напѣвахъ рѣка Волга понынѣ именуется матушкой рѣкой. — По своему большому протяженію, историческимъ событіямъ и ватагамъ разбойниковъ, Волга запечатлѣлась въ памяти народа. Сверхъ этого, будучи лучшею судоходною и рыболовною рѣ-

(*) Снегир. Русск. простонар. праздн. ч. 2. с. 97.

кой, она пріобрѣла отъ тамошнихъ обитателей справедливое имя кормилицы. Но почему же поютъ Донъ Ивановичъ? Потому, что это похожденіе удальцовъ съ береговъ Дона, и можно сказать навѣрно, что они, посѣщая по торговлѣ великороссійскія земли, прославились между Русскими: удальствомъ, изворотливостію, наѣздничествомъ и любовью къ музыкѣ. Какъ заѣзжіе гости, они принимались съ почестью, особенно среди семейныхъ домовъ. Тамъ ими дорожили, и тамъ готовили для нихъ своихъ невѣстъ. Самая пѣснь говоритъ намъ про это, какъ бы ни пѣли ее превратно. Есть пѣсни, въ коихъ Донъ превращенъ въ Дунай, но эта перемѣна произошла отъ принятія Донъ за Дунай. —

Донцы въ извѣстности а теперь еще болѣе, когда они содѣлались образованнѣе и богаче. — Донъ Ивановичъ не есть пѣснь, но цѣлая дума. А почему обратили ее въ хороводъ? Неизвѣстно, но извѣстно то, что ее издавна поютъ и играютъ. — Дѣвушки собираются вечеромъ поиграть на лугу: тамъ онѣ поютъ сначала разныя хороводныя пѣсни, потомъ, когда присоединятся къ нимъ молодцы, запѣваютъ Донъ Ивановичъ.—Взявшись за руки, становятся въ кружокъ; въ срединѣ стоитъ Донъ Ивановичъ, съ шапкою на головѣ и балалайкою въ рукѣ. Отъ его искуства игра принимаетъ разныя веселыя измѣненія: онъ старается олицетворить самую пѣснь, а пототу поступаетъ по напѣву.

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Вдоль улицы на конецъ.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Ахъ какъ звали молодца,
Позывали удальца,

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Ужъ какъ мнѣ ли молодцу,
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.
Иль я выйду молодецъ,
На свой новой на крылецъ,
Закричу ли я, молодецъ,
Громкимъ голосомъ своимъ:
Ахъ! какъ есть ли у меня,
Слуги вѣрные мои?
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки.
Вынимайте кафтанъ,
Рудожелтъ камчатъ;
Вынимайте шапку,
Черную мурманку;
Вы подайте гусли,
Звончаты мои.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Ко вдовушкѣ на конецъ,
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ,
Противъ вдовушки на скамьѣ!

Донъ Ивановичъ садится съ балалайкою на землѣ и играетъ, къ нему подходитъ вдовушка; онъ ей кла-

няется, и въ это время падаетъ съ него шапка; вдовушка не подымаетъ. Хороводъ продолжаетъ:

Заигралъ онъ въ гусли,
Заигралъ въ звончатые свои.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Уронилъ шляпу долой,
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Донъ Ивановичъ поетъ съ хороводомъ:

Ужъ ты, вдовушка моя,
Молодая вдова,
Подыми шапку мурманку. —

Одинъ хороводъ:

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Вдовушка поетъ съ хороводомъ предъ Дономъ Ивановичемъ:

Не твоя сударь, слуга,
Я не слушаю тебя.

Одинъ хороводъ:

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Вдовушка не подымаетъ его шляпы, уходитъ отъ него; онъ самъ поднимаетъ и надѣваетъ.

Хороводъ:

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Вдоль улицы на конецъ,
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Ахъ какъ звали молодца,
Позывали удальца,
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Къ дѣвушкѣ наконецъ,
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ,
Противъ дѣвушки на скамѣйкѣ.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Изъ хоровода выходитъ дѣвушка, онъ ей кланяется, съ него падаетъ шапка; хороводъ поетъ:

Заигралъ онъ въ гусли
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Молодецъ дѣвицѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.
Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Донъ Ивановичъ съ хороводомъ:

Ужъ ты, дѣвушка моя,
Ты красная моя,
Подими шапку мурманку.

Одинъ хороводъ:

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Дѣвица съ хороводомъ:

Я твоя сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя. —

Донъ Ивановичъ принимаетъ съ ея рукъ шапку, и цѣлуетъ дѣвушку. Хоръ поетъ:

Ахъ Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ! (*)

Не олицетвореніе ли это жениха безъ роду, безъ племени, ищущаго себѣ невѣсту?

Въ этомъ хороводѣ часто стоятъ вмѣстѣ: невѣста и женихъ. И какъ тогда пріятно сердцу невѣсты, когда она слышетъ похвалы своему суженому. Часто заводятъ съ намѣреніемъ эту игру, чтобы порѣзвиться на просторѣ.

Вотъ вамъ цѣлая любовная дума Дона Ивановича, котораго часто пѣли подъ именемъ *Вздунай*. И какихъ

(*) Сахар. Сказ. Русск. нар. ч. 2. с. 77. Донъ Ивановичъ списанъ съ его сказаній, по причинѣ полноты.

именъ не давали ему! *Воздунай, Раздунай, горъ-Дунай, Дуни, най, най.*

Еще поютъ и разыгриваютъ иначе: въ срединѣ круга ходитъ въ одну сторону парень и машетъ на дѣвушекъ платкомъ, которыя въ то время ходятъ въ противуположную ему сторону.

Дѣвки звали молодца,
Позывали удальца,
Вопиръ пировати,
Во бесѣдушку сидѣть.
Посадили молодца,
Посадили удальца.
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Противъ вдовушки на скамьѣ,
На хорошей на скамьѣ,
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Съ молодца шляпа долой,
Съ удальца черная долой.
Ужъ ты вдовушка подай,
Разкрасавица подай!
Не раба сударь, твоя,
Не работаю на тебя.
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Не честь молодцу,
Не хвала удальцу.
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Дѣвки звали молодца,
Позывали удальца,
Во пиръ пировати,
Во бесѣдушку сидѣть.

Посадили молодца,
Посадили удальца.
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Противъ дѣвицы на скамьѣ,
Противъ хорошей на скамьѣ.
Съ молодца шляпа долой,
Съ удальца черная долой,
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Ужъ ты дѣвица подай,
Разхорошая подай.
Я раба, сударь твоя,
И работаю на тебя
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Спасибо тебѣ душа,
Дѣвушка хорошая.
Ой Донъ, мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!

Вотъ еще измѣненіе Дона Ивановича:

Ой Донъ ли мой Донъ,
Сынъ Ивановичъ Донъ!
Какъ изъ улицы въ конецъ,
Идетъ доброй молодецъ;
Онъ платкомъ махаетъ,
Важно разговариваетъ:
Меня звали молодца,
Позывали удальца;
Во пиръ пировать,
Въ бесѣдушку сидѣть.
Посадили молодца,
Противъ вдовоньки на скамьѣ.
Молодецъ вдовѣ челомъ,

Съ молодца шляпа долой.
Шляпу вдовинька подай!
Разгорюшенька подай!
Не слуга сударь тебѣ,
Не послушаю тебя;
Не послушаю тебя,
Черну шляпу не подамъ.
Не радошенъ молодецъ,
Онъ головушку повѣсилъ,
Самъ заплакалъ и пошелъ.
Какъ изъ улицы въ конецъ,
Идетъ доброй молодецъ.
Слезно плачетъ и рыдаетъ,
Платкомъ слезы утираетъ.
Меня звали молодца,
Позывали удальца,
Во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть.
Посадили молодца,
Противъ дѣвушки на скамьѣ.
Молодецъ дѣвкѣ челомъ,
Съ молодца шляпа долой.
Ужъ ты дѣвица, подай!
Разскрасавица подай!
Я слуга сударь твоя,
Я послушаюсь тебя,
Черну шляпоньку подамъ.
Доброй молодецъ,
Радошенъ и веселъ;
Самъ защелкалъ да пошелъ,
Веселую пѣсеньку запѣлъ:
Про Дуняшу, про Ульяшу,
Про сударушку свою. —

Бурлаки. Это насмѣшка надъ бездомными людьми. Ихъ представляютъ въ видѣ бурлаковъ.—Бурлакъ есть собствен-

но малоорссійское слово, и значитъ переходнаго человѣка, который порядочно зарабатываетъ и богатѣетъ. Въ Велико-россіи проименовали бурлаками судовщиковъ, кои отправляются въ концѣ зимы въ понизовые города. Жизнь ихъ, по причинѣ большой бѣдности, очень грубая. Котомка, деревянная ложка, палка, лапти и верхняя изорванная одежда, — вотъ все, что они имѣли и имѣютъ при себѣ. Въ прежніе годы, во время ихъ переходовъ чрезъ города и селенія, они производили большія безпокойствія жителямъ: располагались станомъ на площадяхъ, особенно около рынка, и заводили ссоры съ торговками. — По этому случаю составлены на ихъ счетъ многія пѣсни.

Одинъ изъ ловкихъ молодцевъ представляетъ бурлака, который сманиваетъ неопытную дѣвушку, называемую *дѣвка-незнавка*.

Передъ нашими вороты,
Передъ нашими вороты.
Люли, люли, бурлаки!
Передъ нашими вороты,
Разыгралися ребята.
Люли, люли, бурлаки!
Все ребята молодые,
Молодые, холостые.
Люли, люли, бурлаки!
Они шуточку шутили,
Во новы сѣни вскочили
Люли, люли, бурлаки!
Во новы сѣни вскочили,
Новы сѣни подломили,
Люли, люли, бурлаки!
Новы сѣни подломили,
Красну дѣвку подманили,
Люли, люли, бурлаки!

Красну дѣвку подманили,
Въ новы сани садили.
Люли, люли, бурлаки!
Ты садися, дѣвка, въ сани,
Ты поѣдешъ, дѣвка, съ нами.
Люли, люли, бурлаки!
Съ нами, съ нами, молодцами,
Съ понизовыми бурлаками.
Люли, люли, бурлаки!
У насъ жить будетъ добренько,
У насъ горы золотыя.
Люли, люли, бурлаки!
У насъ горы золотыя,
Въ горахъ камни дорогіе.
Люли, люли, бурлаки!
На обманъ дѣвка сдалася,
На бурлацкія пожитки.
Люли, люли, бурлаки!
А бурлацкія пожитки,
Что добры да не велики.
Люли, люли, бурлаки!
Что добры, да не велики,
Одна лямка да котомка,
Еще третья то оборти.
Люли, люли, бурлаки! (*)

Заинька. Многія хороводныя наши пѣсни изображаютъ семейный бытъ, въ разныхъ его отношеніяхъ, но заинька менѣе всѣхъ говоритъ объ немъ. Нѣкоторые изъ русскихъ писателей замѣчаютъ, что онъ выражаетъ сельское сватовство; что игроки избираютъ изъ среди себя рѣзвыхъ и отважныхъ парней, которые носятъ названія: заиньки, тестя, тещи, шурина и своячиницы;

(*) Чулковъ: Собр. пѣсн. ч. 1, с. 223.

что эта игра замѣчена въ одномъ московскомъ уѣздѣ, по троицкой дорогѣ. Я видѣлъ эту забаву во многихъ мѣстахъ Россіи, особенно въ Малороссіи, гдѣ она въ большомъ употребленіи между дѣтьми и дѣвушками, которыя просто забавляются въ заинька, какъ имъ вздумается, и поютъ:

Заинька, заинька,
Сѣринькой заинька,
Сѣринькой заинька.

Представляющій заиньку бѣгаетъ по кругу и хочетъ выбѣжать изъ него; ему кричатъ:

Заинька, заинька,
Сѣринькой попляши!
На лапочки присядь,
Бочкомъ, кружкомъ прилягъ.

Заинька вертится, ищетъ мѣста, хочетъ выскочить; хороводъ не выпускаетъ:

Сѣринькой заинька,
Не скачи, не вертись;
Приляжъ, повернись,
Бочкомъ, кружкомъ покатись.

Заинька выскакиваетъ и хороводъ разстраивается.

Судя по другой хороводной пѣсни, она выражаетъ сватовство. —

Заинька бѣлинькой!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу,
Ищу богатаго тестя.
Нашелъ я, нашелъ я,

Богатаго тестя.
Будь ты мнѣ тестикъ,
А я тебѣ зятикъ.
Заинька бѣлинькой!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу.
Ищу я ласкову тещу.
Нашелъ я, нашелъ я,
Ласкову тещу.
Будь ты мнѣ теща
А я тебѣ зятикъ.
Заинька бѣлинькой!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу.
Ищу я богатаго шурина.
Будь ты мнѣ шуринъ,
А я тебѣ зятикъ.
Заинька бѣлинькой!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу.
Ищу я ласкову своячину.
Нашелъ я, нашелъ я,
Ласкову своячину.
Будь ты мнѣ своячина,
А я тебѣ зятикъ.
Заинька бѣлинькой!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я,
По всему народу.
Ищу я себѣ ладу милую.
Нашелъ я, нашелъ я,
Себѣ ладу милую.
Будь ты мнѣ лада невѣстой,
А я тебѣ женихомъ.

Я выпивши пива,
Ударю тестя въ рыло;
Я пріѣвши пироги,
Пущу тещу матушку въ толчки.
Осѣдлай шуринъ коня,
Поѣзжай шуринъ со двора. —
Ласковой своячинѣ,
Подарю подарочекъ,
Шелкову плетку.
Веселъ я, веселъ,
Что одинъ остался.
Съ своей ладой милой,
Съ своей ладой милой,
Три раза поцѣлуюсь. (*)

Дѣйствительно ли заинька могъ служить когда либо предметомъ, для изображенія семейнаго быта?—Заецъ, по своей трусливой природѣ, можетъ служить только для забавы рѣзвой, безпечной и неопытвой юности, которая не размышляетъ о томъ, что ожидаетъ ее впереди. — Играютъ въ заиньку еще иначе. Мущины и дѣвушки, побравшись за руки, составляютъ довольно обширный кругъ; въ срединѣ его помѣщается заецъ, избираемый изъ мальчиковъ. — Хороводъ двигается то въ правую, то въ лѣвую стороны, оставаясь въ равномъ разстояніи отъ зайца, и поетъ:

Заинька ускоки, сѣринькой ускоки,
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Кружкомъ, бочкомъ повернись.

Заецъ поднимается на лапочки и хочетъ выскакнуть изъ круга, но его не выпускаютъ. Тогда онъ, упираясь руками объ землю, кружится во всѣ стороны.

(*) Сахар. Сказ. русск. нар. ч. 2. с. 83.

Заинька ускоки, сѣринькой ускоки,
И подъ бочки подопрись,
И подъ бочки подопрись.

Заецъ подпирается въ бочи *фертикомъ* и забрасываетъ ногу: сначала одну, потомъ другую.

Заинька въ ладоши, сѣринькой въ ладоши,
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Кружкомъ, бочкомъ повернись.

Заецъ ставъ на корточки, бьетъ въ ладоши; потомъ мечется во всѣ стороны.

Здѣсь города всѣ нѣмецкіе,
Здѣсь города всѣ нѣмецкіе,
Закрѣпочки все желѣзныя,
Закрѣпочки все желѣзныя.
Есть зайцу куда выскочить,
Есть зайцу куда выскочить.
Сѣрому куда выскочить,
Сѣрому куда выскочить.

Заецъ начинаетъ куакать, какъ дитя; взвизгивать, подражая зайцу, пойманному въ тенатахъ; брыкать ногами и старается вырваться изъ круга. Мущины отталкиваютъ его и кричатъ: ату—уу!—у—лю. Дѣвушки машутъ на него платками. Наконецъ заецъ, замѣтивъ слабое мѣсто, вырывается изъ круга и этимъ оканчивается игра. —

Гуси. Чертятъ небольшой кругъ и въ срединѣ его садится волкъ, кому завязываютъ глаза; потомъ молодые люди, составляющіе хороводъ, берутся за руки и становятся вокругъ волка, на довольно значительное разстояніе отъ начерченнаго круга; между хороводомъ и кругомъ помѣщаются дѣти: онѣ играютъ гусенятъ.

Хороводъ: А гуси, вы гуси!
Гусенята. Га га га, га га га.
Хороводъ. Вы сѣрыя гуси!
Гус. Га га га, га га га,
Хор. А гдѣ гуси были?
Гус. Га га га, га га га.
Хор. Кого гуси видѣли?
Гус. Га га га, га га га. —

Въ то время, когда гуси кричатъ, волкъ бросается на нихъ, чтобы схватить кого нибудь, и если поймаетъ, то отводитъ на средину и сажаетъ на опредѣленное имъ мѣсто. Посаженный не смѣетъ встать до окончанія пѣсни. Если же волкъ не поймаетъ, то возвращается на свое мѣсто и ждетъ новаго крика гусей. —

Гусенята. Мы видѣли волка,
Унесъ волкъ гусенка;
Что самаго лучшаго,
Что самаго большаго.
Хоров. А гуси, вы гуси!
Гус. Га га га, га га га.
Хор. Щиплите-ка волка.

Пойманныя и непойманныя гуси бросаются на волка, а онъ, сорвавъ съ глазъ своихъ повязку, кружится и старается ускользнуть изъ хоровода, что не такъ легко сдѣлать, потому что хороводъ не выпускаетъ волка. Если ускользнетъ волкъ, то его не трогаютъ болѣе, и игра оканчивается.

Синичка.

Вотъ вамъ олицетворенное сватовство. Снѣгирь—женихъ, послѣ долгихъ неудачъ рѣшается жениться, а между тѣмъ знакомые спрашиваютъ его: почему онъ не женится? Онъ отвѣчаетъ: что ему нѣкого взять за себя. Такой обыкновенно отвѣтъ у женіховъ съ неудачами. Наконецъ синичка, сестра снѣгиря, созываетъ къ

себѣ гостей и тутъ улаживаетъ выборъ. Такъ дѣлается въ семейной жизни, въ коей женщины довершаютъ свадьбу.

Во время хоровода снѣгирь — женихъ ходитъ въ кругу, обращаясь лицемъ къ поющимъ, и высматриваетъ невѣсту. Хоръ поетъ:

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варила,
Солоду купила, хмѣлю взаймы взяла.
Черной дроздъ пивоваромъ былъ,
Сизой орелъ винокуромъ слылъ.
Дай же намъ, Боже, пиво то сварить,
Пиво то сварить и вина накурить.
Созовемъ къ себѣ гостей, мелкихъ пташекъ.
Совушка, вдовушка, незваная пришла, —
Снѣгирюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Совушка головку поглаживаетъ. —
Стали всѣ птички межъ собой говорить:
Что же ты снѣгирюшка не женишься?
Радъ бы я жениться, да нѣкого взять:
Взялъ бы я чечетку, — то матка моя,
Взялъ бы я синичку, — сестричка моя,
Взялъ бы я сороку, — щекотливая.
Есть за моремъ перепелочка,
То мнѣ ни матушка, ни тетушка,
Ту я люблю, за себя возьму.
Здравствуй хозяинъ съ хозяйкою,
Съ малыми дѣтками на многи лѣта! (*)

(*) Чулк. Собр. пѣсн. с. 232.; Собр. пѣсн. изд. С. П. Б. 1819 г. ч. 2. с. 92. и издан. Моск. 1822 г. ч. 3. № 269. Говорятъ, что синичка сочинена въ царствованіе Іоанна грознаго, и что въ тоже время она запрещена, потому что она заключала въ себѣ

Это насмѣшка надъ разными недостатками дѣвицъ и молодыхъ парней. Она вошла въ хороводъ въ видѣ поученія, и часто случается, что намеки производятъ явное неудовольствіе, или между играющими или между тѣми, кои смотрятъ на эту забаву. Въ старину не знали театральныхъ представленій, но за то многія пѣсни служили нашимъ предкамъ изъясненіемъ слабостей обоего пола. Бываютъ случаи, что пороки не всегда могутъ быть осмѣяны явно. — Древніе народы разсказывали объ нихъ подъ видомъ басней, потомъ вывели ихъ на сцену подъ многоразличными измѣненіями, и наконецъ олецетворили ихъ на театрахъ.— Наши зрѣлища, появившіяся въ половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ достойнаго его любимца, ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, не могли занять простой народъ, который и доселѣ забавляется хороводными играми отъ души и сердца. Пора бы намъ заняться своимъ народнымъ, вводить свое, потому что многое чужестранное не по насъ и не по нашему духу. Справедливо сказалъ въ свое время объ иноземцахъ, ближній боярин Афанасій Лаврентьевичь Воробушекъ.

намекъ на жизнь какого-то боярина, и что потомъ пѣснь эта содѣлалась любимою при застольныхъ пиршествахъ, одного великаго монарха, какъ думаютъ Петра I. Сочинитель Сказ. русск. народа, г. Сахаровъ (кн. 3. с. 60. изд. 1841 г.) не вѣритъ этому преданію: онъ требуетъ на это историческихъ актовъ. Да развѣ всѣ историческія событія вполнѣ основаны на актахъ? — Многія, и очень многія, подтверждаются однимъ народными преданіями. Почему же не вѣрить, что эта пѣснь имѣетъ свое преданіе? У сочинителя сказаній русск. народа, почти всѣ событія взяты изъ изустныхъ преданій,—по этому и ему надлежало бы не вѣрить; отъ него такъ же надобно требовать историческихъ фактовъ. —

Ордынъ-Нащокинъ: *ихъ платья не по насъ, а наши не по нихъ.* — Какъ бы ни было, игра воробушекъ есть любимая между сельскими жителями, и она дѣйствительно веселитъ всѣхъ ихъ. — Дѣлается кругъ изъ дѣвушекъ и молодцевъ, въ срединѣ ихъ стоитъ воробушекъ, одинъ изъ играющихъ; онъ представляетъ, при пѣніи пѣсни, разными своими тѣлодвиженіями и коверканіями, походку гордыхъ, уродливыхъ, насмѣшливыхъ и ненавистныхъ людей. Искуство воробушка состоитъ въ томъ, чтобы умѣть все выставить ловко и естественно.

Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ дѣти ходятъ?

Онъ представляетъ ихъ походку, а хороводъ поетъ:

Они этакъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ орѣшки лежатъ.
Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ дѣвицы ходятъ?

Воробушекъ представляетъ ихъ походку, а хороводъ поетъ:

Они этакъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ.
Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ молодцы ходятъ?

Воробушекъ представляетъ ихъ.

Они такъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,

Гдѣ голубушки сидятъ. —
Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ старушки ходятъ?

Онъ показываетъ имъ:

Они этакъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодые сидятъ —
Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ купцы ходятъ?

Отвѣчаетъ походкою:

Они этакъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ товары лежатъ.
Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ скупые ходятъ?
Они этакъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ сундуки стоятъ.
Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ наши вороги ходятъ?
Они этакъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,
Какъ честные говорятъ.
Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ злые люди ходятъ?

Показываетъ имъ.

Они этакъ, и вотъ этакъ;
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ добрые сидятъ. —

Вопросы продолжаются иногда долго, смотря по за-

нимательности и ловкости вопрошающихъ. Оканчиваютъ обыкновенно:

Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ скачетъ чивъ, чивъ воробей?
Вотъ этакъ, и вотъ этакъ:
Туды глядь, сюды глядь,
И порхъ черезъ заборъ.

Воробушекъ старается вылетѣть изъ круга, и тотъ, кто могъ удержать его и не удержитъ, заступаетъ его мѣсто; въ противномъ случаѣ воробушекъ снова вступаетъ въ прежнюю свою игру.

Есть другая игра воробушекъ. Она разыгрывается съ тою цѣлію, чтобы посмѣяться надъ предающимися пьянству. Нѣкоторые думаютъ, что ее только разыгриваютъ на Успеніе, и когда гости бываютъ на веселѣ. Можетъ быть это такъ было прежде, но съ того времени, какъ эта игра сдѣлалась хороводною, она превратилась въ одну забаву; разыгриваютъ ее, когда вздумаютъ, и поютъ, что имъ по сердцу. Самая пѣснь выскажетъ намъ это лучше. —

У воробушки головушка болѣла,
Охъ, какъ болѣла?
Такъ болѣла, вотъ такъ болѣла, этакъ болѣла.
У воробушки сердечушко щемило —
Охъ, какъ щемило?
Такъ щемило, вотъ такъ щемило, этакъ щемило. —
У воробушки спинушка болѣла,
Охъ, какъ болѣла?
Такъ болѣла, вотъ такъ болѣла, этакъ болѣла.
У воробушки рученьки болѣли,
Охъ, какъ болѣли?

Такъ болѣли, вотъ такъ болѣли, этакъ болѣли.
У воробушки ноженьки болѣли,
Охъ, какъ болѣли?
Такъ болѣли, вотъ такъ болѣли, этакъ болѣли.
Ужъ сталъ воробей присѣдати,
Охъ, какъ воробей присѣдати?
Такъ присѣдати, вотъ такъ присѣдати, этакъ присѣдати.

Захотѣлъ воробей перемѣны,
Охъ, какъ перемѣны?
Такъ перемѣны, вотъ такъ перемѣны, этакъ перемены.

Еще поютъ:

У воробушки головушка болѣла,
Такъ болѣла, такъ болѣла.
У воробушки сердечушко щемило. —
Такъ щемило, такъ щемило, такъ щемило.
У воробушки спинушка болѣла,
Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла. —
У воробушки ученька болѣла,
Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла.
У воробушки ножинька болѣла, —
Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла.
Ужъ какъ сталъ воробей присѣдати,
Такъ присѣдати, такъ присѣдати, такъ присѣдати. —
Захотѣлъ воробей перемѣны. —

Въ смоленской губерніи разыгриваютъ иначе воробушка. Молодые люди, взявшись за руки, составляютъ кружокъ; въ срединѣ его ходитъ воробушекъ:

А у воробушки головушка
Болитъ, болитъ, болитъ;

А у воробушки сердечушко
Щемитъ, щемитъ, щемитъ.
Не пора ль тебѣ воробушка,
Садиться на лужокъ?
На лужечекъ, на пружечекъ,
На желтенькой на песочекъ?

При этихъ словахъ воробушекъ садится или становится на колѣни.

Хоръ поетъ:

Не пора ль тебѣ, воробушка,
Встать, полетать?
Встать, встать, полетать?
Кого любишъ, цѣловать. —

Воробушекъ встаетъ, машетъ руками и бѣжитъ по хороводу, наконецъ останавливается предъ той, которую цѣловать хочетъ, и цѣлуетъ. Поцѣлованная имъ выходитъ на средину хоровода, и игра повторяется тѣмъ же порядкомъ.

Воробушки. Дѣвушки и парни, взявшись за руки, скачутъ и пляшутъ, соображаясь съ дѣйствіями воробушекъ. Весь хороводъ поетъ громко, весело и со всѣми измѣненіями разнообразныхъ забавъ.

Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелещутъ, пипилищутъ,
Собираютъ свою братью.
Ахъ братцы, всѣхъ моихъ!
Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелещутъ, пипилишутъ,
Собираютъ свою братью,
Ахъ братцы, всѣхъ до малаго!

Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелещутъ, пипилищутъ,
Собираютъ свою братью.
Ахъ братцы, всѣхъ до стараго!
Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелещутъ, пипилищутъ,
Собираютъ свою братью,
Да всѣхъ во единой кругъ.
Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелещутъ, пипилищутъ.
Собиралися на зеленой лугъ,
Ахъ на рябинушку.
Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелещутъ, пипилищутъ.

Тутъ хороводный кругъ разрывается, дѣвушки роняютъ парней и потомъ составляютъ свой кругъ:

Зароняютъ свою братью,
Ахъ братцы, всѣхъ до малаго!
Воробьи скачутъ, воробьи пляшутъ,
Попелещутъ, пипилищутъ,
Разгоняютъ свою братью,
И всѣхъ до старого!

Парни разогнаны отъ малаго до большаго, однѣ дѣвушки скачутъ въ хороводѣ.

Красны дѣвушки, всѣ голубушки,
Собиралися, соходилися,
Ахъ, на зеленой лугъ!

Разогнанные парни пристаютъ къ дѣвушкамъ, и составляютъ общій съ ними кругъ.

Добрые молодцы, разудалые!
Собирался, сходился
Къ краснымъ дѣвушкамъ,
Ахъ, во широкой кругъ!
Всѣ рѣзвился, веселился,
Съ молодчиками,
Съ удалыми совыкался.

Одинъ парень, разыгривая сизого воробушка, входитъ въ кругъ, и когда запоютъ: разгонялъ, разсыпалъ и т. д., тогда онъ разрознываетъ пару, выгоняетъ изъ круга дѣвушку а за нею ея парня.

Сизъ воробушекъ, сизъ молоденькой,
Доброй молодецъ, разудаленькой.
Разгонялъ, разсылалъ красныхъ дѣвушекъ,
Онъ съ первой, онъ до послѣдняго!

Послѣднія четыре строчки поютъ хороводныя дотолѣ, пока онъ не разгонитъ всѣхъ и самъ улетитъ послѣ.

Люди все бы пировали и веселились, если бы нужда не разгоняла ахъ, а эта нужда: ихъ мотовство и разореніе отъ пировъ. Веселящіеся пепелещутъ, какъ воробьи, пока есть кормъ; не станетъ его, чирикаютъ, разлетаются во всѣ стороны и не узнаютъ тѣхъ, у кого веселились; даже забываютъ ихъ, оправдывая собою общенародную поговорку: всѣ пріятели и друзья, до чернаго лишъ дня. —

Воложанинъ. Эта игра употребляется преимущественно въ уѣздахъ смоленской губерніи: юхновскомъ, гжатскомъ, сычевскомъ и частію вяземскомъ и духовщинскомъ. Играютъ слѣдующимъ образомъ: сажаютъ молодого парня на траву и покрываютъ его платкомъ. Возлѣ не-

го остается одна дѣвушка, которая во время пѣнія ходитъ вокругъ его: то въ правую, то въ лѣвую сторону; ихъ окружаетъ поющій хороводъ:

Кругъ куста, кругъ куста,
Ракитова кустика,
Ракитова кустика.
Ходила, гуляла,
Молодая воложаночка,
Молодая воложаночка. —
Кликала, гаркала,
Молодаго воложанина,
Молодаго воложанина:
Подь сюда, подь сюда;
Молодой воложанинъ подь сюда.
Молодой воложанинъ, подь сюда. —
Подь сюда, подь сюда;
Солода растить, подь сюда,
Солода растить, подь сюда.

Молодой парень отвѣчаетъ:

Я не уменъ, я не гораздъ;
Солода растить я не уменъ,
Солода растить я не гораздъ.

Хороводъ, повторяя прежніе стихи, зоветъ воложанина варить пиво:

Подь сюда, подь сюда;
Пиво варить, подь сюда,
Пиво варить, подь сюда.

Парень отвѣчаетъ:

Я не уменъ, я не гораздъ;
Пиво варить я не уменъ,
Пиво варить я не гораздъ.

Хороводъ поетъ прежнія слова и потомъ приглашаетъ воложанина цѣловать дѣвушекъ.

Подь сюда, подь сюда;
Дѣвокъ цѣловать, подь сюда,
Дѣвокъ цѣловать, подь сюда.

На этотъ зовъ парень отвѣчаетъ:

То я умѣю, то я гораздъ;
Цѣловать дѣвокъ я умѣю,
Цѣловать дѣвокъ я гораздъ.

Съ послѣднимъ словомъ онъ сбрасываетъ съ себя платокъ, подходитъ къ хороводу и цѣлуетъ которую нибудь изъ дѣвушекъ; ходившая же вокругъ его, цѣлуетъ другого мущину. Поцѣлованные занимаютъ мѣста воложанина и воложанки; потомъ игра повторяется и продолжается по общему согласію. —

Ящеръ. Въ этой игрѣ болѣе учавствуютъ дѣвицы, изключая *ящера*, которымъ всегда бываетъ мальчикъ. На него набрасываютъ платокъ, потомъ составляютъ около него кругъ, пляшутъ и поютъ:

Сиди, сиди ящеръ,
Въ орѣховомъ кустѣ;
Грызи, грызи ящеръ,
Каленыя ядра.
Дамъ тебѣ ящеръ —
Красную дѣвку,
Алую ленту. (*)

(*) Въ пѣсенникахъ изданія С. П. Б. 1809 г. ч. 4, № 80 и москов. 1822 г. № 329, такъ напечатано:

Одна изъ дѣвушекъ выходитъ изъ хоровода и спрашиваетъ:

Кто сидитъ?
Ящеръ.
Что грызетъ?
Ядры.
Кого хочетъ?
Дѣвку.
Которую?

Ящеръ называетъ имя дѣвушки, участвующей въ хороводѣ; вызванная бросаетъ ему платокъ и садится возлѣ него. Такое дѣйствіе продолжается дотолѣ, пока всѣ дѣвушки не перейдутъ къ ящеру. Потомъ всѣ дѣвушки встаютъ, снова становятся въ хороводъ и пляшутъ:

Насидѣлся ящеръ,
Въ орѣховомъ кустѣ;
Насмотрѣлся ящеръ,
На красныхъ дѣвокъ.
Отдай же ящеръ,
Алую ленту,
Алую ленту,
Дѣвки Надёжи. —

Ящеръ раздаетъ по принадлежности платки, хоръ пляшетъ и поетъ, пока онъ всѣмъ не раздастъ. —

Разыгриваютъ еще ящера иначе. Избравъ парня или

Сиди ящеръ въ орѣховомъ кустѣ,
Щипли ящеръ зрѣлые орѣхи,
Грызи ящеръ орѣховы ядра.
Лови дѣвку за русую косу,
Лови красную за алую ленту.

дѣвушку, ставятъ въ срединѣ круга вмѣсто ящера. Играющіе образуютъ кругъ, и побравшись за руки, ходятъ въ одну сторону, припѣвая:

Сиди, сиди ящеръ,
Въ орѣховомъ кустѣ;
Гложи, гложи ящеръ,
Орѣховы ядра;
Лови, лови ящеръ,
Дѣвку чернобровку.

По окончаніи припѣва весь хороводъ начинаетъ скоро вертѣться, въ одну сторону. Ящеръ старается поймать кого либо изъ кружащихся; пойманная цѣлуетъ его и становится разыгривать ящера. Такимъ образомъ продолжается игра.

Воложанинъ и ящеръ, выражаютъ волокитство. —

Селезень. Забавляются не одни взрослые но и дѣти, для которыхъ селезень составляетъ гимнастическое занятіе, потому что здѣсь бѣгаютъ и вертятся. По обыкновенію дѣлается хороводный кругъ, въ срединѣ его бѣгаютъ селезень и утка: селезень гонится за уткою, старается словить ее; она уходитъ отъ него и ныряетъ. Селезень кричитъ, утка выплываетъ и это продолжается дотолѣ, пока парень не словитъ дѣвушку. Часто хороводные не допускаютъ до этого: они кричатъ и машутъ руками.

Селезень, селезень,
Сизъ голубчикъ селезень!
Селезень, догоняй утку;
Молодой, лови утку.
Хохлатой селезень,
Селезень, догоняй утку.
Поди утушка домой,
Поди сѣринькая домой.

Гдѣ утушка твоя?
Гдѣ семеро твоихъ дѣтей?
Седезень, селезень,
Сизъ голубчикъ селезень!
Утушка ныряетъ,
По полямъ летаетъ.
Кигъ-кигъ,—догоняй!
Кры-кра, утушка домой!
У селезня семеро дѣтей,
А самъ осьмой безъ ногъ.—

Разсерженный селезень нападаетъ на утку: ее защищаютъ. Эта оборона ведетъ къ ссорѣ, потому что долгое бѣганье приводитъ его въ усталость и лишаетъ охоты ловить болѣе. Отсюда произошла поговорка: *подзадоривай задоръ*. — Вырнувшая утка, надсмѣхается надъ селезнемъ; онъ принимается за задоръ: укоряетъ и ссорится.

Есть еще другая хороводная игра селезень, обращенная въ насмѣшку надъ тѣми неопытными мужьями, которые довѣряютъ своихъ женъ молодымъ своимъ знакомымъ. — Селезня играетъ молодой парень; онъ, ходя въ кругу, поетъ съ прочими:

Ужъ какъ по рѣкѣ широкой,
Какъ по рѣкѣ раздольной.
Ой люли, селезень!
По той рѣкѣ да по широкой,
Бѣжитъ доброй молодецъ,
Ой люли, селезень!
Ты постой, постой,
Хохлатой селезень!
Ой люли, селезень!
Плыветъ, ни ворохнется.
Плыветъ-то удалой,
Ой люли, селезень!

Онъ къ молодушкѣ плыветъ,
Самъ весельцемъ гребетъ.
Ой люли, селезень!
Подъ сердцемъ зазнобушка:
Въ дому сударушка одна,
Ой люли, селезень!
Ты постой, постой!—
Я сударушка не твоя.
Ой люли, селезень!

Хороводные обращаются къ предстоящимъ и произносятъ съ язвительной насмѣшкою:

Во тебя ли во дому,
Сочинилася бѣда?
Измѣнила молода!
Ой люли, селезень!

Язвительный оборотъ производитъ иногда неудовольствіе, особенно, если обратятъ глаза на виновницъ-молодушекъ. Мужья, нахмуривъ брови, какъ случается вездѣ, уходятъ съ ними домой для расчета. (*)

Слѣдующая пѣснь выражаетъ любовь дѣвушки къ своему милому. Первые три стиха поетъ играющая селезня, а прочіе оканчиваютъ стоящіе въ хороводѣ.

И я селезня любила,
Я касатова хвалила,

(*) Эта пѣснь напечатана съ большими измѣненіями, въ сравненіи съ издан. г. Сахар. Сказ. русск. нар. 1841 г. ч. 3. с. 37. № 33 и с. 61.; с. 42. № 48 и с. 67., варіанты № 48. Изъ этого можно видѣть, что наши хороводныя пѣсни подвержены мѣстнымъ прінаровленіямъ, по пословицѣ: *что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай.*

Я кафтанъ ему купила.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
Въ кафтанѣ селезень.
И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Я камзолъ ему купила.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
Въ кафтанѣ селезень,
Въ камзолѣ селезень.
И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Черны бархатны штаны купила.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
Въ кафтанѣ селезень,
Въ камзолѣ селезень,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ.
И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Я чулки ему купила.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
Въ кафтанѣ селезень,
Въ камзолѣ селезень,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,
Въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ.

И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Башмачки ему купила.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,
Въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ,
Въ сафьянныхъ башмачкахъ.
И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Пряжечки ему купила. —
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень.
Въ кафтанѣ селезень,
Въ камзолѣ селезень,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,
Въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ,
Въ сафьянныхъ башмакахъ. —
И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Ему сердце отдала.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень, —
Ему сердце отдала. —

Отдавшая свое сердце, подаетъ руку любимому ею парню, который выводитъ ее изъ круга.—Если желаютъ еще играть селезня, то вновь начинаютъ въ прежнемъ порядкѣ. Часто принимаютъ участіе, въ этой забавѣ, молодые парни. Тогда невольно обнаруживается скры-

тная любовь парня къ своей дѣвицѣ; тогда распространяется повсюду слухъ: парень полюбилъ, парень женится, вѣдь не даромъ онъ игралъ съ нею! —

Неподдѣльное русское веселье, когда варятъ пиво. Тогда бываетъ радость не только въ семейномъ кругѣ, но и въ цѣломъ околодкѣ. Вездѣ говорятъ: тамъ варятъ пиво, тамъ и веселье. Русское радушье: угощать и веселиться, причиною сочиненія этой хороводной игры. — Кому не радостно позабавиться! И кто какъ не Русской, веселится отъ полноты души! Разгулъ сельской жизни открывается любимой забавою: пиво варить, и это бываетъ не одной осенней порою, но во всякое время, когда вздумается хороводу. Въ старое время велось обыкновеніе варить пиво осенью, предъ бабьимъ лѣтомъ. Молодыя, наполнивъ кувшины брагою, выходили къ воротамъ и подчивали старыхъ, а потомъ молодыхъ людей, и когда немножко всѣ подгуляютъ, или, какъ говорятъ: хмѣль разумъ зашибетъ, тогда принимались за хороводы, и плясалъ всякъ, кто былъ крѣпокъ на ногахъ. Теперь осталась въ воспоминаніи одна игра съ пѣснію. Дѣвушки и молодцы, избираютъ изъ своей средины хооводницу, которая и зачинаетъ: Пиво варить.

Ай на горѣ мы пиво варили,
Ладо, мое ладо, пиво варили!
Мы съ этаго пива всѣ вокругъ соберемся.
Ладо, мое ладо, всѣ соберемся!

Хороводъ, повторивъ пропѣтое, продолжаетъ:

Мы съ этаго пива, всѣ разойдемся,

Расходятся въ разныя стороны.

Ладо, мое ладо, всѣ разойдемся! —
Мы съ этого пива, всѣ присядемъ,

Присѣдаютъ:

Ладо, мое ладо, всѣ присядемъ! —
Мы съ этаго пива спать ляжемъ (лажатся),
Ладо, мое ладо, спать ляжемъ!
Мы съ этаго пива опять встанемъ (встаютъ),
Ладо, мое ладо, опять встанемъ! —
Мы съ этаго пива въ ладоши ударимъ (бьютъ въ ладоши),
Мы съ этаго пива всѣ перепьемся.
Ладо, мое ладо, всѣ перепьемся! —
Мы съ этаго пива всѣ передеремся,
Ладо, мое ладо, всѣ передеремся!
Мы съ этаго пива домой уберемся,
И до завтра не проснемся,
Ладо, мое ладо, не проснемся! —

Въ другихъ мѣстахъ выносятъ къ хороводу пиво и брагу. Случается, что отъ нея перепиваются, и что на завтра встаютъ съ головной болью самыя дѣвушки, которыя сначала отказывались отъ пива и браги.—Обыкновенно ихъ просятъ немножко откушать пива: онѣ пьютъ сначала немножко, будто бы изъ вѣжливости, потомъ прихлебываютъ.—Когда же поразчувствуются, тогда растраиваютъ свой хороводъ и начинаютъ плясать.—На другой день собирается уже хороводъ изъ насмѣшливыхъ молодыхъ людей, которые поютъ: у воробушки головушка болѣла, и проч. Пусть говорятъ послѣ этого, что у поселянъ нѣтъ своихъ язвительныхъ выходокъ. —

Макъ ра. стить. Забава дѣтская и взрослыхъ обоего пола. Въ этой игрѣ не видно ни одной черты семейнаго быта: одно веселіе и удовольствіе управляетъ хороводомъ.

Макъ растить играютъ по всей Россіи и въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ. О происхожденіи этого хоровода, не извѣстно. Должно думать, что онъ вошелъ въ игру у Грековъ, съ узнаніемъ усыпляющаго свойства мака, коему еще въ древнія времена воспѣвали гимны и изображали его божествомъ сна, подъ именемъ Морфея. Ему строили храмы, потому что усыпительное дѣйствіе считали сверхестественнымъ, а что почиталось сверхестественнымъ, то производило всеобщее поклоненіе. — Язычество усиливало суевѣрное поклоненіе къ маку, а знаменитые афинскіе мудрецы терпѣли гоненія отъ черни, когда они силились истолковать мнѣнія ложныя. У Славянъ, хотя было божество нѣчто похожее на Морфея, Кикимора, но она не выражаетъ бога сна, и мы не знаетъ даже, какія совершали ей жертвоприношенія. Изъ веселыхъ воспѣваній въ честь мака, составилась забава. — Взявшись рука за руку, становятся въ кружокъ, который нерѣдко составляется изъ двухъ сотъ паръ обоего пола. Сначала движутся едва замѣтно, и въ то время одна изъ дѣвушекъ, называемая *зачинщицей*, начинаетъ запѣвать макъ. Но прежде всего сажаютъ въ срединѣ кого либо растить макъ, и когда всѣ запоютъ, тогда начинаютъ ходить кругомъ, и поютъ громко:

Ой на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ.
Маковки, маковички!
Станемъ въ рядъ,
Спросимъ про макъ. (*)

(*) Поютъ въ разныхъ мѣстахъ различно, но вездѣ одинъ и тотъ же смыслъ:

Хороводъ останавливается, спрашиваетъ: посѣянъ ли макъ? Сидящій въ срединѣ отвѣчаетъ: только вспахана земля. Тогда хороводъ снова ходитъ вокругъ сидящаго, и поетъ первый куплетъ; потомъ останавливается и опять спрашиваетъ: посѣянъ ли макъ? Сидящій отвѣчаетъ посѣянъ. Хороводъ продолжаетъ ходить и пѣть прежній куплетъ, пока не удовлетворитъ ихъ вопроса, что макъ уже поспѣлъ. Вопросы дѣлаются иногда произвольные, но обыкновенно послѣ вопроса: *посѣянъ ли макъ*? — повсюду спрашиваютъ: всходитъ ли макъ? — Растить макъ отвѣчаетъ: всходитъ. Зацвѣлъ ли макъ? — зацвѣлъ. Поспѣваетъ ли макъ? — поспѣваетъ. — Отцвѣлъ ли макъ? — отвцѣлъ. — Поспѣлъ ли макъ?—поспѣлъ.—Тогда кричатъ: сбирайтесь срывать! или: сбирайтесь отряхать макъ! При послѣднемъ словѣ растить макъ спѣшитъ убѣжать изъ круга; хороводъ его удерживаетъ, хватаетъ за голову и начинаетъ трясти, и бываетъ, что трясутъ такъ крѣпко, что у бѣднаго глаза на выкатѣ: отъ чего не всякъ соглашается растить макъ. Тогда уговариваютъ, просятъ, обѣщаютъ подарочекъ или задариваютъ впередъ пряничками, орѣхами и пр., и потому вошло въ обычай называть, согласившихся растить макъ: маковымъ дурачкомъ, или дѣлаютъ ему насмѣшливыя причитанія: сиди, сиди, макъ расти, на сладенькій пирожокъ, маковый дурачекъ и т. п.

Нѣкоторые изъ писателей замѣчаютъ, (*) что часто для этой игры выбираютъ дурачка, или послушнаго

Ахъ на горѣ макъ,
Подъ горою такъ, такъ.
Охъ свѣтъ мои маковочки,
Золотыя маковочки!
Станемъ-те въ рядъ,
Будетъ у насъ макъ.

(*) Сахар. Сказ. русск. нар. ч. 2. с. 71. изд. 1837 г.

и безотвѣтнаго до послѣдней возможности, чтобы онъ терпѣливо переносилъ побои: напротивъ, для этой игры выбираютъ смѣлыхъ и ловкихъ, которые бы могли увернуться отъ трясенія мака. —

Вотъ еще небольшія измѣненія этой игры. Избравъ мущину растить макъ, сажаютъ его на землю. Хороводъ, побравшись за руки, становится вокругъ растить макъ и движется въ родѣ пляски: то въ ту, то въ другую сторону, съ припѣвомъ: —

А на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ.
Макъ, макъ, маковочка,
Золотая головочка,
Серебряный макъ!
А на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ.

Хороводъ спрашиваетъ: поспѣлъ ли макъ. Ему отвѣчаютъ, что только вскопаны гряды. — Хороводъ снова пляшетъ, поетъ, и пропѣвши прежнее, спрашиваетъ: поспѣлъ ли макъ? — Еще только посѣянъ. — Потомъ растить макъ отвѣчаетъ имъ: всходитъ, потомъ цвѣтетъ а тамъ созрѣваетъ. Послѣ каждого отвѣта пляшутъ и поютъ; но когда услышатъ, что макъ созрѣлъ, тогда поютъ:

Станемъ-те трясть макъ,
Золотой нашъ макъ!

При послѣднемъ словѣ, что макъ созрѣлъ, хороводъ бросается срывать его: поднимаетъ съ земли сѣявшаго макъ и трясетъ его голову.

При мѣстномъ измѣненіи игры, иные ходя поютъ около сѣющаго макъ:

Въ полугорьи макъ,
Въ косогорьи макъ,
Маки маковочки,
Золотыя головочки!
Станемъ мы въ рядъ,
Спросимъ про макъ:
Созрѣлъ ли нашъ макъ?

Потомъ продолжаютъ спрашивать, прежнимъ порядкомъ, и оканчиваютъ единообразно. — Пѣніе мака измѣняется иногда до совершеннаго переиначиванія. (*) Представляемъ сдѣсь образщикъ:

При горѣ макъ, макъ,
Презеленой макъ.
Маки, маки, маковочки,
Золотыя головочки!
Тамъ былъ макъ,
Всякъ былъ макъ.
Красны дѣвушки
Станьте въ рядъ,
Спросимъ всѣ про макъ.
У воды стали дѣвушки въ хороводъ,
А мы молодыя основушку сновали,
Перемотушки клали.
Тай, тай, ла, думаю!
Какъ вечеръ-то въ торгу кликали, кликали.
Тай, тай, ла, думаю!
Да что у насъ въ торгу дорого?
У насъ дорого во торгу красныя дѣвушки.
Тай, тай, ла, думаю!
Какъ одна то дѣвушка сто рублей,

(*) Въ волскомъ уѣздѣ, саратовской губ. —

Какъ другая-то дѣвушка тысячу,
А третьей дѣвушкѣ цѣны нѣтъ. —
Тай, тай, ла, думаю!
Да что у насъ во торгу дешево?
У насъ во торгу дешево добрые молодцы,
Тай, тай, ла, думаю!
По шести молодцевъ на овсяной блинъ,
А седьмой то молодецъ,
На придачу пошелъ, —
Тай, тай, ла, думаю!
А седьмой молодецъ,
На придачу пошелъ, —
Онъ съ конемъ и сѣдломъ,
И съ булатнымъ копьемъ.
Тай, тай, ла, думаю!

Просо сѣять.

Славяне узнали употребленіе проса гораздо прежде ржи, и оно, у дунайскихъ Славянъ, долгое время замѣняло хлѣбное зерно. Когда же именно просо вошло во всеобщее употребленіе? Трудно сказать. Вѣроятно современи осѣдлости Славянъ (въ VI в.), когда земледѣльчество привязало ихъ къ землѣ. Но пѣвали ли просо сѣять въ глубокое время древности? Мы не можетъ отвѣчать на это утвердительно, покрайней мѣры думаемъ, что пѣснь вошла во всеобщее употребленіе не прежде распространенія проса. Мы не знаемъ доселѣ пѣсни, древнѣе *о полку Игоревомъ*, но судя по слогу о пѣснѣ просо сѣять, то она должна быть не старѣе XVII вѣка. — Окончанія: *ой дидъ*, *ладо*, составляютъ произвольный припѣвъ, но припѣвъ пріятный, музыкальный, подобно словамъ: *ой люли*, *или калина*, *малина моя*. (*)

(*) Въ подольской губерніи около Межибожья, поселяне поютъ на играхъ, во время пасхи, *о царевнѣ ладѣ*, а подъ Брестъ-

Нѣтъ мѣста въ Россіи, гдѣ бы не пѣвали просо сѣять, и по большей части поютъ въ теплые вечерніе дни. Замѣчательно, что этой игрой встрѣчается самая весна. Едва зазеленѣютъ луга, уже выходятъ дѣвушки и молодцы повеселиться на просторѣ. — Сначала идутъ отдѣльно, потомъ сходятся на лугу. Кто посмѣлѣе, тотъ собираетъ хороводъ. Но хороводъ еще не начался. — Пожилая женщина беретъ на себя хлопоты, чтобы составить дружескій хороводъ. Въ иныхъ мѣстахъ называютъ эту женщину кумушкой, въ другихъ бабушкой, въ иныхъ хороводницею. Какъ бы ни было, только она зачинаетъ; къ ней приступаютъ и она поетъ съ ними:

Какъ на улицѣ досчикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Охъ вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ какъ вы холостые, не глядите,
Вамъ глядѣньицемъ дѣвушекъ не взять.
Ужъ какъ взять ли, не взять ли по любви,
Что по батюшкиному повелѣнью,
Что по матушкиному благословенью.

Послѣ этого раздѣляются на двѣ половины и становятся другъ противу друга. Хороводница остается при одной какой либо половинѣ, и поетъ:

Литовскимъ *о королевнѣ ладѣ*. Одинъ изъ почтенныхъ нашихъ писателей выводитъ изъ этаго (Снѣг. Русск. простонар. праздн. вып. III. с. 27), что Ладѣ вѣроятно былъ посвященъ весенній праздникъ красной горки. – Мы уже имѣли случай говорить, что Лада никогда не существовала между русскими Славянами, и что это вымышленное божество Стрыйковскаго, а посему никакого не могло быть праздника въ честь мнимой у насъ богини Лады.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой дидъ-ладо, сѣяли, сѣяли!

Стоящіе напротивъ, отвѣчаютъ:

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой дидъ-ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!

И продолжаютъ перепѣваться до слова прибыло.

А чемъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой дидъ-ладо, вытоптать, вытоптать!
А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой дидъ-ладо, выпустимъ, выпустимъ!
А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой дидъ-ладо, переймемъ, переймемъ!
А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой дидъ-ладо, перенять, перенять!
Шелковымъ поводомъ, поводомъ,
Ой дидъ-ладо, поводомъ, поводомъ!
А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой дидъ-ладо, выкупимъ, выкупимъ!
А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой дидъ-ладо, выкупить, выкупить!
А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой дидъ-ладо, сто рублей, сто рублей!
Не надо намъ тысячи, тысячи,
Ой дидъ-ладо, тысячи, тысячи!
А намъ надо дѣвицу, дѣвицу,
Ой дидъ-ладо, дѣвицу, дѣвицу!

Одна изъ дѣвицъ переходитъ на другую сторону.

А нашего полку убыло, убыло,
Ой дидъ-ладо, убыло, убыло! —

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой дидъ-ладо, прибыло, прибыло! —

Продолжаютъ пѣть, пока не перейдутъ на одну сторону всѣ дѣвушки. — Въ Малороссіи это одна изъ любимѣйшихъ забавъ дѣвушекъ, которыя не всегда допускаютъ въ свой кругъ мущинъ.

Просо сѣять играется въ смоленской губерніи съ небольшими измѣненіями. Тамъ мущины и дѣвушки, побравшись за руки, становятся въ два ряда, образующіе двѣ половины. Одна изъ нихъ, взмахнувъ руками, будто бросаетъ зерна, начинаетъ пѣть:

1. А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой дидъ-лада, сѣяли, сѣяли!
2. А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой дидъ-лада, вытопчемъ, вытопчемъ!
1. Да чѣмъ-то вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой дидъ и лада, вытоптать, вытоптать!
2. А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой дидъ и лада, выпустимъ, выпустимъ!
1. А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой дидъ и лада, переймемъ, переймемъ!
2. Да чѣмъ-то вамъ перенять, перенять?
Ой дидъ и лада, перенять, перенять!

Первая половина, растянувшись цѣпью, продолжаетъ:

1. А шелковымъ неводомъ, неводомъ,
Ой дидъ и лада, неводомъ, неводомъ! —
2. А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой дидъ и лада, выкупимъ, выкупимъ!
1. Да чѣмъ-то вамъ выкупить, выкупить?
Ой дидъ и лада, выкупить, выкупить!

2. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Ой дидъ и лада, сто рублей, сто рублей!
1. Не надо намъ тысячи, тысячи,
Ой дидъ и лада, тысячи, тысячи!
2. А мы дадимъ молодца, молодца,
Ой дидъ и лада, молодца, молодца!
1. Не нада намъ молодца, молодца,
Ой дидъ и лада, молодца, молодца!
2. А мы дадимъ дѣвицу, дѣвицу,
Ой дидъ и лада, дѣвицу, дѣвицу!
1. Вотъ то-то намъ надобно, надобно,
Ой дидъ и лада, надобно, надобно!

Послѣ этого двое мущинъ первой половины, поднимаютъ руки вверхъ и образуютъ изъ нихъ подобіе воротъ, а третій, т. е. тотъ, который отдалъ дѣвицу, бѣжитъ въ ворота со всѣмъ хороводомъ; но тутъ опускаютъ руки, чтобы разлучить его съ своимъ хороводомъ, и когда успѣютъ, тогда поетъ первая половина:

1. Нашего полку прибыло, прибыло,
Ой дидъ и лада, прибыло, прибыло!
2. А нашего убыло, убыло,
Ой дидъ и лада, убыло, убыло! —

Это продолжается убывать дотѣхъ поръ, пока останется во второй половинѣ одинъ только человѣкъ, и этимъ оканчивается игра. — Поютъ еще иначе:

Красны дѣвушки чищу чистили,
Молодушки пашню пахали.
А мы просо сѣяли,
А мы коней пущали. —
Диди, ла, ой, пущали. —
А мы коней ловили,
А мы коней выручали —

Диди, ла, ой, выручали. —
За вырочку сто рублей!
За сто рублей славы нѣтъ,
Диди, ла, ой, славы нѣтъ!
А мы возьмемъ тысячу.
За тысячу слова нѣтъ,
Диди, ла, ой, слова нѣтъ!
У насъ у полку прибыло.
У насъ у полку убыло,
Диди, ла, ой, убыло!
Красныхъ дѣвокъ прибыло, —
Молодушекъ убыло.

Просо сѣять поютъ въ Галиціи почти одинаково, какъ у насъ на Руси,

А мы просо сѣяли, ой дидъ и ладо!
А мы просо вытопчемъ, ой дидъ и ладо!
Да чѣмъ же вамъ вытоптать? ой дидъ и ладо!
А мы коней выпустимъ, ой дидъ и ладо!
А мы коней переймемъ, ой дидъ и ладо!
Да чѣмъ же перенять? ой дидъ и ладо!
А шелковымъ неводомъ, ой дидъ и ладо!
А мы коней выкупимъ, ой дидъ и ладо!
Да чѣмъ же вамъ выкупить? ой дидъ и ладо!
А мы дадимъ дѣвицу, ой дидъ ладо! (*)

Бранье льна.

Этотъ хороводъ разыгрываютъ по большей части послѣ бранья льна, въ концѣ лѣта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ играютъ его въ *бабье лѣто*, а въ другихъ когда зазеленѣетъ лѣсъ. — Образовавъ кругъ, ставятъ въ срединѣ дѣвушку, которая, представляя берущую ленъ, поетъ вмѣстѣ съ хороводомъ:

(*) Kollar: Národ. Zpiew. ч. I. с. 400.

Я посѣю бѣлой ленъ,
И тонокъ и волокнистой.
Уродился бѣлой ленъ,
И тонокъ и волокнистой.
Сталъ ленъ зеленѣти,
Сталъ ленъ созрѣвати.
А я молодешенька,
Начала горевати:
Съ кѣмъ-то ленъ мнѣ брати?
А свекоръ тутъ отозвался, —

Одна изъ дѣвушекъ отвѣчаетъ вмѣсто его:

Я съ моей снохой,
Я съ моей съ молодой!

Берущая ленъ:

Чортъ возьми его!
Это не бранье,
Одно гореванье!

Продолжаютъ пѣть:

Я посѣю бѣлой ленъ,
И тонокъ и волокнистой.
Уродился бѣлой ленъ,
И тонокъ и волокнистой. —
А я молодешенька,
Зачала горевать:
Съ кѣмъ-то мнѣ ленъ брать?
А свекровь тутъ сказала:

Другая дѣвушка откликается вмѣсто свекрови.

Я съ моей снохой,
Я съ моей съ молодою!

Берущая ленъ отвѣчаетъ:

Чортъ возьми ее!
Это не бранье,
Одно гореванье!

Продолжаютъ пѣть:

Я посѣю бѣлой ленъ,
И тонокъ и волокнистой.
Уродился бѣлой ленъ,
И тонокъ и волокнистой. —
А я молодешенька,
Зачала горевать:
Съ кѣмъ-то ленъ мнѣ брать?
А милой тутъ.

Выходитъ третья дѣвушка:

Я съ тобою,
Съ моею дорогою!

Берущая ленъ отвѣчаетъ:

Вотъ-то ужъ бранье!
Все лишь цѣлованье!

За нею повторяетъ то же самое весь хороводъ.

Бранье льна выражаетъ простосердечіе дѣвушки, думающей, что вся жизнь ея одно только цѣлованіе.

Плетень. Веселая, живая и увеселительная дѣвическая забава, — это плетень. Какойже она заключаетъ въ себѣ смыслъ? Посмотримъ на самое образованіе. Становятся дѣвушки въ одинъ рядъ и всѣ переплетаются руками въ

видѣ плетня. Не знаменіе ли это чистой дружбы? Но самая пѣснь выражаетъ совсѣмъ другое. Пропѣвъ первые три стиха, первая пара поднимаетъ дугообразно вверхъ руки, чрезъ ихъ дугу проходятъ попарно всѣ прочія въ хороводѣ, и потомъ расплетаются. Не означаетъ ли это разстройство дружбы? — Откуда же плетень перешелъ къ намъ?—Греки любили эту забаву. Греческія дѣвушки, пѣвшія хоромъ при богослуженіи, стояли у жертвенника, переплевшись руками, представляя этимъ дружбу добрыхъ и чувствительныхъ сердецъ: злые не могутъ даже стоять вмѣстѣ. Нѣтъ доказательствъ, чтобы плетень перешелъ къ намъ изъ Греціи. Въ Европѣ его нѣтъ, и тамъ никогда не знали его. — Нѣкоторые русскіе обряды сходствуютъ съ греческими, изъ этого можно бы заключить, что мы, Русскіе, позаимствовали отъ нихъ и плетень — нѣтъ, Русскіе сами изобрѣли плетень: веселый ихъ духъ и расположеніе къ удовольствію, изобрѣли эту забаву. — Въ какое время появился у насъ плетень? По слогу пѣсни она не ранѣе полов. XVI вѣка, ибо самое слово *сахарный*, встрѣчаемое здѣсь, показываетъ, что она не могла быть ранѣе: потому что сахаръ вошелъ у насъ, во всеобщее употребленіе, около этаго времени, — хотя онъ былъ извѣстенъ намъ въ XI вѣкѣ. — Вотъ самая пѣснь:

Заплетися плетень, заплетися!
Ты завейся труба золотая,
Завернися камка кружчатая.
Изъ за-горъ дѣвица утей выгоняла:
Тиги! утушка домой,
Тиги! сѣрая домой. —
Я сама гуськомъ,
Я сама сѣринькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!

Потопила малыхъ дѣтушекъ:
Во меду, во патокѣ,
И въ яствѣ сахарномъ.
Я дамъ старикамъ,
Киселя съ молокомъ;
Краснымъ молодкамъ,
Шелковую плетку;
А нашимъ дѣвицамъ,
Бѣлилъ и румянъ. —
Расплетайся плетень, расплетайся!

Въ это время хороводъ расплетается. Первая пара дѣлаетъ дугу, чрезъ которую всѣ проходятъ, расплетаясь постепенно, какъ бы нехотя, и поютъ всѣ:

Ты развейся труба золотая,
Ты развернися, камка кружчатая!
Изъ за-горъ дѣвица утей выгоняла:
Тиги! утушка домой.
Тиги! сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣринькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Вынимала малыхъ дѣтушекъ
Изъ меду, изъ патоки,
Изъ яствъ сахарныхъ. —

По расплетеніи расходятся въ разныя стороны, и оканчиваютъ припѣвомъ:

Тиги! наша молодость,
Тиги! дѣвичья краса.

Послѣдній припѣвъ есть намекъ на дѣвическую, скоропролетающую молодость и на ея быстроувядаю-

шую прелесть. И что такое краса дѣвушекъ? — Одно мечтательное достоинство. (*)

Въ плетень не вездѣ играютъ единообразно. Въ смоленской губерніи мущины и дѣвушки, побравшись за руки, составляютъ сначала кружокъ и поютъ:

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся труба золотая,
Завернися камка парчевая. —
Какъ сѣра утица,
Потопила дѣтушекъ:
Да въ меду и въ патокѣ,
Да и въ яствахъ сахарныхъ.

Потомъ, при повтореніи снова этой пѣсни, начинаютъ заплетать плетень: первая пара лѣвой стороны поднимаетъ руки вверхъ въ видѣ дуги, сквозь которую ведетъ хороводъ, избранная мать; потомъ вторая особа поворачивается спиною къ первой, и заплетаютъ плетень: лѣвая рука первой особы, идетъ чрезъ лѣвое плечо и грудь второй, и соединяется съ правой ея рукою, а лѣвую свою руку поднимаетъ вторая особа вмѣстѣ съ третьею, въ видѣ дуги, чрезъ которую проходитъ хороводъ, и когда онъ дойдетъ до пары, поднявшей руки вверхъ, тогда третья особа поворачивается спиною ко второй, и лѣвая рука второй особы, идетъ чрезъ лѣвое плечо и грудь и соединяется съ правою рукою третьей, и т. д. Такимъ образомъ заплетается весь плетень. Пѣснь поется безумолкно. По заплетеніи плетня, мать про-

(*) Въ пѣсельникѣ Прача. изд. 1790 года, и въ пѣсельникахъ изд. С. П. Б. 1819 г. и изд. Московск. 1822 г., плетень сокращенъ и переиначенъ. См. тамъ эти хороводныя пѣсни.

буетъ: крѣпокъ ли онъ? потому шатаетъ его во всѣ стороны, и запѣвши:

Расплетися плетень, расплетися,
Ты развейся труба золотая,
Развернися камка парчевая.
Кабы сѣра утица,
Потопила дѣтушекъ:
Ни въ меду, ни въ патокѣ,
Да ни въ яствахъ сахарныхъ.

Идетъ уже въ противную сторону и расплетаетъ плетень. —

Въ саратовской губерніи играютъ въ плетень иногда зимою. Въ вечерніе часы собираются парни, дѣвушки и молодушки, и на улицѣ составляютъ хороводъ, переплетясь рука съ рукою. Послѣ словъ:

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся труба золотая,
Ты завейся камка кружчатая,

Хороводъ выпрямливается. Первая съ конца пара поднимаетъ вверхъ переплетенныя свои руки, подъ коими проходятъ всѣ играющія, не расплетаясь, и вторая изъ первой прошедшей пары, сдѣлавъ оборотъ за дугою, становится спиной къ первой своей подругѣ, и положивъ свою руку на ее плечо, передаетъ другую слѣдующей, за коею всѣ слѣдующія переплетаются въ этомъ порядкѣ, и поютъ въ тоже самое время. Когда всѣ заплетутся, тогда, послѣ словъ:

Расплетайся плетень, расплетайся,

Первая пара, проходя подъ руками послѣдней, начинаетъ расплетаться, и это продолжается дотолѣ, пока всѣ не расплетутся. —

Становятся дѣвушки въ одинъ рядъ, который чѣмъ длиннѣе, тѣмъ красивѣе. Двѣ дѣвушки, стоящія на одномъ какомъ либо концѣ, *водятъ хороводъ*: это значитъ, когда одной изъ нихъ пропоютъ имя, тогда она съ своей подругою переходитъ съ своего конца на другой, поднимаетъ тамъ съ нею свои руки вверхъ дугообразно, и чрезъ эту дугу проходятъ всѣ дѣвушки, одна за другой. Первая, проходящая чрезъ дугу, *водитъ танецъ*, т: е: за нею идутъ всѣ дѣвушки игривой вереницею, въ родѣ танца. Когда всѣ пройдутъ, тогда державшія руки вверхъ, не опуская ихъ, дѣлаютъ полуоборотъ и потомъ останавливаются уже въ послѣднемъ ряду. Водившая же танецъ становится, съ первой своею сосѣдкою на мѣстѣ водившихъ хороводъ, и такимъ образомъ продолжаютъ играть поочередно, пока всѣхъ не переберутъ. Галка.

При пѣніи пѣсни всѣ машутъ руками единообразно, доколѣ не наступитъ очередь водить танецъ.

Ой галко, галко,
Золотая клюшнице!
Стань же намъ на помочи:
Зъ молодыми молодыцями,
Зъ красными дивчатами.
Ой галко чорна,
Чимъ не моторна,
Чому не ночуешъ дома? —
Галочка литае,
Парочки шукае.
А ты Настусю, скочь на кинецъ,
А ты Гануся, веди танецъ.

Поименованная Настуся (Анастасія) переходитъ съ своей подругою на другой конецъ, и поднимеатъ съ нею руки дугообразно, а поименованная Гануся (Аннушка)

ведетъ танецъ, и когда онъ идетъ, тогда всѣ поютъ, за исключеніемъ держащихъ руки вверхъ.

Ой галочка чорна,
Чимъ не моторна,
Чому не ночуешъ дома?
Галочка литае,
Парочки шукае. —

Галка одинокая летаетъ не весело, потому что ищетъ себѣ дружка, такъ и каждая дѣвушка, томясь одиночествомъ, ищетъ себѣ друга вѣковѣчнаго. —

Щитка. Дѣвушки и мущины, побравшись за руки, ходятъ вокругъ одной дѣвушки, которая въ то время, бѣгая по кругу, бьетъ въ ладоши и припѣваетъ съ другими:

Щитка маленька,
Повидай де твоя ненька?
На маковци сидила,
Дрибенъ мачокъ дзюбала:
Дзюбъ, дзюбъ, дзюбанецъ,
Холитъ дивка у танецъ,
А за нею молодецъ.
Не ходы дивко у танецъ,
Лихо буде пидъ кинецъ.

Выходитъ изъ круга молодецъ и подходя къ каждой дѣвушкѣ, говоритъ:

Горю, горю, пень!
Дѣвушка. Чего ты горишъ?
Молодецъ. Щитки, гребинки, красной пани.
Дѣвушка. Якои? (какой)
Молодецъ. Тебе молодои. —

При этомъ словѣ дѣвушка выбѣгаетъ изъ круга, а молодецъ бросается ловить ее. Если онъ словитъ ее, то она становится въ кругъ, а если нѣтъ, то онъ самъ вмѣсто бѣгавшей по кругу.

Молодость всегда горитъ любовью. —

Горошекъ.

Дѣвушки и парни, побравшись за руки, ходятъ медленнымъ кругомъ и поютъ притопывая:

Посіявъ я горошекъ на зеленій нивцы,
Купивъ же я черевички своій чернобривци;
Щей горошекъ не взійшовъ, тилько лободочки.
Витоптала жъ черевички, тилько за пяточки.
Ой дивчино чія ты? чи выйдешъ ты на улицу гуляты?
Не пытайся чія я, коли выйдешъ, выйду и я;
Коли ходишъ, то ходы; колы любишъ, то любы.
Не зводь мене зъ ума, колы думки нема. —

Этимъ пѣніемъ оканчивается хороводъ, который однако возобновляется по желанію. —

Когда мущинѣ по сердцу дѣвушка, тогда онъ не долженъ коварствовать предъ нею, ибо самая пѣснь говоритъ: *если любишъ меня, то люби; но не своди меня съ ума, когда на мысли нѣтъ любви* (*)

(*) Три эти хоровода суть малороссійскіе; они пропущены въ оглавленіи хороводовъ, равномѣрно пропущены въ оглавленіи игръ слѣдующія три малороссійскія игры, а именно: *толо, укравъ рипки и дробушки*, которыя по этому помѣщаются здѣсь въ примѣчаніи.

Толо.

Нѣсколько дѣвушекъ и парней садятся на землѣ въ тѣсный кружокъ, а одинъ кто либо изъ играющихъ садится посрединѣ ихъ, нагнувшись головою къ самой землѣ. Всѣ играющіе

Барское угощеніе.

Въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, разыгриваютъ поселяне предъ барскимъ домомъ хороводъ, называемый барскимъ угощеніемъ. Этотъ хороводъ нынѣ въ рѣдкомъ употребленіи. Мнѣ случилось однажды видѣть, что поселяне разыгрывали его въ праздникъ послѣ перваго сѣнокоса. Пришедъ толпою къ дому

кладутъ на спину нагнувшагося свои руки, и потомъ одинъ изъ парней или одна изъ дѣвушекъ, взявъ чей либо перстень, поетъ:

Ой толо, толо, золотое перо,
Да було соби толо съ квитками,
Ступаючи на перину съ дивками,
Да думай же толо, да гадай толо:
На чіій руци, на мережанци,
Перстень упавъ?

При этомъ словѣ кладетъ кому либо на руку перстень, а нагнувшіяся, положимъ дѣвушка, должна отгадать: на чію руку онъ положенъ? Если не отгадаетъ, то прежняя дѣвушка поетъ:

Не вгадала Анна панна,
Пресличная Анна панна,
На чіій руци, на мережанци,
Перстень упавъ.

Потомъ снова начинаетъ пѣть прежнее: ой толо, толо, и т. д.; послѣ опять кладетъ перстень и это продолжается дотолѣ, пока нагнувшаяся не отгадаетъ. Когда же отгадаетъ: на чію руку былъ положенъ перстень, тогда она встаетъ а ея мѣсто занимаетъ отгадавшая, и такимъ образомъ играютъ, пока не наскучитъ.

своего господина и не спросясь его дозволенія, они начали пѣть и танцовать; помѣщикъ угощалъ ихъ потомъ виномъ и ужиномъ.—Прилагаемая пѣснь списана со словъ поселянъ смоленскаго уѣзда.

Эта игра составляетъ просто одну рѣзвую забаву, но въ ней часто прокрадывается желаніе дѣвушекъ: угадаетъ ли ея руку, кто дорогъ ея сердцу? По отгадыванію судятъ объ исполненіи своихъ желаній. —

Укравъ рипки.

Двѣ дѣвушки, поднявъ свои руки вверхъ, образуютъ дугообразные ворота. Прочія дѣвушки, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше, побравшись за руки и составивъ кругъ, идутъ попарно одна къ другой спиною, и не разрывая круга, проходятъ попарно же чрезъ ворота. Прошедши ворота, онѣ растягиваютъ свой кругъ какъ можно побольше, и держась крѣпко за руки, кружатся быстро въ одну какую либо сторону, и поютъ:

А вкравъ рипки,
Полетили къ чорту дитки.
Кто оторвется,
Тому не минетця.

Кто вырывается изъ круга и падаетъ, тотъ уже не принимается въ игрѣ и еще насмѣхаются надъ упавшимъ. — Такъ и въ свѣтѣ.

Въ другихъ мѣстахъ эта самая забава носитъ названіе игры въ *дурного колеса*. Такое названіе конечно произошло отъ того, что кругъ вертится колесомъ, и такъ скоро, какъ можно, а отъ этого вертѣнія происходятъ головокруженія и ушибы.

Дробушки.

Въ нее играютъ только вдвоемъ. Ставъ другъ противъ друга и взявшись за руки, вытягиваютъ ихъ какъ можно подлиннѣе, и въ то же самое время протягиваютъ свои ноги, коими

Близь города Смоленска
Протекалъ быстрый Днѣпръ,
По той по рѣкѣ быстрой,
Плылъ осетръ рыба,
Осетръ рыба свѣжая.
Ой вы, ребята молодые!
Закиньте невода,
Ловите осетра.—
Какъ бы его словить!
Хозяину на столъ,
На скатерти тканыя,
На блюда серебряныя.
Близь города Смоленска
Протекалъ быстрый Днѣпръ,
По той по рѣкѣ быстрой,
Разыгрались черны соболи. —
Завидѣли молодцы во чистомъ полѣ.—

упираются взаимнообразно; потомъ начинаютъ кружиться припѣвая:

Дробу, дробу, дробушéчки,
Наившися петрушечки.
Гиля, гиля, до воды,
Наившися лободы. —

При быстромъ круженіи опускаетъ кто либо руки съ намѣреніемъ, или иногда сами опускаются руки отъ головокруженія, и тогда одинъ изъ нихъ летитъ на землю, а часто падаютъ вмѣстѣ. Зрители этой забавы издѣваются и хохочутъ надъ упавшими.

Дробушечки доставляютъ очень хорошее тѣлесное упражненіе, но въ этой игрѣ высказывается смыслъ падающихъ.

Ой вы, ребята молодцы,
Раскиньте путы,
На черныхъ соболей.
Ахъ какъ бы ихъ изловить!
Хозяюшкѣ на шубку,
А дочкамъ на бѣлы плечи. —

Вьюнъ и кругъ.

Совершеніе хороводовъ измѣнено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ олонецкой губерніи. Тамъ они превращены въ вьюнъ и кругъ, при коихъ часто поются плясовыя пѣсни; разыгриваются весною и лѣтомъ, потому помѣщены здѣсь между лѣтними хороводами. Вьюнъ есть пляска; онъ похожъ на польскую, съ тѣмъ различіемъ, что въ польскомъ мущина выбираетъ даму и проходитъ съ нею всѣ комнаты, а въ вьюнѣ выбираетъ дѣвушка мущину и ходитъ съ нимъ по комнатѣ. Въ кругѣ становятся дѣвушки парами; одна изъ нихъ запѣваетъ пѣснь, другія подхватываютъ общимъ хоромъ, ходя вокругъ тихой пляскою и продолжая безпрерывное пѣніе, которое часто сопровождается хлопаніемъ въ ладоши. (*) Иногда кругъ останавливается, тогда одна какая нибудь пара выходитъ на средину и начинаетъ русскую. Танцовщицы помахиваютъ бѣлыми платками и изъясняются движеніями. — Вотъ нѣсколько образцевъ, хороводно-плясовыхъ игръ.

Всѣ мужья до женъ добры,
Покупили женамъ бобры;
Мой мужъ не ласковъ до меня,
Не купилъ мнѣ черна бобра.

(*) Должно замѣтить, что всѣ пѣсни въ олонецкой губерн. называются *плачемъ*.

Онъ корову купилъ,
Мнѣ заботу снарядилъ;
Лучшебъ масла и муки купилъ,
Ябъ стряпейку наняла. (*)
Стряпеюшка бъ постряпивала,
А я млада похаживала,
Каблуками приколачивала.
Вы бѣлильцы, румянца мои,
Дорогія, новокупленыя,
Въ зелено вино возложеныя,
На бѣло лицо положеныя!
Скатись съ бѣлаго лица долой!
Ѣдетъ добрый мужъ домой,
Любимые подарочки везетъ:
Шелкову плеть не свистанную (**)
На младу жену избалованную. —

—

Дѣвушка въ горенькѣ сидѣла,
Сквозь оконушко глядѣла,
Сквозь хрустальное стекло.
Не работушку работала,
Гребенемъ голову чесала,
Русу косу плела,
Въ гости милаго ждала.
Не дождавши своего милова,
Постелюшку постлала,
И заплакала пошла. —
Почастехонько въ окошко поглядывала.
Что нейдетъ ли, не летитъ ли,
Съ поля миленькой дружокъ?
Не ясенъ соколъ летитъ,
Съ поля миленькой идетъ,

(*) Стряпейка, — стряпуха, повариха. —
(**) Подъ этимъ словомъ разумѣютъ такую плеть, которою еще никого не били. —

Своими рѣзвыми ногами,
Милъ постукиваетъ;
Своими бѣлыми руками
Милъ помахиваетъ;
Своими желтыми кудрями,
Милъ потряхиваетъ.
Прямо, прямо, мой милой,
Ко мнѣ въ высокой теремъ!
Ко мнѣ въ высокой теремъ!
На тесовую кровать,
На правую ручку спать.

Началъ парень красну дѣвку цѣловать, миловать;
Цѣловавши, миловавши, приговаривать
Надъ моей русой косой,
Надъ дѣвичьей красотой:
Ужь ты, косынька-коса!
Не ты ль меня, косинька, повысушила?
Не ты ль меня съ ногъ сронила?

—

Ужъ ты Ванюша, Иванъ,
Ваня, братецъ мой!
Прилюбился разумъ твой,
Весь обычай дорогой.
Перестань Ваня пить,
Будутъ дѣвушки любить,
Станутъ молодушки хвалить.
Ужъ какъ я молода,
Одинокая была, въ одиночествѣ жила:
Затопила млада печку,
Сама по воду пошла. —
На водушкѣ на водѣ,
Гуси, лебеди сидятъ,
Свѣжу водушку мутятъ.
Почерпнула я, пошла,
До полу-горы дошла,
До царева кабака.

У царева кабака сочинилася бѣда, —
Загорѣлась слобода.
Какъ на этотъ на пожаръ,
Съѣзжались господа,
Со уѣзднаго суда.
Ахъ, что этотъ за пожаръ!
Онъ не жарко горитъ,
Онъ не жарко горитъ,
Только смахиваетъ.
Ахъ, что это за мужъ,
Молоду жену не бьетъ!
Бей жену къ обѣду, —
Къ ужину снова, да опять,
Чтобы щи были горячи,
Каша масляная....

—

Удалая голова!
Удалая голова!
Не ходи мимо сада.
Въ немъ тропиньки не топчи,
И дорожки не тори.
Ты дорожки не тори,
Худой славы не клади.
Худа славушка пройдетъ,
Никто за мужъ не возьметъ:
Ни подьячій, ни купецъ,
Ни удалый молодецъ.
Отцу, матери безчастье,
Роду племени укоръ,
Роду племени укоръ.
Съ плечь головушка долой! (*)

—

(*) Эта пѣснь поется точно такъ же и въ смоленской губерніи, и она такъ же напечатана въ старинномъ пѣсенникѣ. —

Мнѣ нельзя итти домой!
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу изнова онять:
Я во садику была, во зеленомъ гуляла;
Сладки яблочки щипала, наливчатыя,
Я наливчатыя, самы разсыпчатыя,
Я на блюдечко клала, на серебряный подносъ,
Въ высокъ теремъ пошла,
И милому поднесла.
Милый яблокъ не принялъ,
Ничего не говоритъ:
Ни отказываетъ, ни приказываетъ.
Только и знаетъ мой миленькой,
Что сердитъ на меня.
Разсержусь же я молодёшенька,
Я сама ль на него,
Еще ль по крѣпче ль того.

—

Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
А кипитъ, горитъ ретиво сердце,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
А кипитъ, горитъ по красной дѣвушкѣ.
Что отъ дѣвушки пришла вѣсточка,
Пришла вѣсточка скора грамотка:
Красна дѣвица есть трудна, больна,
Во постелюшкѣ, во могилушкѣ.
Я пойду съ горя на почтовый дворъ,
Я найму пару вороныхъ коней;
Я поѣду ли ко могилушкѣ,
Ко могилушкѣ, ко красной дѣвушкѣ:
«Ты встань-ка, красная дѣвица!
«Ты отдай-ка, отдай мой тальянской платъ,
«Ты бери, возьми свой злаченъ перстень:
«Ужъ мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
«Тебѣ тѣмъ платкомъ жениха дарить.»

Эта старинная пѣснь, сочиненная въ Петербургѣ въ началѣ XVII стол., переиначена олонецкими жителями, и она пѣвалась такъ:

Какъ въ городѣ во Санктпитерѣ,
Что на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ;
Какъ на пристани корабельной,
Молодой матросъ корабли снастилъ,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыихъ, полотняныихъ.
Что изъ высока нова терема
Изъ косящетова окошечка,
Изъ хрустальныя изъ оконечки, —
Усмотрѣла тутъ красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь отецкая,
Усмотрѣвъ, выходила на берегъ,
На Неву рѣку воды чернати;
Почерпнувши, ведра поставила,
Что поставивши слово молвила:
Ахъ ты, душечка! молодой матросъ!
Ты за чемъ рано корабли снастишь?
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ?
Тонкихъ, бѣлыихъ, полотняныихъ!
Какъ отвѣтъ держитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, молодой матросъ:
Ахъ ты, гой еси красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь отецкая!
Не своей волей корабли снащу:
По указу ли Государеву,
По приказу адмиральскому.
Подняла ведра красна дѣвица,
Поднявши, сама ко двору пошла.
Изъ камня изъ подъ бѣлова,
Изъ подъ кустика изъ подъ ракитова,
Не огонь горитъ, не смола кипитъ,

Что кипитъ сердце молодецкое,
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
Не по братцѣ, не по родной сестрѣ,
Но по душечкѣ красной дѣвицѣ.
Перепала ли ему вѣсточка,
Красна дѣвица неможна лежитъ.
Послѣ вѣсточки скоро грамотка: —
Красна дѣвица переставилась!
Я пойду теперь на конюшній дворъ,
Я возьму коня что не лучшаго,
Что не лучшаго, самодобраго.
Я поѣду ли къ Божьей церквѣ,
Привяжу коня къ колоколинькѣ,
Самъ ударюсь объ сыру землю!
Раступися ты мать, сыра земля!
И раскройся ты гробова доска,
Развернися ты золота парча,
Пробудися ты красна дѣвица!
Ты простись со мной, съ добрымъ молодцомъ,
Съ добрымъ молодцомъ, другомъ милымъ,
Съ твоимъ вѣрнымъ полюбовникомъ. (*)

—

Ты отеческая дочь!
Не ходи гулять въ полночь,
Не ходи гулять въ полночъ;
Мимо моего двора,
Не прокладывай слѣда. —

(*) Новое и полн. собран. пѣсень ч. I. № 177. издан. Моск. 1780 года. Эта пѣснь перепечатана въ новѣйшемъ и полномъ общенародн. пѣсенникѣ № 144, издан. Моск. 1810. г.: въ новѣйш. и полн. пѣсен. ч. 2. издан. С. П. Б. 1819. г., и ч. 2. издан. Моск. 1822. г. №. 232, но вездѣ съ измѣненіями. –

У моего ли у двора,
Прикатана, углажена гора:
Водою улита,
Водою улита,
Каблуками убита,
Лишъ я скокъ на ледокъ, —
Окаянный башмачокъ!
Окаянный башмачокъ!
Поскользнулся каблучокъ,
Я упала на бочекъ!
Не слыхала какъ упала,
Погляжу млада, лежу,
Я на правомъ на боку, —
Я туда и сюда глядь:
Меня не кому поднять.
Шелъ дѣтина молодой,
Не женатой, холостой.
Я не знала какъ назвать,
Поучилася солгать,
Его душенькой назвать.
Душа моя, душенька!
— Ужъ я радъ бы поднять:
Со стороны люди глядятъ,
Со стороны люди глядятъ,
Поймать меня хотятъ:
Руки, ножки связать,
Во солдатушки отдать,
Во солдатушки отдать,
Отцу, матери не ждать.

—

За моремъ далече,
Межъ горъ высоко.
Тамъ моя милая
Подъ окошечкомъ сидитъ,
Слезно плачетъ, говоритъ:
Изъ за той стороны

Воздухъ пріятный несетъ,
Гдѣ моя любезная
Сашинька живетъ. —
Скажи, скажи милая!
Любишъ ли меня?
Если ты любишь,
Возьму за себя;
Если же не любишь,
Убью самъ себя.
Напишу я надпись,
Надъ гробомъ своимъ.
Увидишь, узнаешь,
Что вѣренъ я былъ;
На ней прочитаешь:
Одну ее любилъ. —
Старые люди неразсудливые!
Словно молоды не бывали,
Словно про любовь не слыхали.

Эту пѣснь поютъ протяжно и заунывнымъ голосомъ.

—

Во полѣ березанька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла!
Некому березы заломати,
Некому березы заломати,
Люли, люли, заломати!
Я пойду березу заломаю,
Я пойду березу заломаю,
Люли, люли, заломаю!
Вырѣжу я три прутичка,
Вырѣжу я три прутичка,
Люли, люли, три пруточка!
Сдѣлаю я три гудочка,
Сдѣлаю я три гудочка,

Люли, люли, три гудочка!
Четвертую балалайку,
Четвертую балалайку,
Люли, люли, балалайку!
Пойду я на новыя на сѣни,
Пойду я на новыя на сѣни,
Лили, люли, на новыя на сѣни!
Стану въ балалаичку играти,
Стану въ балалаичку играти,
Люли, люли, играти!
Стану я стараго пробуждати,
Стану я стараго пробуждати,
Люли, люли, пробуждати!
Встань ты, старой чортъ, проснися!
Встань ты, старой чортъ, проснися!
Люли, люли, проснися!
Борода сѣдая, пробудися,
Борода сѣдая, пробудися,
Люли, люли, пробудися!
Вотъ тебѣ помои, умойся,
Вотъ тебѣ помои, умойся,
Люли, люли, умойся!
Вотъ тебѣ рогожа, оботрися,
Вотъ тебѣ рогожа, оботрися,
Люли, люли, оботрися!
Вотъ тебѣ заслонка, помолися,
Вотъ тебѣ заслонка, помолися,
Люли, люли, помолися!
Вотъ тебѣ баранъ, разчешися,
Вотъ тебѣ баранъ, разчешися,
Люли, люли, разчешися!
Вотъ тебѣ осметки, обуйся,
Вотъ тебѣ осметки, обуйся,
Люли, люли, обуйся!
Вотъ тебѣ шубенька, одѣнься,
Вотъ тебѣ шубенька, одѣнься,
Люли, люли, одѣнься!

Во полѣ березанька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла!
Некому березы заломати,
Некому кудрявой заломати,
Люли, люли, заломати!
Я пойду березу заломаю,
Я пойду березу заломаю,
Люли, люли, заломаю!
Вырѣжу я три прутичка,
Вырѣжу я три прутичка,
Люли, люли, три прутичка!
Сдѣлаю я три гудочка,
Сдѣлаю я три гудочка,
Люли, люли, три гудочка!
Четвертую балалайку,
Четвертую балалайку,
Люли, люли, балалайку!
Пойду я на новыя на сѣни,
Пойду я на новыя на сѣни,
Люли, люли, на новыя на сѣни!
Стану въ балаланчку играти,
Стану въ балаланчку играти,
Люли, люли, играти!
Стану я милаго пробуждати,
Стану я милаго пробуждати,
Люли, люли, пробуждати!
Встань ты, душа, пробудися!
Встань ты, душа, пробудися!
Люли, люли, пробудися!
Вотъ тебѣ водица, умойся,
Вотъ тебѣ водица, умойся,
Люли, люли, умойся!
Вотъ тебѣ полотенце, оботрися,
Вотъ тебѣ полотенце, оботрися,
Люли, люли, оботрися!

Вотъ тебѣ икона, помолися,
Вотъ тебѣ икона, помолися,
Люли, люли, помолися!
Вотъ тебѣ гребешечекъ, причешися,
Вотъ тебѣ гребешечекъ, причешися,
Люли, люли, причешися!
Вотъ тебѣ башмачки, обуйся,
Вотъ тебѣ башмачки, обуйся,
Люли, люли, обуйся!
Вотъ тебѣ кафтанчикъ, нарядися,
Вотъ тебѣ кафтанчикъ, нарядися,
Люли, люли, нарядися!

Эту пѣснь поютъ еще и такъ:

Я пойду рябину заломаю,
Выломаю три прутичка! —
Стану я стараго будити:
Встань, мой старъ, пробудися!
Вотъ тебѣ помои, умойся!
Вотъ тебѣ рогожа, оботрися!
Стану я малаго будити:
Встань мой малъ, пробудися!
Вотъ тебѣ грязна вода, умойся!
Вотъ тебѣ тряпица, оботрися!
Стану я ровнюшку будити:
Встань мой ровнюшка, пробудися!
Вотъ ключевая вода, умойся,
Вотъ тебѣ платочекъ, оботрися,
Вотъ тебѣ икона, помолися!
Старый мужъ на руку ложится,
Какъ колода валится;
Ровнюша-мужъ на руку ложится,
Легче пера лебединаго.
Старый мужъ къ устамъ припадаетъ,

Какъ смолой поливаетъ;
Ровнюшка мужъ къ устамъ припадаетъ,
Словно медомъ поливаетъ.

—

Какъ вила сѣрая утка,
Въ шелковой травѣ гнѣздо!
Она вила недѣлю,
Она вила другую;
А на третью недѣлю поднялась, полетѣла!
Какъ на встрѣчу той уткѣ,
Государевы ловцы.
Эй вы ловцы, вы ловцы,
Удалые молодцы!
Не видали ли вы селезёнка?
Ужъ какъ твой селезёнокъ,
Во государевомъ во домѣ,
На дубовомъ на столѣ,
На серебряномъ блюдѣ,
Бѣлымъ сахаромъ осыпанъ,
И шафраномъ посыпанъ. —
За твоимъ ли селезёнкомъ,
Сидѣлъ Царь со Царицей,
Молодецъ со дѣвицей. —
Какъ дѣвица то скажетъ:
Я на смерть не навижу,
Столь богата скупого;
Я еще не навижу,
Кто вдову изобидитъ,
Красну дѣвку осудитъ,
Молодца обезчеститъ.
Ты построй, милой, теремъ,
Противу терема теремъ,
Изъ дверей во двери,
Изъ окошка въ окошко. —

—

Не березанька съ березкой свивалася,
Не дѣвушка съ молодцомъ совыкалася;
Совыканьице было съ дружкомъ тайное,
Разставанье же съ дружкомъ было явное.
Отъѣзжаетъ мой любезный,
Во путь во дороженьку;
Хоть не въ дальнюю, любезный!
Жаль мнѣ и тошненько.
Онъ запѣлъ мой дружечекъ,
Запѣлъ съ горя пѣсеньку:
Ты прощай-ка, прощай,
Прощай моя любушка!
Ты прощай-ка моя,
Сизенька голубушка!
Наживай-ка ты себѣ дружка инаго —
Буде лучше наживешъ, меня позабудешь;
Буде хуже наживешь, меня вспомянешъ.
Пріѣзжай-ка мой любезный, жить-то мнѣ тошненько.
Надорвется животъ, животъ и сердце плачутъ,
Все тебя мой другъ дожидаютъ! —
Со восточныя, мой милой, со сторонушки,
Со любезныя пути — дороженьки.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

15, 14, 3-9, 18, 19, 22-25, 34, 43, 49-50,
52-53, 60, 66-69, 87-89, 96, 97, 100, 120,
123-124, 129, [Часть IV: 4, 5, 6, 13-14, 16-17, 18,
Морал мр: 19, 20, 24, 26, 57, 60, 81-83, 101,
228-229,

25, 28, 29, 45, 81-83, 93, 96, 99, 101-102, 112, 160
123, 124-125, 133-134, 136, 153, 154, 156-157, 161, 162,
303-305, 237 F, 244, 216, 214,